

11099
ББК 84.07

В. А. ЖУКОВСКИЙ

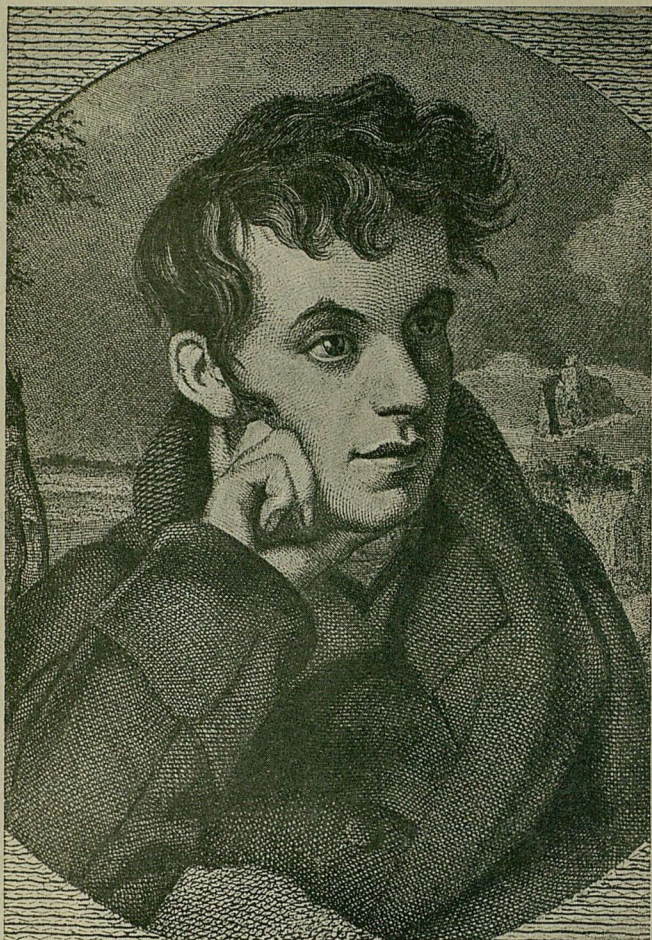

ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРА

В. А. ЖУКОВСКИЙ

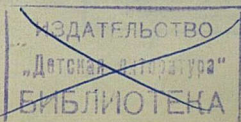
42 43
В. А. ЖУКОВСКИЙ

БАЛЛАДЫ

28

*Редакция текста
и комментариев
Цезаря Вольне*

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1936

**ПЕРЕПЛЕТ В. ДВОРАКОВСКОГО
ПОДБОР ИЛЛЮСТРАЦИЙ И МАКЕТ
КНИГИ Н. ПЕТРОВОЙ**

*Для среднего и старшего
возраста*

Редактор А. Любарская. Худож-
ник-редактор Ю. Петрова. Техн.
редактор Н. Родченко. Коррек-
тор Н. Томиш. Книга сдана в набор
1/VI 1936 г. Подписана к печати
28/VIII 1936 г. Д-7. Лендетиздат
№ 60. Ленинлит № 18910. Тираж
25.000 экз. Бумага 82×110 $\frac{1}{32}$ см.
20 $\frac{5}{8}$ печ. лист. (20 $\frac{1}{2}$ +1 вклейка).
У. а. л. 12,57. (98.568 тип. знаков
в 1 бум. листе). Бум. л. 5 $\frac{5}{32}$. Заказ
№ 699. 2-я типография ОГНЗ'а РСФСР
треста «Полиграфкнига», «Печатный
Двор» имени А. М. Горького. Ленин-
град. Гатчинская, 26.

Форзац отпечатан в 24-й литогра-
фии Олиза.

Цена 5 р., переплет 1 р. 50 к.

696333 КР РСР

Российская государственная
детская библиотека

ЛЮДМИЛА

«Где ты, милый? Что с тобою?
С чужеземною красою,
Знать, в далекой стороне
Изменил, неверный, мне;
Иль безвременно могила
Светлый взор твой угасила?»
Так Людмила, приуныв,
К персям очи преклонив,
На распутии вздыхала.
«Возвратится ль он, — мечтала, —
Из далеких, чуждых стран
С грозной ратнью славян?»
Пыль туманит отдаленье;
Светит ратных ополченье;

Топот, ржание коней;
Трубный треск и стук мечей;
Прахом панцыри покрыты;
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратных строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны...¹
«Возвратились незабвенны!..»
А Людмила?... Ждет-пождет...
«Там дружину он ведет;

Сладкий час — соединенье!..»
Вот проходит ополчение;
Миновался ратных строй...
Где ж, Людмила, твой герой?
Где твоя, Людмила, радость?
Ах! прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нет.
Тихо в терем свой идёт,
Томно голову склонила:
«Расступись, моя могила;
Гроб, откройся; полно жить;
Дважды сердцу не любить».

«Что с тобой, моя Людмила?»
Мать со страхом возопила:
«О, спокой тебя творец!»
— Милый друг, всему конец;
Что прошло — невозвратимо;
Небо к нам неумолимо;
Царь небесный нас забыл...
Мне ль он счастья не сумил?

---

¹ Черточка над *e* (*ė*) обозначает, что произносить букву надо как *e*, а не как *ё*.

Где ж обетов исполненье?
Где святое провиденье?
Нет, немилостив творец;
Всё прости; всему конец. —

«О Людмила, грех роптанье;
Скорбь — создателя посланье;
Зла создатель не творит;
Мертвых стон не воскресит».
— Ах, родная, миновалось!
Сердце верить отказалось!
Я ль, с надеждой и мольбой,
Пред иконою святой
Не точила слез ручьями?
Нет, бесплодными мольбами
Не призвать минувших дней;
Не цвести душе моей.

Рано жизнью насладилась,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежних лет краса.
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимых?
Возвращу ль невозвратимых? —
«Царь небес, то скорби глас!
Дочь, вспомни смертный час;
Кратко жизни сей страданье;
Рай — смиренным воздаянье,
Ад — бунтующим сердцам;
Будь послушна небесам».

— Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
С милым вместе — всюду рай;
С милым розно — райский край

Безотрадная обитель.
Нет, забыл меня спаситель! —
Так Людмила жизнь кляла,
Так творца на суд звала...
Вот уж солнце за горами;
Сот усыпала звездами
Ночь спокойный свод небес;
Мрачен дол, и мрачен лес.

Вот и месяц величавой
Встал над тихою дубравой:
То из облака блеснет
То за облако зайдет;
С гор простерты длинны тени;
И лесов дремучих сени,
И зеркало зыбких вод,
И небес далекий свод
В светлый сумрак облечённые...
Спят пригорки отдалённые,
Бор заснул, долина спит...
Чу!.. полночный час звучит.

Потряслись дубов вершины;
Вот повеял от долины
Перелетный ветерок...
Скачет по полю ездок:
Борзый конь и ржет и пышит.
Вдруг... идут (Людмила слышит)
На чугунное крыльцо...
Тихо брякнуло кольцо...
Тихим шопотом сказали...
(Все в ней жилки задрожали)
То знакомый голос был,
То ей милый говорил:

— Спит, иль нет, моя Людмила?
Помнит друга, иль забыла?
Весела, иль слезы льет?
Встань, жених тебя зовет. —
«Ты ль? Откуда в час полночи?
Ах! едва прискорбны очи
Не потухнули от слѣз.
Знать, тронулся царь небес
Бедной девицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Где же был? Какой судьбой
Ты опять в стране родной?»

— Близ Наревы дом мой тесный.
Только месяц поднебесный
Над долиною взойдет,

Лишь полночный час пробьет —
Мы коней своих седлаем,
Темны кельи покидаем.
Поздно я пустился в путь.
Ты моя; моею будь...
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пенье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржал.
Едем, едем, час настал. —

«Переждем хоть время ночи;
Ветер встал от полуночи;
Хладно в поле, бор шумит;
Месяц тучами закрыт».
— Ветер буйный перестанет;
Стихнет бор, луна проглянет;
Едем, нам сто верст езды.
Слышишь, конь грызет бразды,
Бьет копытом с нетерпенья.
Миг нам страшен замедленья;
Краткий, краткий дан мне срок;
Едем, едем, путь далек. —

«Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила.
Слышишь? Колокол гудит».
— Ветер стихнул; бор молчит;
Месяц в водный ток глядится;
Мигом борзый конь домчится. —
«Где ж, скажи, твой тесный дом?»
— Там, в Литве, краю чужом:
Хладен, тих, уединенный,
Свежим дерном покровенный;

Саван, крест и шесть досок.
Едем, едем, путь далек. —

Мчатся всадник и Людмила.
Робко дева обхватила
Друга нежною рукой,
Прислонясь к нему головой.
Скоком, лётom по долинам,
По буграм и по равнинам;
Пышит конь, земля дрожит;
Брызжут искры от копыт;
Пыль катится вслед клубам;
Скачут мимо них рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
С громом зыблются мосты.

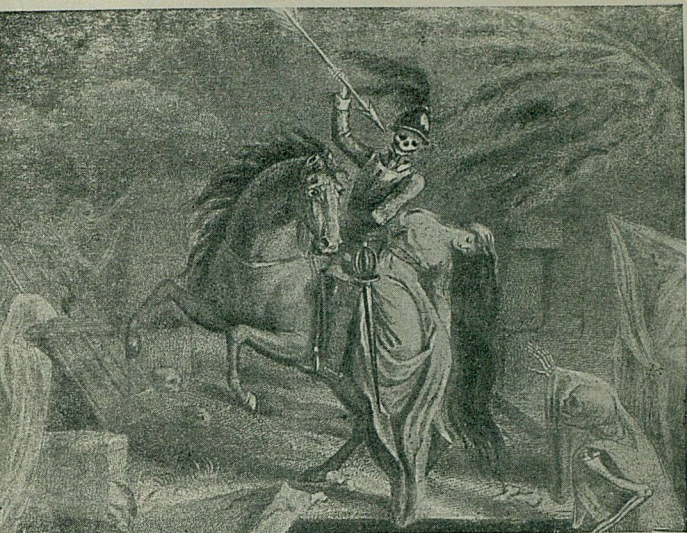

«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?»
— Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом земли утроба. —
«Чу! в лесу потрясся лист.
Чу! в глуши раздался свист.
Черный ворон встрепенулся;
Вздрогнул конь и отшатнулся;
Вспыхнул в поле огонек».
— Близко ль, милый? — «Путь далек». —

Слышат шорох тихих теней:
В час полуночных видений,
В дыме облака, толпой,
Прах оставя гробовой
С поздним месяца восходом,
Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились;
Вот за ними понеслись;
Вот поют воздушны лики:
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок:
Будто плещет ручеек.

«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?»
— Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом земли утроба. —
«Конь, мой конь, бежит песок;
Чую ранний ветерок;
Конь, мой конь, быстрее мчися;

Звезды утренни зажглися,
Месяц в облаке потух.
Конь, мой конь, кричит петух».

— Близко ль, милый? — «Вот примчались».
Слышат: сосны зашатались;
Слышат: спал с ворот запор;
Борзый конь стрелой на двор.
Что же, что в очах Людмилы?
Камней ряд, кресты, могилы,
И среди них божий храм.
Конь несется по гробам;
Стены звонкий вторят топот;
И в траве чуть слышный шопот,
Как усопших тихий глас...
Вот денница занялась.

Что же чудится Людмиле?..
К свежей конь примчась могиле,
Бух в нее и с седоком.
Вдруг — глухой подземный гром;
Страшно доски затрещали;
Кости в кости застучали;
Пыль взвилася; обруч хлоп;
Тихо, тихо вскрылся гроб...
Что же, что в очах Людмилы?..
Ах, невеста, где твой милый?
Где венчальный твой венец?
Дом твой — гроб; жених — мертвец.

Видит труп оцепенелый:
Прям, недвижим, посинелый,
Длинным саваном обвит.
Страшен милый прежде вид;
Впады мертвые ланиты;
Мутен взор полуоткрытый;
Руки сложены крестом.
Вдруг привстал... манит перстом...
«Кончен путь: ко мне, Людмила;
Нам постель — темна могила;
Завес — саван гробовой;
Сладко спать в земле сырой».

Что ж Людмила?... Каменеет,
Меркнут очи, кровь хладеет,
Пала мертвая на прах.
Стон и вопли в облаках;
Визг и скрежет под землею;
Вдруг усоншие толпою
Потянулись из могил;
Тихий, страшный хор завыл:

«Смертных ропот безрассуден;
Царь всевышний правосуден;
Твой услышал стон творец;
Час твой был, настал конец».

КАССАНДРА

Всё в обители Приама
Возвещало брачный час,
Запах роз и фимиама,
Гимны дев и лирный глас.
Спит гроза минувшей брани,
Щит, и меч, и конь забыт,
Облечен в пурпурны ткани
С Поликсеною Пелид.

Девы, юноши четами
По узорчатым коврам,
Украшенные венками,
Идут веселы во храм;
Стогны дышат фимиамом;
В злато царский дом одет;
Снова счастье над Пергамом...
Для Кассандры счастья нет.

Уклонясь от лирных звонов,
Нелюдима и одна,
Дочь Приама в Аполлонов
Древний лес удалена.
Сводом лавров осенённа,
Сбросив жрический покров,

Провозвестница священна
Так роптала на богов:

«Там шумят веселых волны;
Всем душа оживлена;
Мать, отец надеждой полны;
В храм сестра приведена.
Я одна мечты лишённа;
Ужас мне — что радость там;
Вижу, вижу: окриленна
Мчится гибель на Пергам.

Вижу факел — он светлеет
Не в Гименовых руках;
И не жертвы пламя рдеет
На сгущенных облаках;
Зрю пиров уготовленье...

Но... горé, по небесам
Слышно бога приближенье,
Предметящего бедам.

И вотще мое стенанье,
И печаль моя мне стыд:
Лишь с пустынями страданье
Сердце сирое делит.
От счастливых отчуждённа,
Веселящимся позор,
Я тобой всех благ лишённа,
О предвидения взор!

Что Кассандре дар вещанья
В сем жилище скромных чад
Безмятежного незнанья,
И блаженных им стократ?
Ах! почто она предвидит
То, чего не отвратит?..
Неизбежное приидет,
И грозящее сразит.

И спасу ль их, открывая
Близкий ужас их очам?
Лишь незнанье — жизнь прямая;
Знанье — смерть прямая нам.
Феб, возьми твой дар опасной,
Очи мне спеши затмить;
Тяжко истины ужасной
Смертною скуделью быть...

Я забыла славить радость,
Став пророчицей твоей.

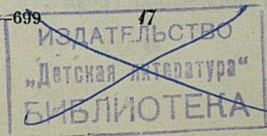

Слепоты погибшей сладость,
Мирный мрак минувших дней,
С вами скрылись наслажденья!
Он мне будущее дал,
Но веселие мгновенья
Настоящего отнял.

Никогда покров венчальный
Мне главы не осенит:
Вижу факел погребальный;
Вижу: ранний гроб открыт.
Я с родными скучну младость
Всю утратила в тоске —
Ах, могла ль делить их радость,
Видя скорбь их вдалеке?

Их ласкает ожиданье;
Жизнь, любовь передо мной;
Все окрест очарованье —
Я одна мертва душой.
Для меня весна напрасна;
Мир цветущий пуст и дик...
Ах! сколь жизнь тому ужасна,
Кто во глубь ее проник!

Сладкий жребий Поликсены!
С женихом рука с рукой,
Взор любовью распалённый,
И, гордясь сама собой,
Благ своих не постигает:
В сновидениях златых
И бессмертья не желает
За один с Пелидом миг.

И моею любви открылся
Тот, кого мы ждем душой:
Милый взор ко мне стремился
Полный страстною тоской...
Но — для нас перед богами
Брачный гимн не возгремит;
Вижу: грозно между нами
Тень стигийская стоит.

Духи, бледною толпою
Покидая мрачный ад,
Вслед за мной и предо мною,
Неотступные летят;
В резвы юношески лики
Вносят ужас за собой;
Внемля радостные клики,
Внемлю их надгробный вой.

Там сокрытый блеск кинжала;
Там убийцы взор горит;
Там невидимого жала
Яд погибелью грозит.

Всё предчувствуя и зная,
В страшный путь сама иду:
Ты падешь, страна родная;
Я в чужбине гроб найду...»

И слова еще звучали...
Вдруг... шумит священный лес...
И зephyры глас примчали:
«Пал великий Ахиллес!»
Машут Фурии змиями,
Боги мчатся к небесам...
И карающий громами
Грозно смотрит на Пергам.

А. А. ВОЕЙКОВА

СВЕТЛАНА

А. А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клади перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат,
И над чашей неми в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?»
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;

Вынь себе колечко.
Пой, красавица: «кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом наложье».

— Как могу, подружки, петь?
Милый друг далеко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель. —

Вот, в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;

Упадет с дверей запор;
Сядет он за твой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Темно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершися локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блеснит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в ее влетает слух
Тихий, легкий шопот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.

Сели... кони с места в раз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто все вокруг,
Степь в очах Светланы;
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокий...
Вот, в сторонке божий храм
Виден одинокий;

Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На середине черный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуше девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылой.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над саними;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы;
Брежит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрее,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених,
Будто не бывали.
Одинокая впотьмах
Брошена от друга
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.

Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет;
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.

Что ж?... В избушке гроб; накрыт
Белою запоной;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах, Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И с крестом своим в руке
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Всё утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится...
Всё в глубоком, мертвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Легкое журчанье...
Вот, глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,

К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смогло все опять кругом...

Вот, Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится...

Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)

Виден весь — на лбу венец,
Затворены очи.

Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладели...

Что же девица?... Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Легкие он крылы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишенный силы,

Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами,

И на деву засверкал
Грозными очами...

Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...

Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг ее — мертвец!
Ах!... и пробудилась.

Где ж?... У зеркала, одна
Посреди светлицы;

В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумным бьет крылом петух,
День встречая пеньем;
Все блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость или кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет...
Кто?... Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; все тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;

Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад,
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней больше чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа — как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо — бедствия рука;

Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

АДЕЛЬСТАН

День багрянил, померкая,
Скат лесистых берегов;
Реин, в зареве сияя,
Пышен тек между холмов.

Он летучей влагой пены
Зáмок Аллен орошал;
Тéрема зубчаты стены
Он в потоке отражал.

Девы красные толпою
Из растворчатых ворот
Вышли на берег — игрою
Встретить месяца восход.

Вдруг плывет, к ладье прикован,
Белый лебедь по реке;
Спит, как будто очарован,
Юный рыцарь в челноке.

Алым парусом играет
Легкокрылый ветерок,
И ко берегу приплывает
С спящим рыцарем челнок.

Белый лебедь встрепенулся,
Распустил криле свои;
Дивный плаватель проснулся
И выходит из ладьи.

И по Реину обратно,
С очарованной ладьей,
Поплыл тихо лебедь статной
И сокрылся из очей.

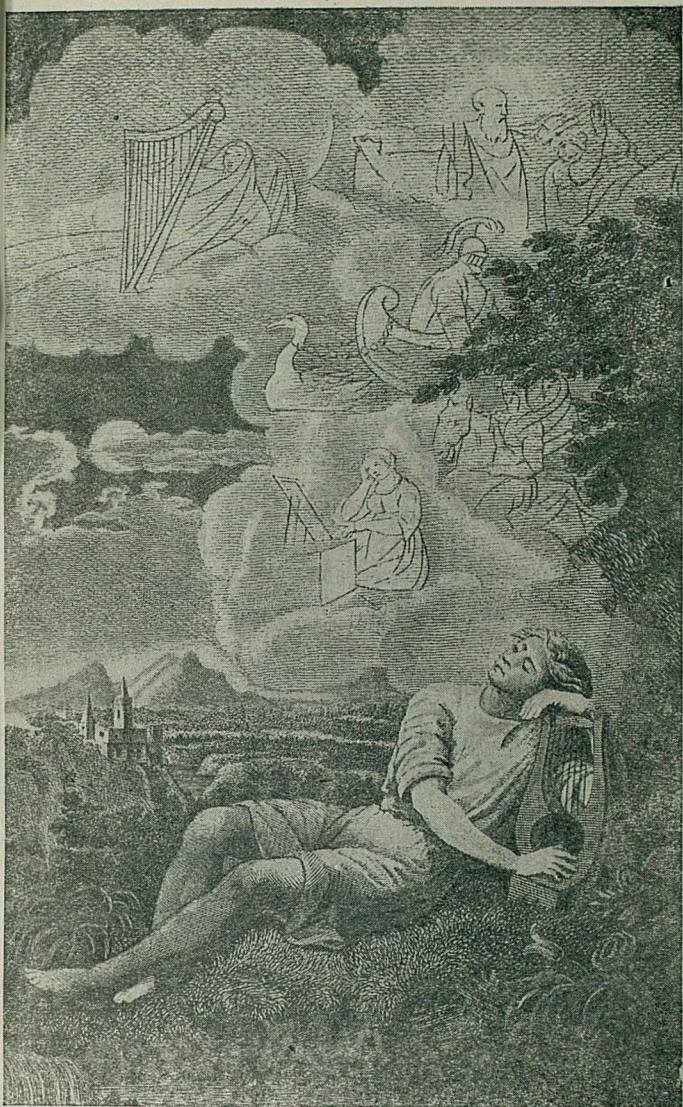
Рыцарь в замок Аллен входит:
Всё в нем прелесть — взор и стан;
В изумленье всех приводит
Красотою Адельстан.

Меж красавицами Лора
В замке Аллена была
Видом ангельским для взора,
Для души душой мила.

Графы, герцоги толпою
К ней стеклись из дальних стран —
Но умом и красотою
Всех был краше Адельстан.

Он у всех залог победы
На турнирах похищал;
Он вечерние беседы
Всех милее оживлял.

И приветны разговоры,
И приятный блеск очей
Влили нежность в сердце Лоры —
Милый стал супругом ей.

Исчезает сповиđenje —
Вслед за днями мчатся дни;
Их в сердечном упоенье
И не чувствуют они.

Лишь случается порою,
Что, на воды взор склонив,
Рыцарь бродит над рекою,
Одинок и молчалив.

Но при взгляде нежной Лоры
Возвращается покой;
Оживают тусклы взоры
С оживленною душой.

Невидимкой пролетает
Быстро время — наконец,
Улыбаясь, возвещает
Другу Лора: ты отец!

Но безмолвно и уныло
На младенца смотрит он.
Ах! — он мыслит — ангел милой,
Для чего ты в свет рожден?

И когда обряд крещенья
Патер должен был свершить,
Чтоб водою искупленья
Душу юную омыть, —

Как преступник перед казнью,
Адельстан затрепетал;
Взор наполнился боязнью;
Хлад по членам пробежал.

Запинаясь, умоляет
День обряда отложить:
«Сил недуг меня лишает
С вами радость разделить!»

Солнце спряталось за гору;
Окропился луг росой;
Он зовет с собою Лору
Встретить месяц над рекой.

«Наш младенец будет с нами:
При дыханье ветерка,
Тихоструйными волнами
Усыпит его река».

И пошли рука с рукою...
День на холмах догорал;
Молча, сумрачен душою,
Рыцарь сына лобызал.

Вот уж поздно; солнце село;
Отуманился поток;
Черен берег опустелой;
Холодеет ветерок.

Рыцарь всё молчит, печален;
Всё идет вдоль по реке;
Лоре страшно; замок Аллен
С час как скрылся вдалеке.

— Поздно, милый; уж седеет
Мгла сырая над рекой;
С вод холодный ветер веет;
И дрожит младенец мой. —

«Тише, тише! Пусть седеет
Мгла сырая над рекой;
Грудь моя младенца греет;
Сладко спит младенец мой».

— Поздно, милый; поневоле
Страх в мою теснится грудь;
Месяц бледен; сыро в поле;
Долог нам до замка путь. —

Но молчит, как очарован,
Рыцарь, глядя на реку...
Лебедь там плывет, прикован
Легкой цепью к челноку.

Лебедь к берегу — и с сыном
Рыцарь сесть в челнок спешит;
Лора вслед за паладином...
Обомлела и дрожит.

И, осанясь, лебедь статной
Легкой цепию повлек
Вдоль по Рейну обратно
Очарованный челнок.

Небо в Рейне дрожало,
И луна из дымных туч
На ладью сквозь парус алой
Проливала темный луч.

И плывут они безмолвны;
За кормой струя бежит;
Тихо плещут в лодку волны;
Парус вздулся и шумит.

И на берегу молчанье;
И на месяце туман;
Лора в робком ожиданье;
В смутной думе Адельстан.

Вот уж ночи половина:
Вдруг... младенец стал кричать.
— Адельстан, отдай мне сына! —
Возоцила в страхе мать.

«Тише, тише; он с тобою
Скоро... ах! кто даст мне сил?
Я ужасною ценою
За блаженство заплатил.

Спи, невинное творенье;
Мучит душу голос твой;
Спи, дитя; еще мгновенье,
И навек тебе покой».

Лодка к берегу — рыцарь с сыпом
Выйти на берег спешит;
Лора вслед за паладином,
Пуще млеет и дрожит.

Страшен берег обнаженный;
Нет ни жила, ни древес;
Черен, дик, уединенный,
В стороне стоит утѣс.

И пещера под скалою —
В ней не зрело око дна;
И чернеет пред луною
Страшным мраком глубина.

Сердце Лоры замирает;
Смотрит робко на утес.
Звучно к бездне восклицает
Паладин: я дань принес.

В бездне звуки отразились;
Отзыв грянул вдоль реки,
Вдруг... из бездны появились
Две огромные руки.

К ним приблизил рыцарь сына...
Цепенеющая мать,
Возопив, у паладина
Жертву бросилась отнять,

И воскликнула: спаситель!..
Глас достигнул к небесам:
Жив младенец, а губитель
Ниспровергнут в бездну сам.

Страшно, страшно застонало
В грозных сжавшихся когтях...
Вдруг все пусто, тихо стало
В глубине и на скалах.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ

На Посидонов пир весёлый,
Куда стекались чада Гелы
Зреть бег коней и бой певцов,
Шел Ивик, скромный друг богов.
Ему с крылатою мечтою
Послал дар песней Аполлон:
И с лирой, с легкою клюкою
Шел, вдохновенный, к Истму оп.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринф и горы,
Слиянны с синевою небес.
Он входит в Посидонов лес...
Всё тихо: лист не колыхнется,
Лишь журавлей по вышине
Шумящая станица вьется
В страны полуденны к весне.

«О спутники, ваш рой крылатый,
Досель мой верный провожатый,
Будь добрым знаменiem мне.
Сказав: прости! родной стране,
Чужого брега посетитель,
Ищу приюта, как и вы;

Да отвратит Зевес-хранитель
Беду от странничьей главы».

И с твердой верою в Зевеса
Он в глубину вступает леса;
Идет заглохшею тропой...
И зрит убийц перед собой.
Готов сразиться он с врагами;
Но час судьбы его приспел:
Знакомый с лирными струнами,
Напрячь он лука не умел.

К богам и к людям он взывает...
Лишь эхо стоны повторяет —
В ужасном лесе жизни нет.
«Итак погибну в цвете лет,
Истлею здесь без погребенья
И не оплакан от друзей;
И сим врагам не будет мщенья
Ни от богов, ни от людей».

И он боролся уж с кончиной...
Вдруг... шум от стаи журавлиной;
Он слышит (взор уже угас)
Их жалобно-стелящий глас.
«Вы, журавли под небесами,
Я вас в свидетели зову!
Да грянет, привлеченный вами,
Зевесов гром на их главу!»

И труп узрели обнаженный:
Рукой убийцы искажены
Черты прекрасного лица.
Коринфский друг узнал певца.

«И ты ль недвижим предо мною?
И на главу твою, псец,
Я мнил торжественной рукою
Сосновый положить венец».

И внемлют гости Посидона,
Что пал наперсник Аполлона...
Вся Греция поражена;
Для всех сердец печаль одна.
И с диким ревом иступленья
Притапов окружил народ,
И вопит: «старцы, мщенья, мщенья!
Злодеям казнь, их сгибни род!»

Но где их след? Кому приметно
Лицо врага в толпе несметной
Притекших в Посидонов храм?
Они ругаются богам.
И кто ж — разбойник ли презренный,
Иль тайный враг удар нанёс?
Лишь Гелиос то зрел священный,
Всё озаряющий с небес.

С подъятой, может быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодей сокрыт в сей самый час,
И хладно внемлет скорби глас;
Иль в капище, склонив колени,
Жжет ладан гнусною рукою;
Или теснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

Где, устремив на сцену взоры
(Чуть могут их сдержать подпоры),

Пришел из ближних, дальних стран,
Шумя, как смутный океан,
Над рядом ряд, сидят народы;
И движутся, как в бурю лес,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небес.

И кто сочтет разноплеменных,
Сим торжеством соединенных?
Пришли отсюда: от Афин,
От древней Спарты, от Микии,
С пределов Азии далекой,
С Эгейских вод, с Фракийских гор...
И сели в тишине глубокой,
И тихо выступает хор.

По древнему обряду, важно,
Походкой мерной и протяжной,
Священным страхом окружен,
Обходит вокруг театра он.
Не шествуют так персти чада;
Не здесь их колыбель была.
Их стана дивная громада
Предел земного перешла.

Идут с поникшими главами,
И движут тощими руками
Свечей, от коих темный свет;
И в их ланитах крови нет;
Их мертвы лица, очи впалы;
И свитые меж их власов
Ежидны движут с свистом жалы,
Являя страшный ряд зубов.

И стали вокруг, сверкая взором;
И гимн запели диким хором,
В сердца вонзающий боязнь;
И в нем преступник слышит: *казнь!*
Гроза души, ума смутитель,
Эринний страшный хор гремит;
И, цепenea, внемлет зритель;
И лира, онемев, молчит:

«Блажен, кто незнаком с виною,
Кто чист младенчески душою!
Мы не дерзнем ему вослед;
Ему чужда дорога бед...
Но вам, убийцы, горе, горе!
Как тень, за вами всюду мы,
С грозою мщения во взоре,
Ужасные созданья тьмы.

Не мните скрыться — мы с крылами;
Вы в лес, вы в бездну — мы за вами;
И, спутав вас в своих сетях,
Растерзанных бросаем в прах.
Вам покаянье не защита;
Ваш стон, ваш плач — веселье нам;
Терзать вас будем до Копита,
Но не покинем вас и там».

И песнь ужасных замолчала,
И над внимавшими лежала,
Богинь присутствием полна,
Как над могилой тишина.
И тихой, мерною стопою
Они обратно потекли,

Склонив главы, рука с рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель — зыблемый сомнением
Меж истиной и заблуждением —
Со страхом мнит о силе той,
Которая, во мгле густой
Скрываясь, неизбежима,
Вьет нити роковых сетей,
Во глубине лишь сердца зрима,
Но скрыта от дневных лучей.

И все, и все еще в молчанье...
Вдруг на ступенях восклицанье:
«Парфений, слышишь?... Крик вдали,
То Ивиковы журавли!...»
И небо вдруг покрылось тьмою;
И воздух весь от крыл шумит;
И видят... черной полосой
Стаица журавлей летит.

«Что? Ивик!...» Всё поколебалось —
И имя Ивика помчалось
Из уст в уста... шумит народ,
Как бурная пучина вод.
«Наш добрый Ивик! наш сражённый
Врагом неизвестным поэт!..
Что, что в сем слове сокровенно?
И что сих журавлей полет?»

И всем сердцам в одно мгновенье,
Как будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: «убийца тут;
То Эвменид ужасных суд;

Отмщение за певца готово;
Себе преступник изменил.
К суду и тот, кто молвил слово,
И тот, кем он внимаем был!»

И, бледен, трепетен, смятённый,
Незашной речью обличённый,
Исторгнут из толпы злодей:
Перед седалище судей
Он привлечен с своим клеветом;
Смущенный вид, склоненный взор
И тщетный плач был их ответом;
И смерть была им приговор.

БАЛЛАДА

в которой описывается, как одна старушка ехала
на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди.

На кровле вран печально прокричал —
Старушка слышит и бледнеет.
Ужасну весть ей черный вран сказал;
Над ней час смерти тяготеет.

И вопит скорбно: «где мой сын чернец?
Ему сказать мне слово дайте;
Увы! я гибну; близок мой конец;
Скорей, скорей! не опоздайте!»

И к матери идет чернец святой:
Ее услышать покаянье;

И тайные дары несет с собой,
Чтоб утолить ее страданье.

Но лишь пришел к одру с дарами он,
Старушка в трепете завывла;
Как смерти крик ее протяжный стон...
«Не приближайся! — возопила: —

Не подноси ко мне святых даров;
Уже не в пользу покаянье...»
Был страшен вид ее седых волос
И страшно груди колыханье.

Дары святые сын отнес назад,
И к страждущей приходит снова;
Кругом бродил ее потухший взгляд,
Язык искал, немея, слова.

«Вся жизнь моя в грехах погребена,
Меня отвергнул искупитель:
Твоя ж душа молитвой спасена,
Ты будь души моей спаситель.

Здесь вместо дня была мне ночи мгла;
Я кровь младенцев похищала,
Власы невест в огне волшебном жгла
И кости мертвых отрывала.

И казнь лукавый обольститель мой
Уж мне готовит в адской злобе;
И я, смутив чужих гробов покой,
В своем не успокоюсь гробе.

Ах! не забудь моих последних слов:
Мой труп, обвитый пеленою,
Мой гроб, мой черный гробовой покров
Ты окропи святой водою.

Чтоб из свинца мой крепкий гроб был слит,
Семью окован обручами,
Во храм внесен, у алтаря прибит
К помосту крепкими цепями.

И цепи окропи святой водой;
Чтобы священники собором
И день и ночь стояли надо мной
И пели панихиду хором;

Чтоб пятьдесят на крылосях дьячков
За ними в черных рясах пели;
Чтоб день и ночь свечи у образов
Из воску ярого горели;

Чтобы звучней во все колокола
С молитвой день и ночь звонили;
Чтоб заперта во храме дверь была;
Чтоб дьяконы пред ней кадили;

Чтоб крепок был запор церковных врат;
Чтобы с полуночного бденья
Он ни на миг с растворов не был снят
До солнечного восхожденья.

С обрядом тем молитесь три дня,
Три ночи сряду надо мною:
Чтоб не достиг губитель до меня,
Чтоб прах мой принят был землею».

И глас ее быть слышен перестал;
Померкши очи закатились;
Последний вздох в груди затрепетал,
Уста, охолодев, раскрылись.

И хладный труп, и саван гробовой,
И гроб под черной пеленою
Священники с приличною мольбой
Опрыскали святой водою.

Семь обручей на гроб положены;
Три цепи тяжкими винтами
Вонзились в гроб и с ним утверждены
В помост пред царскими дверями.

И вспрыснуты они святой водой;
И все священники в собрание:
Чтоб день и ночь душе на упокой
Свершать во храме поминанье.

Поют дьячки все в черных стихарях
Медлительными голосами;
Горят свечи надгробны в их руках,
Горят свечи пред образами.

Протяжный глас и бледный лик певцов,
Печальный, страшный сумрак храма,
И тихий гроб, и длинный ряд попов
В тумане зыбком фимиама,

И горестный чернец пред алтарем,
Творящий до земли поклоны,
И в высоте дрожащим свеч огнем
Чуть озаренные иконы...

Ужасный вид! колокола звонят;
Уж час полуночного бденья...
И заперлись затворы тяжких врат
По совершении моления.

И в первую ночь от свеч веселый блеск...
И вдруг... к полночи за вратами
Ужасный вой, ужасный гром и треск;
И слышится: гремят денями;

Железных врат запор, стуча, дрожит;
Звонят на колокольне звонче;
Молитву клир усерднее творит,
И пение поющих громче.

Гудят колокола, дьячки поют,
Попы молитвы вслух читают,
Чернец в слезах, в кадилах ладан жгут,
И свечи яркие пылают.

Запел петух... и, смолкнувши, бегут
Враги, не совершив ловитвы;
Смелей дьячки на крылосях поют;
Смелей попы творят молитвы.

В другую ночь от свеч темнее свет;
И слабо теплятся кадилы,
И гробовой у всех на лицах цвет:
Как будто встали из могилы.

И снова рев, и шум, и треск у врат;
Грызут замок, в затворы рвутся:
Как будто вихрь, как будто шумный град,
Как будто воды с гор несутся.

Пред алтарем чернец на землю пал,
Священники творят поклоны,
И дым от свеч туманных побежал,
И потемнели все иконы.

Сильнее стук — звучней колокола,
И трепетней поющих голос:
В крови их хлад, объемлет очи мгла,
Дрожат колена, дыбом волос.

Петух запел... и прочь враги бегут,
Опять не совершив ловитвы;
И стихло всё! дьячки смелей поют,
Попы смелей творят молитвы.

На третью ночь свечи едва горят;
И дым густой и запах серный;
Как ряд теней, попы во мгле стоят;
Чуть виден гроб во мраке черный.

И стук у врат: как будто океан
Под бурею ревет и вост,
Как будто степь песчаную оркан
Свистящими крылами роет.

И звонари от страха чуть звонят,
И руки им служить не вольны;
Час от часу страшнее гром у врат,
И звон слабее колокольный.

Дрожа, упал чернец пред алтарем;
Молиться силы нет; во прахе
Лежит, к земле прикинувши лицом;
Главу поднять не смеет в страхе!

И певчих хор, досель согласный, стал
Нестройным криком от смятенья:
Им чудилось, что церковь зашатал
Как бы удар землетрясения.

Вдруг затускнел огонь во всех свечах,
Погасли все и закурились;
И замер глас у певчих на устах,
Все трепетали, все крестились.

И раздалось.... как будто оный глас,
Который грянет над гробами;
И храма дверь со стуком затряслась
И на пол рухнула с петлями.

И он предстал весь в пламени очам,
Свирепый, мрачный, разъяренной;
И вокруг него огромный божий храм
Казался пещью раскаленной!

Едва сказал: исчезните! децам,
Они рассыпались золою;
Едва рукой коснулся к обручам,
Они истлели под рукою.

И вскрылся гроб. Он к телу вопиет:
Восстань, иди вослед владыке!
И проступил от слов тех хладный пот
На мертвом, неподвижном лице.

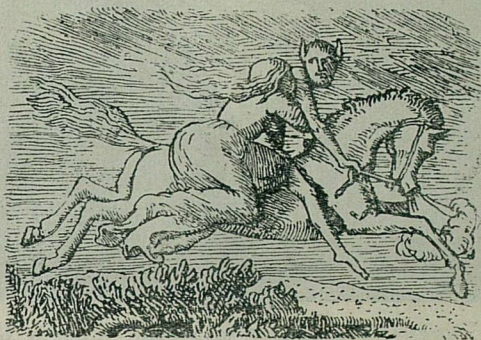
И тихо труп со стоном тяжким встал,
Покорен страшному призыванью;
И никогда здесь смертный не слышал
Подобного тому стенанью.

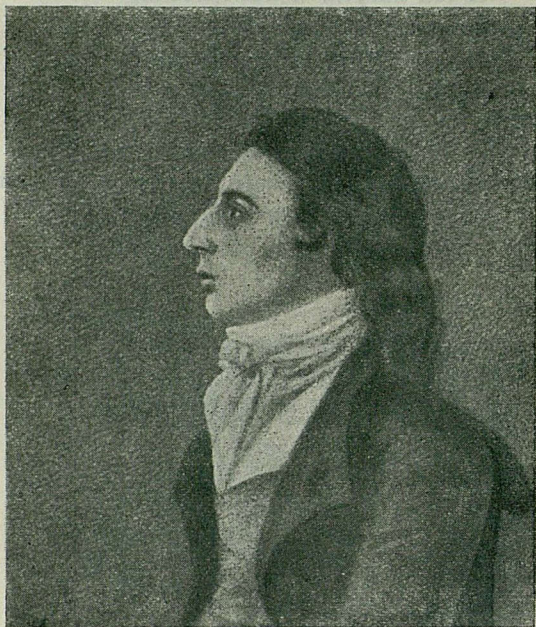

И ко вратам пошла она с врагом!
Там зрелся конь чернее ночи!
Храпит и ржет, и пышит он огнем,
И как пожар пылали очи.

И на коня добычу взбросил враг,
И сел вперед! и быстротечно
Конь полетел, взвивая дым и прах;
И слух о ней пропал навечно.

Никто не зрел, как с нею мчался он...
Лишь страшный след нашли на прахе;
Лишь, внемля крик, всю ночь сквозь тяжкий сон
Младенцы вздрагивали в страхе.

ROBERT SOUTH

ВАРВИК

Никто не зрел, как ночью бросил в волны
Эдвина злой Варвик;
И слышали одни берега безмолвны
Младенца жалкий крик.

От подданных погибшего губитель
Владыкой признан был —
И в Ирлингфор уже, как повелитель,
Торжественно вступил.

Стоял среди цветущия равнины
Старинный Ирлингфор,
И пышные с высот его картины
Повсюду видел взор.

Авон, шумя под древними стенами,
Их пеной орошал,
И низкий берег с лесистыми холмами
В струях его дрожал.

Там пламенел берегов на тихом склоне
Закат сквозь редкий лес;
И трепетал во дремлющем Авоне
С звездами свод небес.

Вдали, вблизи рассыпанные села
Дымились по утрам;
От резвых стад равнина вся шумела,
И вторил лес рогам.

Спешил, с пути прохожий совратясь,
На Ирлингфор взглянуть,
И, красотой картин его пленясь,
Он забывал свой путь.

Один Варвик был чужд красам природы:
Вотще в его глазах
Цветут леса, вьются блещут воды,
И радость на лугах.

И устремить, трепещущий, не смеет
Он взора на Авон:
Оттоль зефир во слух убийцы веет
Эдвинов жалкий стон.

И в тишине безмолвной полуночи
Все тот же слышен крик,
И чудятся блистающие очи,
И бледный, страшный лик.

Вотще Варвик с родных берегов уходит —
Приюта в мире нет:
Страшилищем ужасным совесть бродит
Везде за ним вослед.

И он пришел опять в свою обитель:
А сладостный покой,
И бедности веселый посетитель,
В дому его чужой.

Часы стоят, окованы тоскою;

А месяцы бегут...

Бегут — и день убийства за собою

Невидимо несут.

Он наступил; со страхом провожает

Варвик ночную тень:

Дрожи! — (ему глас совести вещает) —

Эдвинов смертный день!

Ужасный день: от молний небо блещет;

Отвсюду вихрей стон;

Дождь ливня льет; волнами с воем плещет

Разлившийся Авон.

Вотще Варвик, среди веселий шума,
Цедит в бокал вино:
С ним за столом садится рядом Дума:
Питье отравлено.

Тоскующий и грозный призрак бродит
В толпе его гостей;
Везде пред ним: с лица его не сводит
Пронзительных очей.

И день угас... Варвик спешит на ложе...
Но и в тиши ночной,
И на одре уединенном то же;
Там сон, а не покой.

И мнит он зреть пришельца из могилы,
Тень брата пред собой!
В чертах болезнь, лик бледный, взор унылый,
И голос гробовой.

Таков он был, когда встречал кончину;
И тот же слышен глас,
Каким молил он быть отцом Эдвину
Варвика в смертный час:

«Варвик, Варвик, свершил ли данно слово?
Исполнен ли обет?
Варвик, Варвик, возмездие готово;
Готов ли твой ответ?»

Воспрянул он — глас смолкнул — разъяренно
Один во мгле ночной
Ревел Авон — но для души смятенной
Был сладок бури вой.

Но вдруг — и въявь, средь шума и волненья
Раздался смутный крик:
«Спеши, Варвик, спастись от потопленья;
Беги, беги, Варвик!»

И к берегу он мчится — под стеною
Уже Авон кипит;
Глухая ночь; одето небо мглою,
И месяц в тучах скрыт.

И молит он с поднятыми руками:
«Спаси, спаси, творец!»
И вдруг — мелькнул челнок между волнами;
И в челноке пловец.

Варвик зовет, Варвик манит рукою, —
Не внемля шума волн,
Пловец сидит спокойно над кормою,
И правит к берегу челн.

И с трепетом Варвик в челнок садится —
Стрелой помчался он...
Молчит пловец... молчит Варвик... вот, мнится,
Им слышен тяжкий стон.

На спутника уставил кормщик очи:
«Не слышался ли крик?»
— Нет; просвистал в твой парус ветер ночи, —
Смутясь, сказал Варвик. —

Правь, кормщик, правь, не скоро челн домчится;
Гроза со всех сторон. —
Умолкнули... плывут... вот снова, мнится,
Им слышен тяжкий стон.

«Младенца крик! он борется с волною;
На помощь он зовет!»
— Правь, кормщик, правь, река покрыта мглою;
Кто там его найдет? —

«Варвик, Варвик, час смертный зреть ужасно;
Ужасно умирать;
Варвик, Варвик, младенцу ли напрасно
Тебя на помощь звать?»

Во мгле ночной он бьется меж водами;
Облит он хладом волн;
Еще его не видим мы очами;
Но он... наш видит челн!»

И снова крик слабеющий, дрожащий,
И близко челнока...
Вдруг в высоте рог месяца блестящий
Прорезал облака;

И с яркими слилася лучами,
Как дым прозрачный, мгла,
Зрят на скале дитя между волнами,
И тонет уж скала.

Пловец гребет; челнок летит стрелою;
В смятении Варвик;
И озарен младенца лик луною;
И страшно бледен лик.

Варвик дрожит — и руку, страха полный,
К младенцу протянул —
И, со скалы спрыгнув младенец в волны,
К его руке прильнул.

И вмиг... дитя, челнок, пловец незримы;
В руках его мертвец:
Эдвинов труп, холодный, недвижимый,
Тяжелый, как свинец.

Утихло все — и небеса и волны:
Исчез в водах Варвик;
Лишь слышали одни берега безмолвны
Убийцы страшный крик.

М. А. ПРОТАСОВА

АЛИНА И АЛЬСИМ

Зачем, зачем вы разорвали
Союз сердец?
Вам розно быть! вы им сказали —
Всему конец.
Что пользы в платье золотое
Себя рядить?
Богатство на земле прямое
Одно: любить.

Когда случится, жизни в цвете,
Сказать душой
Ему: *ты будь мой на свете;*
А ей: *ты мой;*
И вдруг придется для другого
Любовь забыть —
Что жребия страшней такого?
И лзя ли жить?

Алина матери призналась:
«Мне мил Альсим;
Давно я втайне поменялась
Душою с ним;
Давно люблю ему сказала;
Дай счастье нам».

— Нет, дочь моя, за генерала
Тебя отдам. —

И в монастырь святой Ирины
Отвозит дочь.

Тоска-печаль в душе Алины
И день и ночь.

Три года длилось изгнание;
Не усладил

Ни разу друг ее страданье:
Но все он мил.

Однажды... о! как свет коварен!..

Сказала мать:

«Любовник твой неблагодарен».

И ей читать

Она дает письмо Альсима,

Его черты:

Прости! другая мной любима:

Свободна ты.

Готово всё: жених приходит;

Идут во храм;

Вокруг налож их обводит

Священник там.

Увы! Алина, что с тобою?

Кто твой супруг?

Ты сердца не дала с рукою —

В нем прежний друг!

Как смиренный агнец на закланье,

Вся убрана;

Вокруг веселье, ликованье —

Она грустна.

Алмазы, платья, ожерелья
Ей мать дарит:
Напрасно... прежнего веселья
Не возвратит.

Но как же дни свои смиренно
Ведет она!
Вся жизнь семье уединенной
Посвящена.
Алины сердце покорилось
Судьбе своей;
Супругу ж то, что сохранилось
От сердца ей.

Но всё попрежнему печали
Душа полна;
И что бы взоры ни встречали —
Все мысль одна.
Так безутешная томила
Пять лет себя,
Все упрекая, что любила,
И всё любя.

Разлуки жизнь — воспоминанье;
Им полон свет;
Хотеть прогнать его — страданье,
А пользы нет.
Всё поневоле улетаем
К мечте своей;
Твердя: забудь! напоминаем
Душе об ней.

Однажды, приуныв, Алина
Сидела; вдруг

Купца к ней вводит армянина
Ее супруг.
«Вот цепи, дорогие шали,
Жемчуг, коралл;
Они лекарство от печали:
Я так слышал.

На что нам деньги? На веселье.
Кому их жаль?
Купи, что хочешь: ожерелье,
Цепочку, шаль,
Или жемчуг у армянина:
Вот кошелек;
Я скоро возвращусь, Алина;
Прости, дружок».

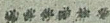
Товары перед ней открывши,
Купец молчит;
Алина, голову склонивши,
Как не глядит.
Он, взор потупя, разбирает
Жемчуг, алмаз;
Подносит молча; но вздыхает
Он каждый раз.

Блистала красота младая
В его чертах;
Но бледен; борода густая;
Печаль в глазах.
Мила для взора живость цвета,
Знак юных дней;
Но бледный цвет, тоски примета,
Еще милей.

Памятникъ прямой дружбы

Vous en qui tant d'esprit abonde,
Tant de grace et tant de douceur,
Si ma place est dans votre cœur,
Ille est la gemme du monde.

Voltaire

1806. 11 октября.

Она не видит, не внимает —
Мысль далеко.
Но часто, часто он вздыхает,
И глубоко.
Что — мыслит — он такой унылой?
Чем огорчен?
Ах! если потерял, что мило,
Как жалок он!

«Скажи, что сделалось с тобою?
О чем печаль?
Не от любви ль?.. Ах! всей душою
Тебя мне жаль».
— Что пользы? Горя нам словами
Не утолить!
И невозвратного слезами
Не возвратить.

Одно сокровище бесценно
Я в мире знал;
Подобного творец вселенной
Не создавал.
И я одно имел в предмете:
Им обладать.
За то бы рад был все на свете —
И жизнь отдать.

Как было сладко любоваться
Им в день сто раз!
И в мыслях я не мог расстаться
С ним ни на час.
Но року вздумалось лихому
Мне повредить,

И счастье мое другому
С ним подарить.

Всех в жизни радостей лишенный,
С моей тоской
Я побежал, как осужденный,
На край земной:
Но ах! от сердца то, что мило,
Кто оторвет?
Что раз оно здесь полюбило,
С тем и умрет. —

«Скажи же, что твоя утрата?
Златой бокал?»
— О нет: оно милее злата! —
«Рубин, коралл?»
— Не тяжко потерять их! — «Что же?
Царев алмаз?»
— Нет, нет, алмазов всех дороже
Оно сто раз.

С тех пор, как я всё то, что льстило,
В нем погубил,
Я сам, на память, образ милой
Изобразил.
И на черты его прелестны
Смотрю в слезах:
Мои все блага поднебесны
В его чертах. —

Алина слушала уныло
Его рассказ.
«Могу ль на этот образ милый
Взглянуть хоть раз?»

Алине, молча, как убитый,
Он подает
Парчою досканец обвитый,
Сам слезы льет.

Алина робкою рукою
Парчу сняла;
Дошечка с надписью златою;
Она прочла:
*Здесь все, что я, осиротелой,
Моим зову;
Что мне от счастья уцелело;
Все, чем живу.*

Дошечку с трепетом раскрыла —
И что же там?
Что новое судьба явила
Ее очам?
Дрожит, дыханье прекратилось...
Какой предмет!
И в ком бы сердце не смутилось?...
Ее портрет.

— Алина, пробудись, друг милой;
С тобою я.
Ничто души не изменило:
Она твоя.
В последний раз: люблю Алину,
Пришел сказать;
Тебя покинуть, жизнь покину,
Чтоб не страдать. —

Алина с горем и тоскою
Ему в ответ:

«Альсим, я верной быть женою
Дама обет.

Хоть долг и тяжкой и постылой:
Все покорись;
А ты — не умирай, друг милой;
Но...удались».

Алине руку на прощанье
Он подает.
Она берет ее в молчанье
И к сердцу жмет.
Вдруг входит муж; как в испуганье
Он задрожал,
И им во грудь в одно мгновенье
Вонзил кинжал.

Альсима нет; Алина дышит:
«Невинна я, —
Так говорит, — всевышний слышит
Нас судия.
За что ж рука твоя пронзила
Алине грудь?
Но бог с тобой; я всё простила;
Ты всё забудь».

Убийца с той поры томится
И ночь и день:
Повсюду вслед за ним влачится
Алины тень;
Обагрена кровавым током
Вся грудь ея;
И говорит ему с упреком:
— Невинна я.

ЭЛЬВИНА И ЭДВИН

В излучине долины сокровенной,
Там, где блестит под рощею поток,
Стояла хижина, смиренной
Покою уголок.

Эльвина там красавица таилась —
В ней зрела мать подпору дряхлых дней,
И только об одном молилась:
«Все блага жизни ей».

Как лилия, была чиста душою,
И пламенел румянец на щеках —
Так разливается весною
Денница в облаках.

Всех юношей Эльвина восхищала;
Для всех подруг красой была страшна,
И, чудо прелестей, не знала
Об них одна она.

Пришел Эдвин. Без всякого искусства
Эдвинова пленяла красота:
В очах веселых пламень чувства,
А в сердце простота.

И заключен святой союз сердцами:
Душе легко в родной душе читать;
Легко, что сказано очами,
Устами досказать.

О! сладко жить, когда душа в покое,
И с тем, кто мил, начав, кончаешь день;
Вдвоем и радости все вдвое...
Но ах! они как тень.

Лишь золото любил отец Эдвина;
Для жалости он сердца не имел;
Эльвине же дала судьбина
Одну красу в удел.

С холодностью смотрел старик суровой
На их любовь — на счастье двух сердец.
«Расстаньтесь!» роковое слово
Сказал он наконец.

Увы, Эдвин! В какой борьбе в нем страсти!
И ни одной нет силы победить...
Как не признать отцовской власти?
Но как же не любить?

Прелестный вид, пленительные речи,
Восторг любви — все было только сон;
Он розно с ней; он с ней и встречи
Бояться осужден.

Лишь по утрам, чтоб видеть след Эльвины,
Он из кустов смотрел, когда она
Шла по излучине долины
Печальна и одна;

Или, когда являя месяц роги,
Туманный свет на рощи наводил,
Он, грустен, вдоль большой дороги
До полночи бродил.

Задумчивый, он часто по кладбищу
При склоне дня ходил среди крестов:
Его тоске давало пищу
Спокойствие гробов.

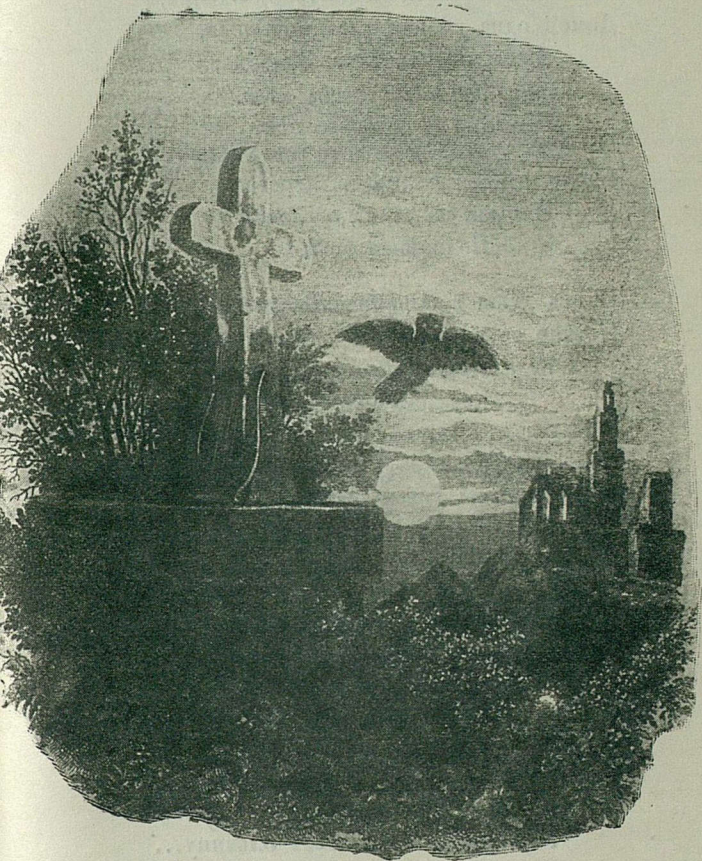
Знать, гроб ему предчувствие сулило!
Уже ланит румяный цвет пропал;
Их горе бледностью покрыло...
Несчастный увядал.

И не спасут его молодые леты;
Вотще в слезах над ним его отец;
Вотще и вопли и обеты!..
Всему, всему конец.

И молит он: «друзья, из сожаленья!..
Хотя бы раз мне на нее взглянуть!..
Ах! дайте, дайте от мученья
При ней мне отдохнуть».

Она пришла; но взор любви всеисильный
Уже тебя, Эдвин, не воскресит:
Уже готов покров могильный,
И гроб уже открыт.

Смотри, смотри, несчастная Эльвина,
Как изменил его последний час:
Ни тени прежнего Эдвина;
Лик бледный, слабый глас.

В знак верности он подает ей руку,
И на нее взор томный устремил:
Как сильно вечную разлук
Сей взор изобразил!

И в тьме ночной, покинувши Эдвина,
Домой одна вблизи кладбища шла,
Души не чувствуя, Эльвина;
Кругом густела мгла.

От севера подъямлясь, ветер хладной
Качал, свистя во мраке, дерева;
И выла на стене оградной
Полночная сова.

И вся душа в Эльвине замирала;
И взор ее во всем его встречал;
Казалось — тень его летала;
Казалось — он стонал.

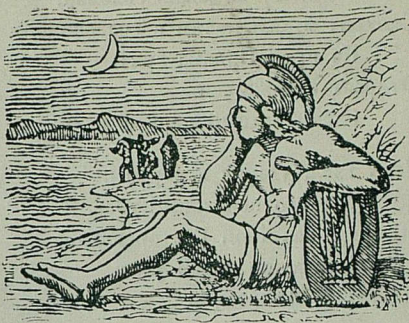
Но... вот и въявь уж слышится Эльвине:
Вдали провыл уныло тяжкий звон;
Как смерти голос, по долине
Промчавшись, стихнул он.

И к матери без памяти вбежала —
Бледна, и свет в очах ее темнел.
«Прости, все кончилось! — сказала: —
Мой ангел улетел!

Благослови... зовут... иду к Эдвину...
Но для тебя мне жаль покинуть свет».
Умолкла... мать зовет Эльвину...
Эльвины больше нет.

А Х И Л Л

Отуманилася Ида;
Омрачился Иллон;
Спит во мраке стан Атрида;
На равнине битвы сон.
Тихо всё... курясь, сверкает
Пламень гаснущих костров,
И протяжно окликает
Стражу стража близ шатров.

Над Эгейских вод равниной
Светел всходит рог луны;
Звезды спящею пучиной
И берега отражены;
Виден в поле опустелом
С колесницею Приам:
Он за Гекторовым телом
От шатров идет к стенам.

И на бреге близ кургана
Зрится сумрачный Ахилл;
Он один, далек от стана,

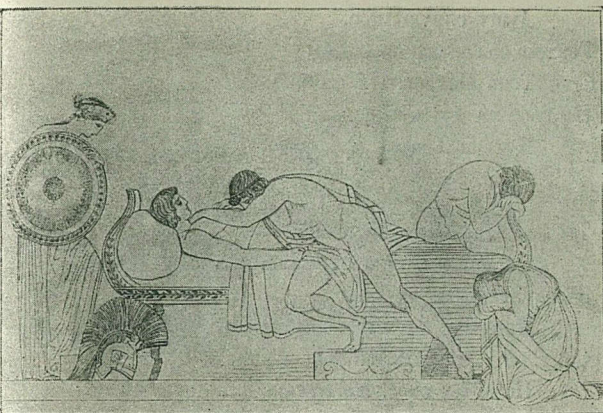
Он главу на длань склонил.
Смотрит в даль — там с колесницей
На пути Приама зрит:
Оттирает багряницей
Слезы бедный царь с ланит.

Лиру взял; ударил в струны;
Тих его печальный глас:
«Старец, пал твой Гектор юный;
Свет души твоей угас;
И Гекуба, Андрوماха
Ждут тебя у градских врат
С ношей милого им праха...
Жизнь и смерть им твой возврат.

И с денницею печальной
Воскурится фимиам,
Огласятся погребальной
Песнью каждый дом и храм;
Мать, отец, вдова с мольбою
Пепел в урну соберут,
И молитвы их герою
Мир в стране теней дадут.

О Приам, ты пред Ахиллом
Здесь во прах главу склонял;
Здесь молил о сыне милом,
Здесь, несчастный, ты лобзал
Руку, слез твоих причину...
Ах! не сетуй; глас небес
Нам одну изрек судьбину:
И меня постиг Зевес.

Близок час мой; роковая
Приготовлена стрела;

Парка, жребию внимая,
Дни мои уж отвила;
И скрипят врата Аида,
И вещает грозный глас:
Все свершилось для Пелида;
Факел дней его угас!

Верный друг мой взят могилой;
Брата бой меня лишил —
Вслед за ним с земли унылой
Удалится и Ахилл.
Так судил мне Рок жестокой:
Я паду в весне моей
На чужом берегу, далеко
От Пелеевых очей.

Ах! и сердце запрещает
Доле жить в земном краю,
Где уж друг не улаждает

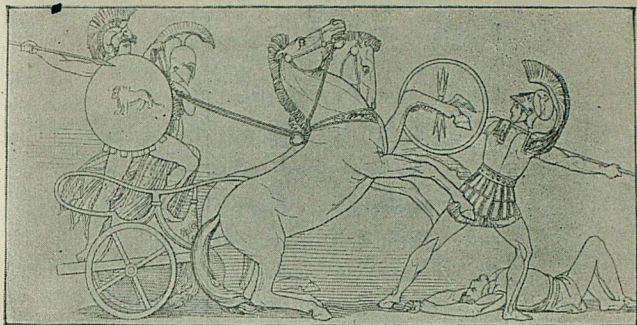

Душу сирую мою.
Гектор пал — его паденьем
Тень Патрокла я смирил;
Но себе за друга мщеньем
Путь к Тенару проложил.

Ты не жди, Менетий, сына;
Не придет он в отчий дом...
Здесь Эгейская пучина
Пред его шумит холмом;
Спит он... смерть сковала длани,
Позабыл ко славе путь;
И призывный голос брани
Не вздымает хладну грудь.

И Ахилл не возвратится;
В доме отчем пустота
Скоро, скоро водворится...
О Пелей, ты сирота.
Пронесется буря брани —
Ты Ахилла будешь ждать,
И чертог свой в новы ткани
Для приема убирать;

Будешь с берега уныло
Ты смотреть — в пустой дали
Не белеет ли ветрило,
Не плывут ли корабли?
Корабли придут от Трои —
А меня ни на одном;
Там, где билися герои,
Буду спать — и вечным сном.

Тщетно, смертною борьбою
Мучим, будешь сына звать,
И хладающей рукою
Вкруг себя его искать —
С милым светом разлученья
Глас его не усладит;
И на брег воды забвенья
Зов отца не долетит.

Край отчизны, светлы воды,
Очарованны места,
Мирт, олив и лавров своды,
Пышных долов красота,
Расцветайте, убирайтесь,
Как и прежде, красотой;
Как и прежде, оглашайтесь
Кликом радости одной;

Но Патрокла и Ахилла
Никогда вам не видать!
Воды Сперхия, сулила

Вам рука моя отдать
Волоса с моей от брани
Уцелевшей головы...
Все Патроклу в дар, и дани
Уж моей не ждите вы.

Кони быстрые, из боя
(Тайный рок вас удержал)
Вы не вынесли героя —
И на щит он мертвый пал;
Кони быстрые, ретивы,
Что ж теперь так мрачны вы?
По земле влачатся гривы;
Наклонились главы;

Позабыта пища вами;
Груди мощные дрожат;
Слышу стон ваш, и слезами
Очи гордые блестят.
Знать, Ахиллов пред собою
Зрите вы последний час;
Знать, внушен был вам Судьбою
Мне конец вещавший глас...

Скоро!.. лук свой напрягает
Неизбежный Аполлон,
И пришельца ожидает
К Стиксу черному Харон.
И Патрокл с берегов забвенья
В полуночной тишине
Легкой тенью сновиденья
Прилетал уже ко мне

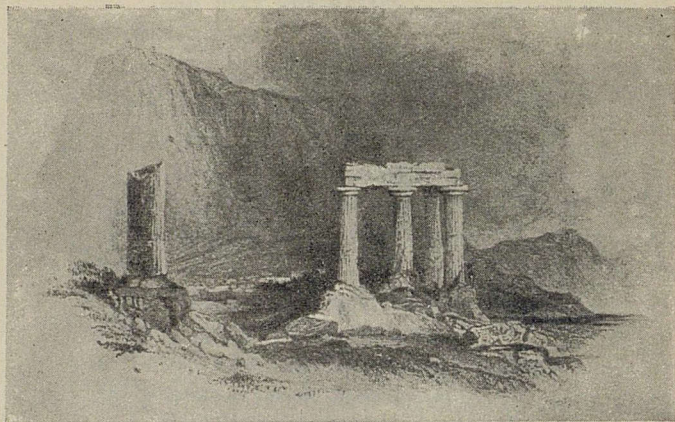

Как Зефирово дыханье,
Он провеял надо мной;
Мне послышалось призыванье,
Сладкий глас души родной;
В нежном взоре скорбь разлуки
И следы минувших слёз...
Я простер ко брату руки...
Он во мгле пустой исчез.

От Скироса вдаль влекомый,
Поплывет Неоптолем;
Брег увидит незнакомый
И зеленый холм на нём;
Кормщик юноше укажет,
Полный думы, на курган —
«Вот Ахиллов гроб (он скажет);
Там вблизи был греков стан.

Там, ужасный, на ограде
Нам явился он в ночи —
Нестерпимый блеск во взгляде,
С шлема грозные лучи —
И трикраты звучным кликом
На врага он грянул страх,
И Троянец с бледным ликом
Бросил щит и меч во прах.

Там, Атриду дав десницу,
С ним союз запечатлел;
Там, гремящий, в колесницу
Прянув, к Трое полетел;
Там по праху за собою
Тело Гекторово мчал,

И на трепетную Трою
Взглядом мщения сверкал!»

И сойдет на брег священный
С корабля Неоптолем,
Чтоб на холм уединенный
Положить и меч и шлем,
Вкруг уж пусто... смолкли бои;
Тихи Ксант и Симоис;
И уже на горах Трои
Плющ и тернии свились.

Обойдешь равнину брани...
Там, где ратовал Ахилл,
Уж садятся робки лани
Вкруг оставленных могил;
И услышишь над собою
Двух невидимых полёт...
Это мы... рука с рукою...
Мы, друзья минувших лет.

Вспомяни тогда Ахилла:

Быстро в мире он протѣк;
Здесь судьба ему сулила
Долгий, но бесславный век;
Он мгновение со славой,
Хладну жизнь презрев, избрал,
И на друга труп кровавой,
До могилы верный, пал».

Он умолк... в тумане Ида;
Отуманен Илион;
Спит во мраке стан Атрида;
На равнине битвы сон;
И, курясь, едва сверкает
Пламень гаснущих костров;
И протяжно окликает
Стража стражу близ шатров.

Э О Л О В А   А Р Ф А

Владыко Морвены,
Жил в дедовском замке могучий Ордал;
Над озером стены
Зубчатые замок с холма возвышал;
Прибрежны дубравы
Склонялись к водам,
И стлался кудрявый
Кустарник по злачным окрестным холмам.

Спокойствие сеней
Дубравных там часто лай псов нарушал;
Рогатых еленей
И вепрей и ланей могучий Ордал
С отважными псами
Гонял по холмам;
И долы с холмами,
Шумя, отвечали зовущим рогам.

В жилище Ордала
Веселость из ближних и дальних краев
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пиров
Еленей рогами;

И в память отцам
Висели рядами
Их шлемы, кольчуги, щиты по стенам.

И в дружных беседах
Любил за бокалом рассказы Орда
О древних победах,
И взоры на брони отцов устремлял:
Чеканны их латы
В глубоких рубцах;
Мечи их зубчаты;
Щиты их и шлемы избиты в боях.

Младая Минвана
Красой озаряла родительский дом;
Как зыби тумана,
Зарю златимы над свежим холмом,
Так кудри густые
С главы молодой
На перси молодые,
Вияся, бежали струей золотой.

Приятней денницы
Задумчивый пламень во взорах сиял:
Сквозь темны ресницы
Он сладкое в душу смятенье вливал;
Потока журчанье —
Приятность речей;
Как роза — дыханье;
Душа же прекрасней и прелестей в ней.

Гремела красою
Минвана и в ближних и в дальних краях;

В Морвену толпою
Стекалися витязи, славны в боях;
И дщерью гордился
Пред ними отец...
Но втайне делился
Душою с Минваною Арминий-певец!

Младой и прекрасный,
Как свежая роза — утеха долин,
Певец сладкогласный...
Но родом не знатный, не княжеский сын:
Минвана забыла
О сани своем,
И сердцем любила,
Невинная, сердце невинное в нем. —

На темные своды
Багряным щитом покати́лась луна;
И озера воды
Струистым сияньем покрыва она;
От замка, от сеней
Дубрав по берегам
Огромные теней
Легли великаны по гладким водам.

На холме, где чистым
Потоком источник бежал из кустов,
Под дубом ветвистым —
Свидетелем тайных свиданья часов —
Минвана младая
Сидела одна,
Певца ожидая,
И в страхе таила дыханье она.

И с арфою стройной
Ко древу к Минване приходит певец.
Всё было спокойно,
Как тихая радость их юных сердец:
Прохлада и нега,
Мерцанье луны,
И ропот у берега
Дробимья с легким плесканьем волны.

И долго, безмолвны,
Певец и Минвана с унылой душой
Смотрели на волны,
Златимые тихо блестящей луной.
«Как быстрые воды
Поток свой лиют —
Так быстрые годы
Веселье младое с любовью несут».

— Что ж сердце уныло?
Пусть воды лиются, пусть годы бегут;
О верный! о милой!
С любовью годы и жизнь унесут! —
«Минвана, Минвана,
Я бедный певец;
Ты ж царского сана,
И предками славен твой гордый отец!»

— ~~Что в славе и сани?~~
Любовь — мой высокий, мой царский венец.
О милый, Минване
Всех витязей краше смиренный певец.
Зачем же уныло
На радость глядеть?

Всё близко, что мило;
Оставим годам за годами лететь. —

«Минутная сладость
Веселого вместе, помедли, постой;
Кто скажет, что радость
Навек не умчится с грядущей зарей!
Проглянет денница —
Блаженству конец;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бедный певец».

— Пускай возвратится
Веселое утро, сияние дня;
Зарей озарится
Тот свет, где мой милый живет для меня.
Лишь царским убором
Я буду с толпой;
А мыслю, взором
И сердцем, и жизнью, о милый, с тобой. —

«Прости, уж бледнеет
Рассветом далекий, Минвана, восток;
Уж утренний вест
С вершины кудрявых холмов ветерок!»
— О нет! то зарница
Блестит в облаках;
Не скоро денница!
И тих ветерок на кудрявых холмах. —

«Уж в замке проснулись;
Мне слышался шорох и звук голосов».
— О нет! встреленулись
Дремавшие птицы на ветвях кустов. —

«Заря уж багряна».
— О милый, постой. —
«Минвана, Минвана,

Почто ж замирает так сердце тоской?»

И арфу унылой
Певец привязал под наклоном ветвей:
«Будь, арфа, для милой
Залогом прекрасных минувшего дней;
И сладкие звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вестник души неизменные будь.

Когда же мой юный,
Убитый печалию, цвет опадет,
О верные струны,
В вас с прежней любовью душа перейдет.
Как прежде, сыграет
Веселие в вас,
И друг мой узнает
Привычный, зовущий к свиданию глас.

И думай, их пенью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тенью,
Всё верный, летает твой друг над тобой;
Что прежние муки:
Превратности страх,
Томленье разлуки,
Всё с трепетной жизнью он бросил во прах.

Что, жизнь переживши,
Любовь лишь одна не рассталась с душой;

Что робко любивший
Без робости любит и более твой.
А ты, дуб ветвистый,
Ее осеняй;
И, ветер душистый,
На грудь молодую дышать прилетай».

Умолк — и с прелестной
Задумчивых долго очей не сводил...
Как бы неизвестный
В нем голос: *навек* прости! говорил.
Горячей рукою
Ей руку пожал,
И, тихой стопою
От ней удаляся, как призрак, пропал...

Луна воссияла...
Минвана у древа... но где же певец?
Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастьем конец;
Молва о свиданье
Достигла отца...
И мчит уж в изгнанье
Ладья через море молодого певца.

И поздно, и рано
Под древом свиданья Минвана грустит.
Уныло с Минваной
Один лишь нагорный поток говорит;
Все пусто; день ясный
Взойдет и зайдет —
Певец сладкогласный
Минваны под древом свиданья не ждет.

Прохладою дышит
Там ветер вечерний и в листьях шумит,
И ветви колышет,
И арфу лобзает... но арфа молчит.
Творения радость,
Настала весна —
И в свежую младость,
Красу и веселье земля убрана.

И ярким сияньем
Холмы осыпал вечереющий день:
На землю с молчаньем
Сходила ночная, росистая тень;
Уж синие своды
Блистают в звездах;
Сравнились воды;
И ветер улегся на спящих листьях.

Сидела уныло
Минувана у древа... душой вдалеке...
И тихо всё было...
Вдруг... к пламенной что-то коснулось щеке;
И что-то шатнуло
Без ветра листья;
И что-то прильнуло
К струнам, невидимо слетев с высоты...

И вдруг... из молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звон;
И тише дыханья
Играющей в листьях прохлады был он.
В ней сердце смутилось:
То друга привет!

Свершилось, свершилось!..
Земля опустела, и милого нет.

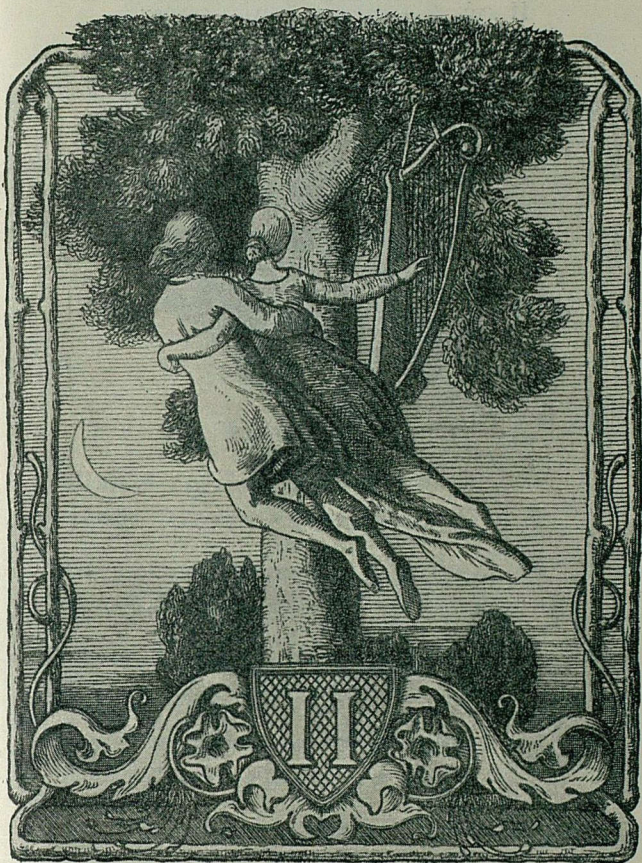
От тяжкия муки
Минвана упала без чувства на прах,
И жалобней звуки
Над ней застенали в смятенных струнах.
Когда ж возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и над нею была тишина.

С тех пор, унывая,
Минвана, лишь вечер, ходила на холм,
И, звукам внимая,
Мечтала о милом, о свете другом,
Где жизнь без разлуки,
Где всё не на час —
И мнились ей звуки,
Как будто летящий от родины глас.

«О милые струны,
Играйте, играйте... мой час недалек;
Уж клонится юный
Главой недоцветшей ко праху цветов.
И странник унылый
Заутра придет,
И спросит: где милый
Цветок мой?... и боле цветка не найдет».

И нет уж Минваны...
Когда от потоков, холмов и полей
Восходят туманы,
И светит, как в дыме, луна без лучей —

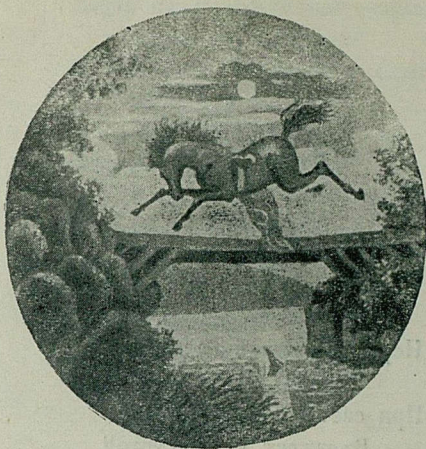

Две видятся тени:
Слиявшись, летят
К знакомой им сени...
И дуб шевелится, и струны звучат.

МЩЕНИЕ

Изменой слуга паладина убил:
Убийце завиден сан рыцаря был.

Свершилось убийство ночью порой —
И труп поглощен был глубокой рекой.

И шпоры и латы убийца надел,
И в них на коня паладинова сел.

И мост на коне проскакать он спешит:
Но конь поднялся на дыбы и храпит.

Он шпоры вонзает в крутые бока:
Конь бешеный сбросил в реку седока.

Он выплыть из всех напрягается сил:
Но панцырь тяжелый его утопил.

ГАРАЛЬД

Перед дружиной на коне
Гаральд, боец седой,
При свете полной луны
Въезжает в лес густой.

Отбиты вражьи знамена
И веют и шумят,
И гулом песней боевых
Кругом холмы гудят.

Но что порхает по кустам?
Что зыблется в листьях?
Что налетает с вышины
И плещется в волнах?

Что так ласкает, так манит?
Что нежною рукой
Снимает меч, с коня влечет
И тянет за собой?

То феи... в легкий хоровод
Слетелись при луне.
Спасенья нет; уж все бойцы
В волшебной стороне.

Лишь он, бесстрашный вождь Гаральд,
Один не побежден:
В нетленный с ног до головы
Булат закован он.

Пропали спутники его;
Там брошен меч, там щит,
Там ржет осиротелый конь
И дико в лес бежит

И едет сумрачно-уныл
Гаральд, боец седой,
При свете полных луны
Один сквозь лес густой.

Но вот шумит, журчит ручей —
Гаральд с коня спрыгнул,
И снял он шлем, и влаги им
Студеной зачерпнул.

Но только жажду утолил:
Вдруг обессилел он;
На камень сел, поник главой,
И погрузился в сон.

И веки на утесе том,
Главу склоня, он спит:
Седые кудри, борода;
У ног конье и щит.

Когда ж гроза и молний блеск,
И лес ревет густой —
Сквозь сон хватается за меч
Гаральд, боец седой.

ТРИ ПЕСНИ

— Спойт ли мне песню веселую скальд? —
Спросил, озираясь, могучий Освальд.
И скальд выступает на царскую речь,
Подмышкою арфа, на поясе меч.

«Три песни я знаю: в одной старина!
Тобою, могучий, забыта она;
Ты сам ее в лесе дремучем сложил;
Та песня: *отца моего ты убил.*»

Есть песня другая: ужасна она;
И мною под бурей ночной сложена;
Пою ее ранней и поздней порой;
И песня та: *бейся, убийца, со мной!»*

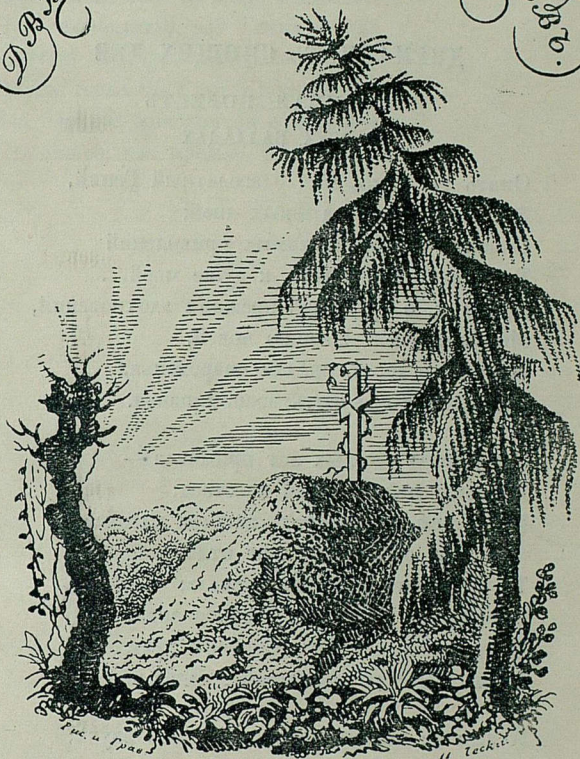
Он в сторону арфу, и меч наголо;
И бешенство грозные лица зажгло;
Запрыгали искры по звонким мечам —
И рухнул Освальд — голова пополам.

«Раздайся ж, последняя песня моя;
Ту песню и утром и вечером я
Греметь не устану пред девой любви;
Та песня: *убийца повержен в крови.*»

ДРУЖАТЪ СЛЪНЦЕЮ ДЪВЪ.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

1817.

ДВЕНАДЦАТЬ СПЯЩИХ ДЕВ

СТАРИННАЯ ПОВЕСТЬ

В ДВУХ БАЛЛАДАХ

Опять ты здесь, мой благодатный Гений,
Воздушная подруга юных дней;
Опять с толпой знакомых привидений
Теснишься ты, Мечта, к душе моей...
Приди ж, о друг! дай прежних вдохновений,
Минувшею мне жизнью повеи,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкого вкусить воспоминанья.

Ты образы веселых лет примчала —
И много милых теней восстает;
И то, чем жизнь столь некогда пленяла,
Что Рок, отняв, назад не отдает,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась Скорбь, и Жалоба зовет
Сопутников, с пути сошедших прежде,
И здесь вотще поверивших надежде

К ним не дойдут последней песни звуки;
Рассеян круг, где первую я пел;
Не встретят их простертые к ним руки;
Прекрасный сон их жизни улетел.

Других умчал могучий Дух разлуки;
Счастливым край, их знавший, опустел;
Разбросаны по всем дорогам мира —
Не им поет задумчивая лира.

И снова в томном сердце воскресает
Стремленье в оный таинственный свет;
Давнишний глас на лире оживает,
Чуть слышимый, как Генія полёт;
И душу хладную разогревает
Опять тоска по благам прежних лет:
Все близкое мне зрится отдаленным,
Отжившее, как прежде, оживленным.

БАЛЛАДА ПЕРВАЯ

ГРОМОВОЙ

Leicht aufzuritzen ist das Reich der Geister;
Sie liegen wartend unter dünner Decke
Und, leise hörend, stürmen sie herauf.

Schiller.¹

Александрѣ Андреевнѣ Воейковой

Моих стихов желала ты —
Желанье исполняю;
Тебе досуг мой и мечты
И лиру посвящаю.
Вот повесть прадедовских лет.
Еще ж одно — желанье:
Цвети, мой несравненный цвет,
Сердец очарованье;
Печаль по слуху только знай;
Будь радостною света;
Моих стихов хоть не читай,
Но другом будь поэта.

---

¹ Нам в области духов легко проникнуть;
Нас ждут они и молча стерегут,
И, тихо внемя, в бурях вылетают.

Шиллер. (Перевод В. А. Жуковского.)

Над пенистым Днепром-рекой,
Над страшною стремниной,
В глухую полночь Громобой
Сидел один с кручиной;
Окрест него дремучий бор;
Утесы под ногами;

*мрачнее
описание
природы*

Туманен вид полей и гор;
Туманы над водами;
Подернут мглою свод небес;
В ущельях ветер свищет;
Ужасно шепчет темный лес,
И волк во мраке рыщет.

Сидит с поникшей головой,
И думает он думу:
«Печальный, горький жребий мой!
Клянусь судьбу угрюму:
Дала мне крест тяжелый несть;
Всем людям жизнь отрада:
Тем злато, тем покой и честь —
А мне сума награда;
Нет крова защитить главу
От бури, непогоды...
Устал я, в помощь вас зову,
Днепровски быстры воды».

*сметливее
главное*

Готов он прыгнуть с крутизны...
И вдруг пред ним явление:
Из темной бора глубины
Выходит привиденье,
Старик с шершавой бородой,
С блестящими глазами,
В дугу сомкнутый над клюкой,
С хвостом, когтями, рогами,

Идет, приблизился, грозит
Клюкою Громобою...
И тот, как вкопанный, стоит,
Зря диво пред собою.

— Куда? — неведомый спросил. —
«В волнах скончать мученья».

— Почто ж, бессмысленный, забыл
Во мне искать спасенья? —

«Кто ты?» воскликнул Громобой
От страха цепenea.

— Заступник, друг, спаситель твой:
Ты видишь Асмодея. —

«Творец небесный!» — Удержись!

В молитве нет отрады;
Забудь о боге — мне молись;
Мои верней награды.

Прими от дружбы, Громобой,
Полезное ученье:

Постигнут ты судьбы рукой,
И жизнь тебе мученье;

Но всем бедам найти конец
Я способы имею;

К тебе нежалостлив творец —
Прибегни к Асмодею.

Могу тебе я силу дать,
И честь и много злата,

И грудью буду я стоять
За друга и за брата.

Клянусь... свидетель ада бог,
Что клятвы не нарушу;

А ты, мой друг, за то в залог
Свою отдай мне душу. —

Невольно вздрогнул Громобой,
По членам хлад стремится;
Земли не взвидел под собой,
Нет сил перекреститься.
— О чем задумался, глупец? —
«Страшусь мучений ада».
— Но рано ль, поздно ль... наконец
Всё ад твоя награда.

Тебе на свете жить — беда;
Покинуть свет — другая;
Останься здесь — поди туда —
Везде погибель злая.
Ханжи-причудники твердят:
Лукавый бес опасен.
Не верь им — бредни; весел ад;
Лишь в сказках он ужасен.
Мы жизнь приятную ведем;
Наш ад не хуже рая;
Ты скажешь сам, ликуя в нем:
Лишь в аде жизнь прямая.

Тебе я терем пышный дам
И тьму людей на службу;
К боярам, витязям, князьям
Тебя введу я в дружбу;
Досель красавиц ты пугал —
Придут к тебе толпою;
И словом — вздумал, загадал,
И все перед тобою.
И вот в задаток кошелек:
В нем вечно будет злато.
Но десять лет — не боле — срок
Тебе так жить богато.

Когда ж последний день от глаз
Исчезнет за горою,
В последний полуночный час
Приду я за тобою. —
Стал думу думать Громобой,
Подумал, согласился,
И обольстителю душой
За злато поклонился.
Разрезав руку, написал
Он кровью обещанье;
Лукавый принял — и пропал,
Сказавши: до свиданья!

И вышел в люди Громобой —
Откуда что взялося!
И счастье на него рекой
С богатством полилося;
Как княжеский, разубран дом;
Подвалы полны злата;
С заморским выходы вином
И редкостей палата;
Пиры — хоть пост, хоть мясоед;
Музыка роговая;
Для всех — чужих, своих — обед
И чаша круговая.

Возможно всё в его очах,
Всему он повелитель:
И сильным бич, и слабым страх,
И хищник и грабитель,
Двенадцать дев похитил он
Из отческой их сени;
Презрел невинных жалкий стон
И родственников пени;

И в год двенадцать дочерей
Имел от обольщённых;
И был уж чужд своих детей
И крови уз священных.

Но чад оставленных щитом
Был ангел их хранитель:
Он дал им пристань — божий дом,
Смирения обитель.
В святых стенах монастыря
Сокрыл их с матерями:
Да славят вышнего царя
Невинных уст мольбами.
И горней благодати сень
Была над их главою;
Как вешний ароматный день,
Цвели они красою.

От ранних колыбельных лет
До юности златая
Им ведом был лишь божий свет,
Лишь подвиги благие;
От сна вставая с юным днем,
Стекались во храме;
На клиросе, пред алтарем,
Кадильниц в фимиаме,
В священный литургии час
Их слышалось пенье —
И сладкий непорочных глас
Внимало провиденье.

И слезы нежных матерей
С молитвой их сливались,

Когда во храме близ мощей
Они распростирались.
«О! дай им кров, небесный царь
(То было их моление);
Да будет твой святой алтарь
Незлобных душ спасенье;
Покинул их родной отец,
Дав бедным жизнь постылу;
Но призри ты сирот, творец,
И грешника помилуй...»

Но вот... настал десятый год;
Уже он на исходе;
И грешник горьки слезы льет:
Всему он чужд в природе.
Опять украшены весной
Луга, пригорки, доли;
И пахарь весел над сохой,
И счастья полны селы;
Не зрит лишь он златой весны:
Его померкли взоры;
В туман для них погребены
Луга, долины, горы.

Денница ль красная взойдет —
«Прости, гласит, денница».
В дубраве ль птичка пропоет —
«Прости, весны певица...
Прости, и мирные леса,
И нивы золотые,
И неба светлая краса,
И радости земные».
И вспомнил он забытых чад;
К себе их призывает;

И мнит: они творца смягчат:
Невинным бог внимает.

И вот... настал последний день;
Уж солнце за горою;
И стелется вечерня тень
Прозрачной пеленою;
Уж сумрак... смерклось... вот луна
Блеснула из-за тучи;
Легла на горы тишина;
Утих и лес дремучий;
Река сравнялась в берегах;
Зажглись светила ночи;
И сон глубокий на полях;
И близок час полночи...

И, мучим смертною тоской,
У спасовой иконы
Без веры ищет Громобой
От ада обороны.
И юных чад к себе призывал —
Сердца их близки раю —
«Увы! молитесь (вопиял),
Молитесь, погибаю!»
Младенца внятен небу стон:
Невинные молились;
Но вдруг... на них находит сон...
Замолкли... усыпились.

И всё в ужасной тишине,
Окрестность как могила;
Вот... каркнул ворон на стене;
Вот... стая псов завыва;

И вдруг... протяжно полночь бьет;
Нашли на небо тучи;
Река надулась; бор ревет;
И мчится прах летучий.
Увы!... последний страшный бой
Отгрянул за горами...
Гул тише... смолк... и Громобой
Зрит беса пред очами.

— Ты видел, — рек он, — день из глаз
Сокрылся за горою;
Ты слышал: бил последний час;
Пришел я за тобою. —
«О! дай, молю, хоть малый срок;
Терзаюсь, ад ужасен».
— Свершилось! неизбежен рок,
И поздний вопль напрасен. —
«Минути!» — Слышишь? Цепь звучит. —
«О страшный час! помилуй!»
— И гроб готов, и саван спит,
И роют уж могилу.

Заутра день взойдет во мгле:
Подымутся стенанья;
Увидят труп твой на столе,
Недвижный, без дыханья;
Кадил и свеч в дыму густом,
При тихом ликов пенье,
Тебя запрут в подземный дом
Навеки в заточенье;
И страшно заступ застучит
Над кровлей гробовою;
И тихо клир провозгласит:
Усопший, мир с тобою!

И мир не будет твой удел:
Ты адово стяжанье!
Но время... идут... час приспел.
Внимай их завыванье;
Сошлись... призывный слышу клич...
Их челюсти зияют;
Смола хлопочет... свищет бич...
Оковы разжигают. —
«Спаситель-царь, вонми слезам!»
— Напрасное моленье! —
«Увы! позволь хоть сиротам
Мне дать благословенье».

Младенцев спящих видит бес —
Сверкнули страшно очи!
— Лишить их царствия небес,
Предать их адской ночи...
Вот слава! мне воспещет ад
И с гордым сатаною. —
И, усмирив грозящий взгляд.
Сказал он Громобою:
— Я внял твоей печали глас;
Есть средство избавленья;
Покорен будь, иль в ад сейчас
На скорби и мученья.

Предай мне души дочерей
За временну свободу,
И дам, по милости своей,
На каждую по году. —
«Злодей! губить невинных чад!»
— Ты медлишь? Приступите!
Низриньте грешника во ад!
На части разорвите! —

И вдруг отсюда крик и стон;
Земля затрепетала;
И грянул гром со всех сторон;
И тьма бесов предстала.

Чудовищ адских грозный сонм;
Бегут, гремят цепями,
И стали грешника кругом
С разверстыми когтями.
И ниц повергся Громобой,
Бесчувствен, полумёртвый;
И вопит: «Страшный враг, стой!»
Пстой, готовы жертвы!»
И скрылся все. Он будит чад...
Он пишет их рукою...
О страх! свершилось... плещет ад
И с гордым сатаною.

Ты казнь отерочил, Громобой,
И дверь сомкнулась ада;
Но жить, погибнувши душой, —
Коль страшная отрада!
Влачи унылы дни, злодей,
В болезни ожидания;
Веселья нет душе твоей,
И нет ей упования;
Увы! и красный божий мпр,
И жизнь ему постылы;
Он в людстве дик, в семействе сир;
Он вживе снѣдь могилы.

Напрасно веет ветерок
С душистых долины;

И свет луны сребрит поток
Сквозь темны лип вершины;
И ласточка зари восход
Встречает щебетаньем:
И роща в тень свою зовет
Листочков трепетаньем;
И шум бегущих с поля стад,
С пастушьими рогами
Вечерний мрак животворят,
Теряясь за холмами...

Его доселе светлый дом
Уж сумрака обитель.
Угрюм, с нахмуренным лицом
Пиров веселых зритель,
Не пьет кипящего вина
Из чаши круговья...
И страшен день; и ночь страшна;
И тени гробовья
Он всюду слышит грозный вой;
И в час глубокой ночи
Бежит одра его покой;
И сон забыли очи.

И тьмы лесов страшится он:
Там бродит привиденье;
То чудится полночный звон,
То погребально пенье;
Страшит его и бури свист,
И грозных туч молчанье,
И с шорохом падающий лист,
И рощи содроганье.
Прокатится ль по небу гром —
Бледнеет, дыбом волос:

«То мститель, послан божеством;
То казни страшный голос».

И вид прелестный юных чад
Ему не наслажденье.
Их милый, чувства полный взгляд,
Спокойствие, смирение,
Краса — веселие очей,
И гласа нежны звуки,
И сладость ласковых речей
Его сугубят муки.
Как роза — благовонный цвет
Под сению надежной,
Они цветут: им скорби нет;
Их сердце безмятежно.

А он?.. Преступник... он, в тоске
На них подъемля очи,
Отверсту видит вдалеке
Пучину адской ночи.
Он плачет; он судьбу клянет:
«О милые творенья,
Какой вас лютый жребий ждет!
И где искать спасенья?
Напрасно вам дана краса;
Напрасно сердцу мило;
Закрит вам путь на небеса;
Цветете для могилы.

Увы! пора любви придет:
Вам сердце тайну скажет,
Для вас украсит божий свет,
Вам милого покажет;
И взор наполнится тоской,

И тихим грудь желаньем,
И, распаленные душой,
Влекумы ожиданьем,
Для вас взойдет краснее день,
И будет луг душистей,
И сладостней дубравы тень,
И птичка голосистей.

И дни блаженства не придут;
Страшитесь милой встречи;
Для вас не брачные зажгут,
А погребальны свечи.
Не в божий, гимнов полный, храм
Пойдете с женихами...
Ужасный гроб готовят нам;
Прокляты небесами.
И наш удел тоска и стон
В обителях геенны...
О грозный жребия закон,
О жертвы драгоценны!..»

Но взор возвел он к небесам
В душевном сокрушенье,
И мнит: «сам бог вещает нам:
В раскаяньи спасенье.
Возносятся пред вышний трон
Преступников стенанья...»
И дом свой обращает он
В обитель покаянья;
Да странник там найдет покой,
Вдова и сирый друга,
Голодный сладку снедь, больной
Спасенье от недуга.

С утра до ночи у ворот
Служитель на сторо́же;
Он всех прохожих в дом зовет:
«Есть хлеб-соль, мягко ложе».
И вот уже из всех краев,
Влекомые молвою,
Идут толпы сирот и вдов
И нищих к Громобою;
И всех приемлет Громобой,
Всем дань его готова;
Он щедрой злато льет рукой
От имени Христова.

И божий он воздвигнул дом;
Подобье светла рая,
Обитель иноков при нем
Является святая;
И в той обители святой
От братии смиренной
Увечный, дряхлый и больной,
И скорбью убиенный
Приемлют, именем творца,
Отраду, исцеленье:
Да воскрешаемы сердца
Узнают провиденье.

И славный мастер призван был
Из города чужого;
Он в храме лик изобразил
Угодника святого;
На той иконе Громобой
Был видим с дочерями,
И на молящихся святой
Взирал любви очами.

И день и ночь огонь пылал
Пред образом в лампаде:
В златом венце алмаз сиял,
И перлы на окладе.

И в час, когда редее тень,
Еще дубрава дремлет,
И воцаряющийся день
Полнеба лишь объемлет;
И в час вечерней тишины —
Когда везде молчанье,
И свечи, в храме возжжены,
Льют тихое сиянье —
В слезах раскаянья, с мольбой,
Пред образом смиренно
Распростирался Громобой,
Веригой отягчённой...

Но быстро, быстро с гор текут
В долину вешни воды —
И невозвратные бегут
Дни, месяцы и годы.
Уж время с годом десять лет
Невидимо умчало;
Последнего двух третей нет —
И будто не бывало;
И некий неотступный глас
Вещает Громобою:
Всему конец! твой близок час!
Погибель над тобою!

И вот... недуг повергнул злой
Его на одр мученья.
Растерзан лютою рукой,
Не чая исцеленья,

Всечасно пред собой он зрит
Отверсту дверь могилы;
И у возглавия сидит
Над ним призрак унылый.
И нет уж сил ходить во храм
К иконе чудотворной —
Лишь взор стремится он к небесам,
Молящий, но покорный.

Увы! уж и последний день
Край неба озлащает;
Сквозь темную дубравы сень
Блистанье проникает;
Все тихо, весело, светло;
Все негой сладкой дышит;
Река прозрачна, как стекло;
Едва, едва колышет
Листами легкий ветерок;
В полях благоуханье,
К цветку прилипнул мотылек
И пьет его дыханье.

Но грешник сей встречает день
Со стоном и слезами.
«О рано ты, ночная тень,
Рассталась с небесами!
Сойдитесь, дети, одр отца
С молитвой окружите,
И пред судилище творца
Стенания пошлите.
Ужасен нам сей ночи мрак;
Взывайте: искупитель,
Смягчи грозный гнева зрак;
Не будь нам строгий мститель!»

И страшного одра кругом,
Где, бледен, изможденный,
С обезображенным челом,
Все кости обнажены,
Брада до чресл, власы горой,
Взор дикий, впалы очи,
Вопил от муки Громобой
С утра до поздней ночи, —
Стеклися девы, ясный взор
На небо устремили,
И в тихий к провиденью хор
Сердца совокупили.

О вид, угодный небесам!
Так ангелы спасенья,
Вонмя раскаянья слезам,
С улыбкой примиренья,
В очах отрада и покой,
От горнего чертога
Нисходят с милостью святой,
Предшественники бога,
К одру болезни в смертный час...
И, утомлен страданьем,
Сын гроба слышит тихий глас:
Отыди с упованьем!

И девы, чистые душой,
Подъемля к небу руки,
Смиренной мыслили мольбой
Отца споконить муки;
Но ужас близкого конца
Над ним уже носился;
Язык коснеющий творца
Еще молить стремился;

Тоскуя, взором он искал
Сияния денницы...
Но взор недвижим угасал,
Смыкались зеницы.

«О дети, дети, гаснет день».
— Нет, утро; лишь проснулась
Заря на холме; черна тень
По доли протянулась;
И нивы пусты... в высоте
Лишь жаворонок вьется. —
«Увы! завтра в красоте
Опять сей день проснется!
Но мы... уж скрылись от земли:
Уже нас гроб снесает;
И место, где поднесь цвели,
Нас боле не признает.

Несчастные, дерзну ль на вас
Изречь благословенье?
И в самой вечности для нас
Погибло примиренье.
Но не сопутствуйте отцу
С проклятием в могилу;
Молитесь, воззовем к творцу:
Разгневанный, помилуй!»
И дети, страшных сих речей
Не всю объемля силу,
С невинной ясностью очей
Воскликнули: помилуй!

«О дети, дети, ночь близка».
— Лишь полдень наступает;

Пастух у вод для холодка
Со стадом отдыхает;
Молчат поля; в долине сон;
Пылает небо знойно. —
«Мне чудится надгробный стон».
— Все тихо и спокойно;
Лишь свежий ветерок, порой
Подъемлясь с поля, дует;
Лишь иволга в глуши лесной
Повременно воркует. —

«О дети, светлый день угас».
— Уж солнце за горою;
Уж по закату разлилась
Багряною струею
Заря, и с пламенных небес
Спокойный вечер сходит,
На зареве чернеет лес,
В долине сумрак бродит. —
«О вечер сумрачный, постой!
Помедли, день прелестной!
Помедли, взор не узрит мой
Тебя уж в поднебесной!..

О дети, дети, ночь близка».
— Заря уж догорела;
В туман оделася река;
Окрестность побледнела;
И на распутии пылят
Стада, спеша к селенью. —
«Спасите! полночь бьет!» — Звонят
В обители к моленью:
Отцы поют хвалебный глас;
Огнями храм блистает. —

«При них и грешник в страшный час
К тебе, творец, взывает!..

Не тмится ль, дети, неба свод?
Не мчатся ль черны тучи?
Не вздул ли вихорь бурных вод?
Не вьется ль прах летучий?»
— Все тихо... служба отошла;
Обитель засыпает;
Луна полнеба протекла;
И божий храм сияет
Один с холма в окрестной мгле;
Луга, поля безмолвны;
Огни потухнули в селе;
И рощи спят и волны. —

И всюду тишина была;
И вся природа, мнилось
Предустрешенная ждала,
Чтоб чудо совершилось...
И вдруг... как будто ветерок
Повеял от востока,
Чуть тронул дремлющий листок,
Чуть тронул зыбь потока...
И некий глас промчался с ним...
Как будто над звездами
Коснулся арфы серафим
Эфирными перстами.

И тихо, тихо божий храм
Отверзся. Неизвестный
Явился старец дев очам;
И лик красы небесной,
И кротость благостных очей
Рождали упование;

Одеян ризою лучей,
Окрест главы сиянье,
Он не касался до земли
В воздушном приближеньи...
Пред ним незримые текли
Надежда и Спасенье.

Сердца их ужас обуял...
«Кто этот, в славе зримый?»
Но близ одра уже стоял
Пришлец неизъяснимый.
И к девам прикоснулся он
Полой своей одежды,
И тихий во мгновение сон
На их простерся вежды.
На искаженный старца лик
Он кинул взгляд укора:
И трепет в грешника проник
От пламенного взора.

«О! кто ты, грозный сын небес?
Твой взор мне наказанье».
Но страшный строгостью очес
Пришлец хранит молчанье...
«О дай, молю, твой слышать глас!
Одно надежды слово!
Идет неотразимый час!
Событие готово!»
— Вы лик во храме чтили мой;
И в том изображенье
Моя десница над тобой
Простерта во спасенье.—
«Ах! что ж могущий повелел?»
— Надейся и страшися.—

«Увы! какой нас ждет удел?

Что жребий их?» — Молися. —

И, руки положив крестом

На грудь изнеможенну,

Пред неиспытанным творцом

Молитву сокрушенну

Умолкший проливал в слезах,

И тяжело грудь дышала,

И в призывающих очах

Вся скорбь души сияла...

Вдруг начал тмиться неба свод —

Мрачнее и мрачнее;

За тучей грозною ползет

Другая вслед грознее;

И страшно сшиблись над главою;

И небо за клубилось;

И вдруг... повсюду с черной мглой

Молчанье воцарилось...

И близок час полночи был...

И ризою святою

Угодник спящих дев накрыл,

Отступника — десною.

И, устремленны на восток,

Горели старца очи...

И вдруг, сквозь сон и мрак глубокий,

В пучине черной ночи,

Завыл протяжно вещий бой —

Окрестность с ним завывала;

Вдруг... страшной молнией струей

Свод неба раздвоила,

По тучам вихорь пробежал,

И с сильным грома треском,

Ревущей буре, бес предстал,
Одеян адским блеском.

И змеи в пламенных власах —
Клубясь, шипят и свищут;
И радость злобная в очах —
Кругом, сверкая, рыщут;
И тяжелой цепью он гремел —
Увлечь добычу льстился;
Но старца грозного узрел —
Утихнул и смирился;
И вмиг гордыни блеск угас;
И, смутен, вопрошает:
— Что, мощный враг, тебя в сей час
К сим падшим призывает? —

«Я зрел мольбу их пред собой». —
— Они мое стяжанье. —
«Перед небесным судьей
Всесильно покаянье». —
— И час суда его притёк:
Их жребий совершился. —
«Еще ко благодати не рек
Он в гневе: удалися!» —
— Он прав — и я владыка им. —
«Он благ — я их хранитель». —
— Исчезни! ад неотразим. —
«Ответствуй, искупитель!» —

И гром с востока полетел;
И бездну туч трикраты
Рассек браздами ярких стрел
Перун огнекрылатый;

И небо с края в край зажглось,
И застонало в страхе;
И дрогнула земная ось...
И, воюющий во прахе,
Творца грядуща слышит бес;
И молится хранитель...
И стал на высоте небес
Средь молний ангел-мститель.

«Гряду! и вечный божий суд
Несет моя десница!
Мне казнь и благодать предтекут...
Во прах, чадоубийца!»
О всемогущество словес!
Уже отступник тленье;
Потух последний свет очес;
В костях одеревененье;
И лик кончиной искажен;
И сердце охладело;
И от сомкнувшихся уст
Дыханье отлетело.

«И праху обладатель ад,
И гробу отверженье,
Доколь на погубленных чад
Не снидет искупление.
И чадам непробудный сон;
И тот, кто чист душою,
Кто, их не зревши, распален
Одной из них красою,
Придет, житейское презрев,
В забвенну их обитель,
Есть обреченный спящих дев
От неба пекупитель.

И будут спать: и к ним века
В полете не коснутся;
И пройдет тления рука
Их мимо; и проснутся
С неизменившейся красой
Для жизни обновленной;
И низойдет тогда покой
К могиле искупленной;
И будет мир в его костях;
И, претворенный в радость,
Творца постигнув в небесах,
Речет: господь есть благодать!..»

Уж вестник утра в высоте;
И слышен громкий петел;
И день в воздушной красоте
Летит, как радость, светел...
Узрели дев, объятых сном,
И старца труп узрели;
И мертвый страшен был лицом!
Глаза, не зря, смотрели;
Как будто страждущ, прижимал
Он к хладным персям руки,
И на устах его ронтал,
Казалось, голос муки.

И спящих лик покоен был:
Невидимо, крылами
Их тихий ангел облачил;
И райскими мечтами
Чудесный был исполнен сон;
И сладким их дыханьем
Окрест был воздух растворен,
Как роз благоуханьем;

И расцветали их уста
Улыбкою прелестной,
И их являлась красота
В спокойствии небесной.

Но вот — уж гроб одет парчой;
Отверзлася могила;
И слышен колокола вой;
И тешятся кадила;
Идут и стар и млад во храм;
Подъемлется рыданье;
Дают бесчувственным устам
Последнее лобзанье;
И грянул в гроб ужасный млат;
И взят уж гроб землею;
И лик воспел: усопший брат,
Навеки мир с тобою!

И вот — и стар и млад пошли
Обратно в дом печали;
Но вдруг пред ними из земли
Вкруг дома грозно встали
Гранитны стены — верх зубчат,
Бока одеты лесом —
И, сгрянувшись, затворы врат
Задвинулись утёсом.
И вспять погнал пришельцев страх;
Бегут, не озираясь;
«Небесный гнев на сих стенах!»
Вешают, содрогаясь.

И стала та страна с тех пор
Добычей запустенья;
Поля покрыл дремучий бор;
Рассыпались селенья.

И человеческий глас умолк —
Лишь филин на утёсе
И в ночь осеннюю гладный волк
Там воют в черном лесе;
Лишь дико меж седых берегов,
Спираема корнями
Изрытых бурей дубов,
Река клубит волнами.

Где древле окружала храм
Отшельников обитель,
Там грозно свищет по стенам
Змея, развалин житель;
И гимн по сводам не гремит —
Лишь, веющий порою,
Пустынный ветер шевелит
В развалинах травую;
Лишь, отторгаясь от стен,
Катятся камни с шумом,
И гул, на время пробуждён,
Шумит в лесу угрюмом.

И на туманистом холме
Могильный зрится камень:
Над ним всегда в полночной тьме
Сияет бледный пламень.
И крест поверженный обвит
Листами повилики:
На нем угрюмый вран сидит,
Могилы сторож дикий.
И всё как мертвое окрест:
Ни лист не шевелится,
Ни зверь близ сих не пройдёт мест,
Ни птица не промчится.

Но полночь лишь сойдет с небес —
Вран черный встрепетнется,
Зашепчет пробужденный лес,
Могилы потрясется.
И видима бродяща тень
Тогда в пустыне ночи:
Как бледный на тумане день,
Ее сияют очи;
То взор возводит к небесам,
То, с видом тяжелой муки,
К непроницаемым стенам,
Моля, подымлет руки.

И в недрах неприступных стен
Молчанье могилы;
Окест их, мглой покровен,
Сидит лес унылый:
Там ветер не шумит в листьях,
Не слышно вод журчанья,
Ни благоуханья в цветах,
Ни в травке нет дыханья.
И девы спят — их сон глубок;
И жребий искупленья,
Безвестно, близок или далек;
И нет им пробужденья.

Но в час, когда поля заснут,
И мглой земля одета
(Между торжественных минут
Полночи и рассвета),
Одна из спящих восстает —
И, странник одинокой,
Свой срочный начинает ход
Кругом стены высокой;

И смотрит вдаль, и ждет с тоской:
«Приди, приди, спаситель!»
Но даль покрыта черной мглой...
Нейдет, нейдет спаситель!

Когда ж исполнится луна,
Чреда приходит смены;
В урочный час пробуждена,
Одна идет на стены,
Другая к ней со стен идет,
Встречается, и руку,
Вздыхнув, прищелице дает
На долгую разлуку;
Потом к починющим сестрам,
Задумчива, отходит,

А та печально по стенам
Одна до смены бродит.

И скоро ль? Долго ль?... Как узнать?

Где вестник искупленья?

Где тот, кто властен побеждать

Все ковы обольщенья,

К прелестной прилеплен мечте?

Кто мог бы, чист душою,

Небесной верен красоте,

Непобедим земною,

Все предстоящее презреть,

И с верою смиренной,

Надежды полон, в даль лететь

К награде сокровенной?..

БАЛЛАДА ВТОРАЯ

ВАДИМ

Du musst glauben, du musst wagen,
Denn die Götter leih'n kein Pfand:
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland.

Schiller.¹

Дмитрию Николаевичу Блудову

Вот повести моей конец —
И другу посвященье;
Певцу ж смиренному венец
Будь дружбы одобренье.
Вадим мой рос в твоих глазах;
Твой вкус был мне учитель;
В моих запутанных стихах,
Как тайный вождь-хранитель,
Он путь мне к цели проложил.
Но в пользу ли услуга?
Не знаю... Дев я разбудил,
Не усыпить бы друга.

---

¹ Верь тому, что сердце скажет,
Нет залогов от небес:

Пам лишь чудо путь укажет
В сей волшебный край чудес.

Шиллер. (Перевод В. А. Жуковского.)

В великом Новграде Вадим
Пленял всех красотой,
И дерзким мужеством своим,
И сердца простотою
Его утеха — по лесам
Скитаться за зверями;
Ужасный вепрям и волкам
Разящими стрелами,
В осенний хлад и летний зной
Он с верным псом на ловле;
Ему постелей — мох лесной,
А свод небесный кровлей.

Уже двадцатая весна
Вадимова настала;
И, чувства тайного полна,
Душа в нем унывала.
«Чего искать? В каких странах?
К чему стремить желанье?»
Но всё — и тишина в лесах,
И быстрых вод журчанье,
И дня меняющийся вид
На облаке небесном,
Всё, всё Вадиму говорит
О чем-то неизвестном.

Однажды, ловлей утомлен,
Близ Волхова на бреге
Он погрузился в легкий сон...
Струи в свободном беге
Шумели, по корням деревьев
С плесканьем разливаясь;
Душой весны был полон лес;
Листочки, развиваясь,

Дышали жизнью молодой;
Всё благовонно было...
И солнце с тверди голубой
К холмам уж нисходило.

И к утру видит сон Вадим:
Одеян ризой белой,
Предстал чудесный муж пред ним —
Во взоре луч весёлой,
Лик важный светел, стан высок,
На седилах блистанье
В руке серебряный звонок,
На персях крест в сиянье;
Он шел, как будто бы летел,
И, осенив перстами,
Благовестящими воззрел
На юношу очами.

«Вадим, желанное вдали;
Верь небу; жди смиренно;
Все изменяет на земли,
А небо неизменно;
Стремись, я провожатый твой!»
Сказал — и в то ж мгновенье
В дали явилось голубой
Прелестное виденье:
Младая дева, лик закрыт
Завесою туманной,
И на главе ее лежит
Венок благоуханной.

Вздыхая жалобно, рукой
Манило привиденье
Итти Вадима за собой...

И юноша в смятенье
К ней, сердцем вспыхнув, полетел...
Но вдруг... призрак сокрылся,
Вдали звонок один гремел,
И бледный луч светился;
И вместе с девою пропал
Старик в одежде белой...
Вадим проснулся: день сиял,
А в вышине... звенело.

Он смотрит вдаль на светлый юг:
Там ясно всё и чисто;
Оттоль через обширный луг
Струею серебристой
Катился Волхов; небеса
Сливались там с землею;
Туда, за холмы, за леса,
Мчал облака толпою
Летучий, вешний ветерок...
Смятенный, в ожиданье,
Он смотрит, слушает... звонок
Умолк — и всё в молчанье.

Три сряду утра тот же сон;
Душа его в волненье.
«О что же ты, взывает он,
Прекрасное явленье?
Куда зовешь, волшебный глас?
Кто ты, пришлец священный?
Ах! где она? Увижу ль вас?
И сердцу откровенный
Предел откроется ль очам?..»
Но тщетно он очами
Летит к далеким небесам...
Туман под небесами.

И целый мир его мечтой
Пред ним одушевился.
Восток ли свежею красой
Денницы золотился —
Ему являлся там покров
На образе прелестном.
Дышал ли запахом цветов —
В нем скорбь о неизвестном,
Стремленье вдаль, любви тоска,
Томление разлуки;
И в каждом шуме ветерка
Звонка призывны звуки.

И он, невластный победить
Могущего стремленье,
К отцу и к матери просить
Идет благословенья.
«Куда? (печальная в слезах
Сказала мать сыну)
В чужих испытывать странах
Неверную судьбину?
Постой; на родине твоей
Дом отчий безопасный;
Здесь сладостна любовь друзей;
Здесь девицы прекрасны».

— Увы! желанного здесь нет;
Спокой себя, родная;
Меня от вая в далекий свет
Ведет рука святая.
И не задремлет ни на час
Хранитель постоянный.
Но где он? Чей я слышал глас?
Кто вождь сей безымянный?

Куда ведет? Какой стезей?

Не знаю — и напрасен

В незнании страх... жив спутник мой;

Путь веры безопасен. —

Надев на сына крест златой,

Ответствует родная:

«Прости, да будет над тобой

Его любовь святая!»

Снимает со стены отец

Свои доспехи ратны:

«Прости, вот меч мой кладенец,

Мой щит и шлем булатный».

Сын в землю матери, отцу;

Целует образ; плачет;

Конь борзый подведен к крыльцу;

Он сел — он крикнул — скачет...

И пыльный по дороге след

Поднял конь быстроногой;

Но вот уже и следу нет;

И пыль слилась с дорогой...

Вздыхнул отец; со вздохом мать

Пошла в свою светлицу;

Ей долго ночь в слезах встречать,

В слезах встречать денницу;

Перед владычицей зажгла

С молитвою лампаду:

Чтобы ему покров была,

Чтоб ей дала отраду.

Вот на распутии Вадим.

Весь мир неизмеримый

Ему открыт; за ним, пред ним

Поля необозримы;

В чужбине он; в желанный край
Неведома дорога.
«Что ж медлишь? Верь — не выбирай;
Вперед, во имя бога;
Куда и как привести меня,
То вождь мой знает боле».
Так он подумал — и коня
Пустил бежать по воле.

И добрый конь как будто сам
Свою дорогу знает;
Он все на юг; он по полям
Путь новый пробивает;
Поток ли встретит — и в поток;
Лишь только пена прыщет.
Ко рву ль примчится — разом скок,
Лишь только воздух свищет.
Заглох ли лес — с ним широка
Дорога в чаще леса;
Утес ли крут — он седока
Стрелой на круть утёса.

Бегут за днями дни; Вадим
Все дале; конь послушный
Не устает; и всюду им
В пути прием радушный:
Ко граду ль случай заведет,
К селу ль, к лачужке ль дымной —
Везде пришьелду у ворот
Привет гостеприимной;
Везде заботливо дают
Хлеб-соль на подкрепление,
На темну ночь святой приют,
На путь благословенье.

Когда ж застигнет мрак ночной
В лесу иль в поле чистом —
Наш витязь, щит под головой,
Спит на ковре росистом
Благоуханной муравы;
Над ним, катясь, сияют
Ночные звезды; вкруг главы
Младые сны летают;
И конь, не дремля, сторожит;
И к стороне той, мнится,
И зверь опасный не бежит,
И змей приползть боится.

И дни бегут — весна прошла,
И соловьи отпели,
И липа в рощах зацвела,
И нивы пожелтели.
Вадим все дале; уж пред ним
Широкий Днепр сияет;
Он едет берегом крутым,
И взор его летает
С высот по злачным берегам:
Здесь видит луг цветущий,
Там златоверхий город, там
Близ вод рыбацьи кущи.

Однажды — вечер знойный рдел
На небе; лес дремучий
Сквозь пламень зарева синел,
И громовые тучи,
Вслед за багровою луной,
С востока поднимались,
И яркой молнии змеей
В их недре извивались —

Вадим въезжает в темный лес;
Там всё в тени молчало;
Лишь трепетание древес
Грозу предвозвещало.

И дичь являлася кругом;
Чуть небеса сквозь сени
Светили гаснувшим лучом;
И деревья, как тени,
Мелькали в бездне темноты
С разверстыми ветвями.
Вадим вперед — хрустят кусты
Под конскими ногами;
Везде плетень из сучьев им
Дорогу задвигает...
Но их мечом крушит Вадим,
Конь грудью разрывает.

И едет он уж целый час;
Вдруг — жалобные крики;
То нежный и молящий глас,
То яростный и дикий.
Зажглась в нем кровь; на вопли он
Сквозь чащу ветвей рвется;
Конь пышит, лес трещит, и стон
Всё ближе раздается;
И вдруг под ним в дичи глухой,
Как будто из тумана,
Чуть освещенная луной,
Открылася поляна.

И что ж у витязя в глазах?
Шумя между кустами,
С медвежьей кожей на плечах,
С дубиной за плечами,

Огромный великан бежит,
И на руках могучих
Красавицу младую мчит;
Она, в слезах горячих,
То силится бороться с ним,
То скорбно вопит к богу...
«Стой!» крикнул хищнику Вадим,
И заслонил дорогу.

Ни слова тот на грозну речь;
Как бешеный отпрянул,
Сорвал дубину с крепких плеч,
Взмахнул, в Вадима грянул,
И очи вспыхнули, как жар...
Конь легкий отшатнулся,
В корнистый дуб пришел удар,
И дуб, треща, погнулся;
Вадим всей силою меча
Ударил в исполина —
Рука отпала от плеча,
И в прах легла дубина.

И хищник, рухнув, захрипел
Под конскими ногами;
Рванулся встать; оцепенел,
И стих, грозя очами;
И смерть молчаньем заперла
Уста, вопить отверсты;
И, роя землю, замерла
Рука, разинув персты.
Спешит к похищенной Вадим;
Она, как лист, дрожала,
И, севши на коня за ним,
В слезах к нему припала.

«Скажи мне, девица, кто ты?

Кто буйный оскорбитель
Твоей девичьей красоты
И где твоя обитель?»

— Князь киевский родитель мой;
Град Киев недалёко;
Проедем скоро лес густой,
Увидим брег высокой:
Под берегом тем кипят, шумят
В скалах струи Днепровы,
На бреге том и Киев-град,
Озолоченны кровы.

Я там дни мирные вела,
Не знаяся с кручиной,
И в старости отцу была
Утехою единой.
Не в добрый час литовский князь,
Враг церкви православной,
Меня узрел и, распалясь
Душою зверонравной,
Послал к нам в Киев-град гонца,
Чтоб, тайною рукою
Меня похитив у отца,
Умчал в Литву с собою.

Он скрылся на Днепре-реке
В лесном уединеньи,
От Киева недалеке;
О дерзком замышленьи
Никто и сонный не мечтал;
Губитель не встречался
В лесу ни с кем; как волк, он ждал
Добычи и — дождался.

Я нынче раннею порой
В луг вышла, полевые
Сбирать цветки; пошли со мной
Подружки молодые.

Мы росу брали на цветах,
Росою умывались,
И рвали ягоды в кустах,
И громко окликались.
Уж солнце жгло с полунебес;
Я шла одна; кустами
Вилась дорожка; темный лес
Чернел перед глазами.
Вдруг шум... смотрю... злодей за мной;
Страх подкосил мне ноги;
Он сильною меня рукой
Схватил — и в лес с дороги.

Ах! что б в удел досталось мне,
Что было бы со мною,
Когда б не ты? В чужой стране
Изныла б спротою.
От милых ближних вдалеке
Живет ли сердцу радость?
И в безутешной бы тоске
Моя увяла младость;
И с горем дряхлой мой отец
Повлекся бы ко гробу...
Но слабость защитил творец,
Сразил всевышний злобу. —

Меж тем с поляны в гущину
Въезжает витязь; тучи,
Толпясь, заволокли луну;
Стал душен лес дремучий...

Гроза сбиралась; меж листов
Дождь крупный пробивался,
И шум тяжелых облаков
С их ропотом мешался...
Вдруг вихорь набежал на лес
И взрыл дерев вершины,
И загорелися небес
Кипящие пучины.

И всё взревело... дождь рекой;
Гром страшный, треск за треском;
И шум воды, и вихря вой;
И поминутным блеском
Воспламеняющийся лес;
И встречу, справа, слева
Ряды валящихся древес;
Конь рвется; в страхе дева;
И, заслонив ее щитом,
Вадим смятенный ищет,
Где б приютиться... но кругом
Всё дичь, и буря свищет.

И вдруг уж нет дороги им;
Стена из камней мшистых;
Гром мчался по бокам крутым;
В расселинах лесистых
Спираясь, вихорь бушевал,
И молнии горели,
И в бездне бури груды скал
Сверкали и гремели.
Вадим назад... но вдруг удар!
Ель, треснув, запылала;
По вѣтвям пробежал пожар,
Окрестность заблестала.

И в зареве открылась им
Пещера под скалою.
Спешит к убежищу Вадим;
Заботливой рукою
Он снял соутницу с коня,
Сложил с рамен кольчугу,
Зажег костер, и близ огня,
Взяв на руки подругу,
На броню сел. Дымясь, сверкал
В костре огонь трескучий;
Поверх пещеры гром летал,
И бунтовали тучи

И, прислонив к груди своей
Вадим княжну младую,
Из золотых ее кудрей
Жал влагу дождевую;
И, к персям девственным уста
Прижав, их грел дыханьем;
И в них вливалась теплота;
И с тихим трепетаньем
Они касались устам;
И девица молчала;
И, к юноши прильнув плечам,
Рука ее пылала.

Лазурны очи опустя,
В объятиях Вадима,
Она, как тихое дитя,
Лежала недвижима;
И что с невинною душой
Сбылось — не постигала;
Лишь сердце билось, и порой,
Вся всыхнув, трепетала;

Лишь пламень гаснувший сиял
Сквозь тень ресниц склоненных,
И вздох невольный вылетал
Из уст воспламененных.

А витязь?... Что с его душой?...
Увы! сих взоров сладость,
Сих чистых, под его рукой
Горящих персей младость,
И мягкий шёлк кудрей густых,
По раменам разлитых,
И свежий блеск ланит младых,
И уст полуоткрытых
Палящий жар, и тихий глас,
И милое смятенье,
И ночи таинственный час,
И вокруг уединенье —

Всё чувства разжигало в нем...
О власть очарованья!
Уже, исполнены огнем
Кипящего лобзанья,
На девственных ее устах
Его уста горели,
И жарче розы на щеках
Дрожащей девы рдели;
И всё... но вдруг смутился он,
И в радостном волненьи
Затрепетал... знакомый звон
Раздался в отдаленьи.

И долго, жалобно звенел
Он в бездне поднебесной;
И кто-то, чудилось, летел
Незримый, но известный;

И взор, исполненный тоской,
Мелькал сквозь покрывало;
И под воздушной пеленой
Печальное вздыхало...
Но вдруг сильней потрясся лес,
И небо зашумело...
Вадим взглянул — призрак исчез;
А в вышине... звенело.

И вслед за милою мечтой
Душа его стремится;
Уже, подернувшись золой,
Едва, едва курится
В костре огонь; на небесах
Нет туч, не слышно рёва;
Небрежно на его руках,
Припав к ним грудью, дева
Младенческий вкушает сон,
И тихо, тихо дышит,
И близок уж рассвет; а он
Не видит и не слышит.

Стал веять свежий ветерок,
Взошла звезда денницы,
И обагрянился восток,
И пробудились птицы;
Конь топнув, конь заржал;
Вадим очнулся — ясно
Всё было вокруг; но сон смыкал
Глаза княжны прекрасной;
К ней тихо прикоснулся он;
Вздохнув, она одела
Власами грудь сквозь тонкий сон,
Взглянула — покраснела.

И витязь в шлеме и броне
Из-под скалы с княжною
Выходит. Солнце в вышине
Горело; под горою,
Сияя, пену расстилал
По камням Днепр широкий;
И лес кругом благоухал;
И благовест далекий
Был слышен. На коня Вадим,
Перекрестясь, садится;
Княжна попрежнему за ним;
И конь по берегу мчится.

Вдруг путь широкий меж деревьев:
Их чаща раздалась,
И в голубой дали небес,
Как звездочка, зажглася
Глава Печерская с крестом.
Конь скачет быстрым скоком;
Уж в граде он; уж пред дворцом;
И видит: на высоком
Крыльце великий князь стоит;
В очах его кручина;
Перед крыльцом народ кипит,
И строится дружина.

И смелых вызывает он
В погоню за княжною,
И избавителю свой трон
Сулит с ее рукою.
Но топот слышен в тишине;
Густая пыль клубится;
И видят, с девой на коне
Красивый всадник мчится.

Народ отхлынул, как волна;
Дружина расступилась!
И на руках отца княжна
При кликах очутилась.

Обняв Вадима, князь сказал:
«Я не нарушу слова;
В тебе господь мне сына дал
Заменою родного.
Я стар: будь хилых старца дней
Опорой и усладой;
А смелой доблести твоей
Будь дочь моя наградой.
Когда ж наступит мой конец,
Тогда мою державу
И светлый княжеский венец
Наследуй в честь и славу».

И громко, громко раздалось
Дружины восклицанье;
И зашумело, полилось
По граду ликование;
Богатый пир на весь народ;
Весь город изукрашен;
Кипит в заздравных кружках мед,
Столы трещат от брашен;
Поют певцы; колокола
Гудят, не умолкая;
И от огней потешных мгла
Зарделася ночная.

Веселье всем; один Вадим
Не весел — мысль далеко.
Сердечной думою томим,
Безмолвен, одинокой,

Ни песням, ни приветам он
    Не внемлет равнодушный;
Он ступит шаг — и слышит звон;
    Подымет взор — воздушный
Призрак летает перед ним
    В знакомом покрывале;
Приклонит слух — твердят: Вадим,
    Не забывайся, дале!

Идет к Днепровым берегам
    Он тихими шагами,
И, смутен, взор склонил к водам...
    Небесная с звездами
Была в них твердь отражена;
    Вдали, против заката,
Всходила полная луна;
    Вадим глядит... меж злата
Осыпанных луною волн
    Как будто бы чернеет,
В зыбях ныряя, легкий челн,
    За ним струя белеет.

Глядит Вадим... челнок плывет...
    Натянута ветрило;
Но без гребца весло гребет;
    Без кормщика кормило;
Вадим к нему... к Вадиму он...
    Садится... челн помчалю...
И вдруг... как будто с юга звон;
    И вдруг... все замолчало...
Плывет челнок; Вадим глядит;
    Сверкая, волны плещут;
Лесистый брег назад бежит;
    Ночные звезды блещут.

Быстрей, быстрей в реке волна;
Челнок быстрей, быстрее;
Светлее на́ небе луна;
На бреге лес темнее.
И дале, дале... всё кругом
Молчит... как великаны,
Скалы нагнулись над Днестром;
И, черен, сквозь туманы
Глядится в реку тихий лес
С утесистой стремнины;
И уж луна почти небес
Дошла до половины.

Сидит, задумавшись, Вадим;
Вдруг... что-то пролетело;
И облачко луны, как дым
Невидимый, одело;
Луна посмеркла; по волнам,
По тихим сеням леса,
По берегу, по крутым скалам
Раскинулась завеса;
Шатнул ветрилом ветерок,
И руль зашевелился,
Ко берегу повернул челнок,
Доплыл, остановился.

Вадим на брег; от берега челн;
Ветрило заиграло;
И вдруг вдали, с зыбями волн
Смешавшись, всё пропало.
В недоумении Вадим;
Кругом скалы, как тучи;
Безмолвен, дик, необозрим,
По камням бор дремучий

С реки до берега вышины
Восходит; всё в молчанье...
И тускло падает луны
На мглу вершин сиянье.

И тихо по скалам крутым,
Влекомый тайной силой,
Наверх взбирается Вадим.
Он смотрит — всё уныло;
Как трупы, сосны под травой
Обрушенные тлеют;
На сучьях мох висит седой;
Разинувшись, чернеют
Расселины дуплистых пней,
И в них глазами блещет
Сова, иль чешуями змей,
Ворочаясь, трепещет.

И, мнится, жизни в той стране
От века не бывало;
Как бы с созданья в мертвом сне
Древа, и не смущало
Их сна ничто: ни ветерка
Перед денницей шопот,
Ни легкий шорох мотылька,
Ни вепря тяжкий топот.
Уже Вадим на вышине;
Вдруг бор редее темный;
Раздвинулся... и при луне
Явился холм огромный.

И на вершине древний храм;
Блестящими крестами
Увенчаны главы, к дверям
Тяжелыми винтами

Огромный пригвожден затвор;
Вкруг храма переходы,
Столбы, обрушенный забор,
Растреснутые своды
Трапезы, келий ряд пустых,
И всюду по колени
Полынь, и длинные от них
По скату холма тени.

Вадим подходит: невдали
Могильный виден камень,
Крест наклонился до земли,
И легкий, бледный пламень,
Как свечка, теплится над ним;
И ворон, птица ночи,
На нем, как призрак, недвижим
Сидит, унылы очи
Вперив на месяц. Вдруг, крылом
Взмахнув, он пробудился,
Взвился... и на небе пустом,
Трижды крикнув, скрылся.

Объял Вадима тайный страх;
Глядит в недоуменье —
И дивное тогда в глазах
Вадимовых явленье:
Он видит, некто приподнял
Иссохшими руками
Могильный камень, бледен встал,
Туманными очами
Блеснул, возвел их к небесам,
Как будто бы моляся,
Пошел, стучаться начал в храм...
Но дверь не отперлася.

Вздохнув, повлекся дале он,
И тихий под стопами
Был слышен шум, и долго, стон
Пуская, меж стенами,
Между обломками столбов,
Как бледный дым, мелькала
Бредуща тень... вдруг меж кустов
Вдали она пропала.
Там, бором покровен, утѣс
Вздыхался, крут и страшен,
И при луне из-за древес
Являлись кровы башен.

Вадим туда: уединен
На груди скал мохнатых,
Над черным бором, обнесен
Оградой стен зубчатых,
Стоит там замокъ, тих, как сна
Безмолвное жилище,
И вся окрест его страна
Угрюма, как кладбище;
И башни по углам стоят,
Как призраки, седые.
И сгромоздились у врат
Скалы сторожевые.

Душа Вадимова полна
Смятенным ожиданьем —
И светит сумрачным луна
Сквозь облако сияньем.
Но вдруг... слетел с луны туман,
И бор засеребрился,
И замокъ весь, как великан,
Над бором осветился;

И от востока ветерок
    Подул передразсветный,
И чу!... из-за стены звонок
    Послышался приветный.

И что ж он видит? По стене,
    Как тень уединённа,
С восточной к западной стране,
    Туманным облечённа
Покровом, девица идет;
    Навстречу к ней другая;
И та, приближась, подает
    Ей руку и, вздыхая,
Путь одинокий вдоль стены
    На запад продолжает;
Другая ж, к замку с вышины
    Спустившись, исчезает.

И за идущею вослед
    Вадим летит очами;
Уж ясен молодой рассвет
    Встает меж облаками;
Уж загорается восток...
    Она все дале, дале;
И тихо ранний ветерок
    Играет в покрывале.
Идет — глаза опущены,
    Глава на грудь склонилась —
Пришла на поворот стены;
    Поворотилась; скрылась.

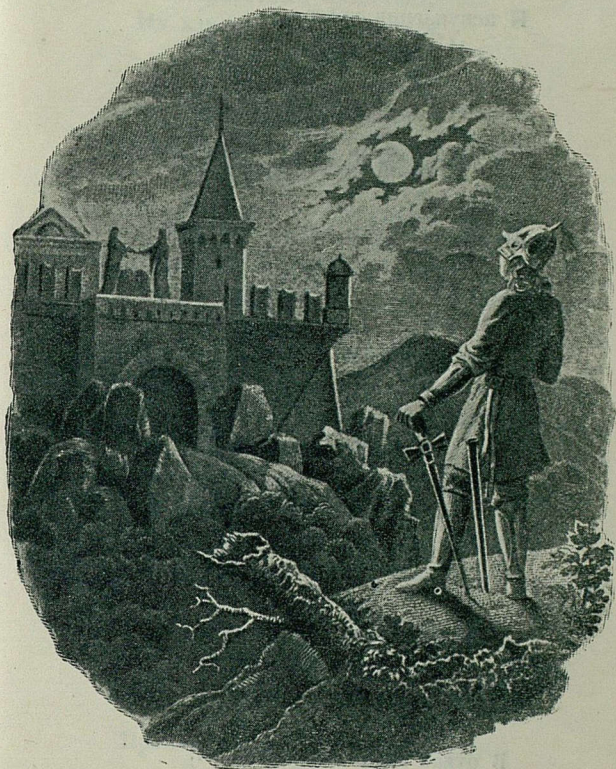
Стоит, как вкопанный, Вадим;
    Душа в нем замирает:
Как будто лик свой перед ним
    Судьба разоблачает.

Бледнее тусклая луна;
Светлей восток багровый;
И озаряется стена,
И ярко блещут кровы;
К восточной обратясь стране,
Ждет витязь... вдруг вспыхнула
В нем кровь... глядит... там на стене
Идущая предстала.

Идет; на темный смотрит бор;
Как будто ждет в волнение;
Как бы чего-то ищет взор
В пустынном отдаленье...
Вдруг солнце в пламени лучей
На крае неба стало...
И витязь в блеске перед ней!
Как облак, покрывало
Слетело с юного чела —
Их встретились взоры;
И пала от ворот скала,
И раздалися их створы.

Стремится на ограду он;
Идет она с ограды;
Сошлись... о вещий, верный сон!
О час святой награды!
Свершилось! всё — и ранних лет
Прекрасные желанья,
И озаряющие свет
Младой души мечтанья,
И всё, чего мы здесь не зрим,
Что вере лишь открыто, —
Всё вдруг явилось перед ним,
В единый образ слито!

Глядят на небо, слезы льют,
Восторгом слов лишены...
И вдруг из терема плут
К ним девы пробужденны:
Как звезды, блещут очеса;
На ясных лицах радость.
И искупления краса,
И новой жизни младость.
О сладкий воскресенья час!
Им мнилось: мир рождался!
Вдруг... звучно благовеста глас
В тиши небес раздался.

И что ж? храм божий отворен;
Там слышится моление;
Они туда: храм освещен;
В кадильницах куренье;
Перед угодником горит,
Как в древни дни, лампада,
И благодатное бежит
Сияние от взгляда;
И некто, светел, в алтаре
Простерт перед потиром,
И возглашается горé
Хвала незримым клиром.

Молясь, с подругой стал Вадим
Пред царскими дверями,
И вдруг... святой налой пред ним;
Главы их под венцами;
В руках их свечи зажжены:
И кольца обручальны
На персты их возложены;
И слышен гимн венчальный...

И вдруг... всё тихо! гимн молчит;
Безмолвны своды храма;
Один лишь, таинствен, блестит
Алтарь средь фимиама.

И в сем молчаньи кто-то к ним
Приветный подлетает,
Их кличет именем родным,
Их нежно отзывает...
Куда же?... о священный вид!
Могила перед ними;
И в ней спокойно; дерн покрыт
Цветами молодыми;
И дышит ветерок окрест,
Как дух бесплотный, вея;
И обвивает светлый крест
Прекрасная лилея.

Они упали ниц в слезах;
Их сердце вести ждало
И трепетом священный прах
Могила вопрошало...
И было всё для них ответ:
И холм помолоделый,
И луга обновленный цвет,
И бег реки весёлый,
И воскрешенны древеса
С вершинами живыми,
И, как бессмертье, небеса
Спокойные над ними...

Промчались веки вслед векам...
Где замо́к? где обитель?
Где чудом освященный храм?...
Всё скрылось... лишь, хранитель

Давно-минувшего, живет
На прахе их преданье.
Есть место... там игривых вод
Пленительно сверканье;
Там вечно зелен пышный лес;
Там сладок ветра шопот,
И с тихим говором древес
Волны слиянный ропот.

На месте оном — так гласит
Правдивое преданье —
Был пепел инокинь сокрыт:
В посте и покаянье
При гробе грешника-отца
Они кончины ждали,
И примиренного творца
В молитвах прославляли...
И улетела к небесам
С земли их жизнь святая,
Как улетает фимиа
С кадил, благоухая.

На месте оном — в светлый час
Земли преображенья —
Когда, послышав утра глас,
С звездою пробужденья,
Востока ангел в тишине
На край небес взлетает,
И по туманной вышине
Зарю распростирает,
Когда и холм, и луг, и лес,
Всё оживленным зрится
И пред святилищем небес,
Как жертва, всё дымится, —

Бывают тайны чудеса,
Невиданные взором:
Отшельниц слышны голоса;
Горé хвалебным хором
Поют; сквозь занавес зари
Блится крест; слышны
Из света зрятся алтари;
И, яркими венчанны
Звездами, девы предстоят
С молитвой их святыне,
И серафимов тьмы кипят
В пылающей пучине.

Р Ы Б А К

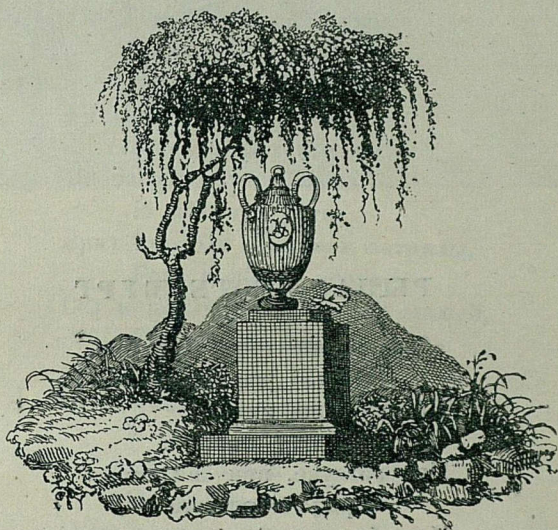
Бежит волна, шумит волна!
Задумчив, над рекой
Сидит рыбак; душа полна
Прохладной тишиной.
Сидит он час, сидит другой;
Вдруг шум в волнах притих...
И влажною всплыла главой
Красавица из них.

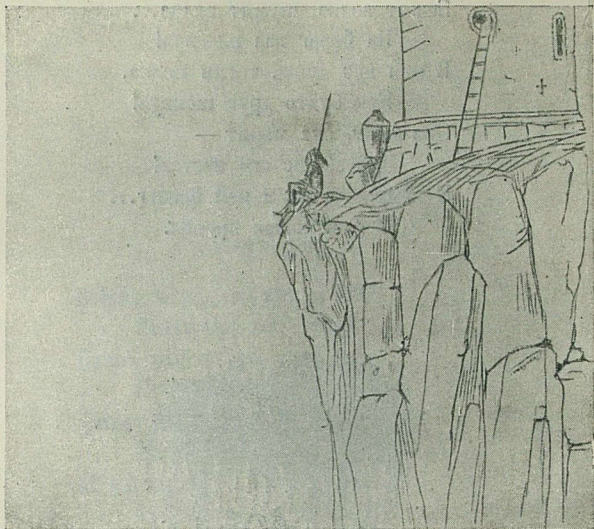
Глядит она, поет она:
«Зачем ты мой народ
Манишь, влечешь с родного дна
В кипучий жар из вод?
Ах! если б знал, как рыбкой жить
Привольно в глубине,
Не стал бы ты себя томить
На знойной вышине.

Не часто ль солнце образ свой
Купает в лоне вод?
Не свежей ли горит красой
Его из них исход?
Не с ними ли свод неба слит
Прохладно-голубой?
Не в лоно ль их тебя манит
И лик твой молодой?»

Бежит волна, шумит волна...
На берег вал плеснул!
В нем вся душа, тоски полна,
Как будто друг шепнул!
Она поет, она манит —
Знать, час его настал!
К нему она, он к ней бежит...
И след навек пропал.

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГ

«Сладко мне твоей сestroю,
Милый рыцарь, быть;
Но любовьню иною
Не могу любить:
При разлуке, при свиданье
Сердце в тишине —
И любви твоей страданье
Непонятно мне».

Он глядит с немой печалью —
Участь решена;
Руку сжал ей; крепкой сталью
Грудь обложена;

Звонкий рог созвал дружину;
Все уж на конях;
И помчались в Палестину,
Крест на раменах.

Уж в толпе врагов сверкают
Грозно шлемы их;
Уж отвагой изумляют
Чуждых и своих.
Тогенбург лишь выйдет к бою:
Сарадин бежит...
Но душа в нем всё тоскою
Прежнюю болит.

Год прошел без утolenья...
Нет уж сил страдать;
Не найти ему забвенья —
И покинул рать.
Зрит корабль — шумят ветрилы,
Бьет в корму волна —
Сел и поплыл в край тот милый,
Где цветет она.

Но стучится к ней напрасно
В двери пилигрим;
Ах, они с молвой ужасной
Отперлись пред ним:
«Узы вечного обета
Приняла она;
И, погибшая для света,
Богу отдана».

Пышны праотцев палаты
Бросить он спешит;

Навсегда покинул латы;
Конь навек забыт;
Власяной покрыт одеждой
Инок в цвете лет,
Не украшенный надеждой
Он оставил свет

И в убогой келье скрылся
Близ долины той,
Где меж темных лип светился
Монастырь святой:
Там — сияло ль утро ясно,
Вечер ли темнел —
В ожиданьи, с мукой страстной,
Он один сидел.

И душе его унылой
Счастье там одно:
Дождаться, чтоб у милой
Стукнуло окно,
Чтоб прекрасная явилась,
Чтоб от вышины
В тихий дол лицом склонилась,
Ангел тишины.

И, дождавшись, на ложе
Простирался он;
И надежда: *завтра то же!*
Услаждала сон.
Время годы уводило...
Для него ж одно:
Ждать, как ждал он, чтоб у милой
Стукнуло окно;

Чтоб прекрасная явилась;
Чтоб от вышины
В тихий дол лицом склонилась,
Ангел тишины.
Раз — туманно утро было —
Мертв он там сидел,
Бледен ликом, и уныло
На окно глядел.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь изрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

— Дитя, что ко мне ты так робко прильнул? —
«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в темной короне, с густой бородой».
— О нет, то белеет туман над водой. —

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит».
— О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листья. —

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать.
Играя, летая, тебя усыплять».

GOETHE.

«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей».
— О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне. —

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать».

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

ГРАФ ГАПСБУРГСКИЙ

Торжественным Ахен весельем шумел;
В старинных чертогах, на пире
Рудольф, император избранный, сидел
В сияньи венца и в порфире.
Там кушанья рейнский фальцграф разносил;
Богемец напитки в покалы цедил;
И семь избирателей, чином
Устроенный древле свершая обряд,
Блистаи, как звезды пред солнцем блещут,
Пред новым своим властелином.

Кругом возвышался богатый балкон,
Ликующим полный народом;
И клики, со всех прилетая сторон,
Под древним сливались сводом.
Был кончен раздор; перестала война;
Бесцарственны, грозны прошли времена,
Судья над землею был снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
Могущим во власть без покрова.

И кесарь, наполнив подал золотой,
С приветливым взором вещает:

«Прекрасен мой пир; все пируют со мной;
Всё царский мой дух восхищает...
Но где ж утешитель, пленитель сердец?
Придет ли мне душу растрогать певец
Игрой и благим поученьем?
Я песней был другом, как рыцарь простой;
Став кесарем, брошу ль обычай святой
Пирь улаждать песнопеньем?»

И вдруг из среды величавых гостей
Выходит, одетый таларом,
Певец в красоте поседелых кудрей,
Младым преисполненный жаром.
«В струнах золотых вдохновенье живет,
Певец о любви благодатной поет,
О всем, что святого есть в мире,
Что душу волнует, что сердце манит...
О чем же властитель воспеть повелит
Певцу на торжественном пире?»

— Не мне управлять песнопевца душой
(Певцу отвечает властитель);
Он высшую силу признал над собой;
Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумит;
Кто знает, откуда, куда он летит?
Из бездны поток выбегает:
Так песнь зарождает души глубина,
И темное чувство, из дивного сна
При звуках воспрянув, пылает. —

И смело ударил певец по струнам
И голос приятный раздался:

«На статном коне по горам, по полям
За серною рыцарь гонялся;
Он с ловчим одним выезжает сам-друг
Из чащи лесной на сияющий луг,
И едет он шагом кустами;
Вдруг слышат они: колокольчик гремит;
Идет из кустов понамарь и звонит;
И следом священник с дарами.

И набожный граф, умиленный душой,
Колена свои преклоняет,
С сердечною верой, с горячей мольбой
Пред тем, кто живет и спасает.
Но лугом стремился кипучий ручей;
Свирепо надувшись от сильных дождей,
Он путь заграждал пешеходу;
И спутнику пастырь дары отдает;
И обувь снимает и смело идет
С священной ношею в воду.

«Куда?» изумившийся граф спросил.
— В село; умирающий нищий
Ждет в муках, чтоб пастырь его разрешил,
И алчет небесныя пищи.
Недавно лежал через этот поток
Сплетенный из сучьев для пеших мосток —
Его разбросало водою;
Чтоб душу святой благодатью спасти,
Я здесь неглубокий поток перейти
Спешу обнаженной стопою. —

И пастырю витязь коня уступил,
И подал ноге его стремя,

Чтоб он облегчить покаяньем спешил
Страдальцу греховное бремя.
И к ловчему сам на седло пересел,
И весело в чашу на лов полетел;
Священник же, требу святую
Свершивши, при первом мерцании дня
Является к графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

«Дерзну ли помыслить я, — граф возгласил,
Почтительно взоры склонивши, —
Чтоб конь мой ничтожной забаве служил,
Спасителю богу служивши?
Когда ты, отец, не приемлешь коня,
Пусть будет он даром благим от меня
Отныне тому, чье даянье
Все блага земные, и сила, и честь,
Кому не помедлю на жертву принести
И силу и честь и дыханье».

— Да будет же вышний господь над тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почитит он в сей жизни и в той,
Как днесь он почтен был тобою;
Гельвеция славой сияет твоей;
И шесть расцветают тебе дочерей
Богатых дарами природы:
Да будут же (молвил пророчески он)
Уделом их шесть знаменитых корон;
Да славятся в роды и роды».

Задумавшись, голову кесарь склонил:
Минувшее в нем оживилось.

Вдруг быстрый он взор на певца устремил —

И таинство слов объяснилось:

Он пастыря видит в певце пред собой;

И слезы свои от толпы золотой

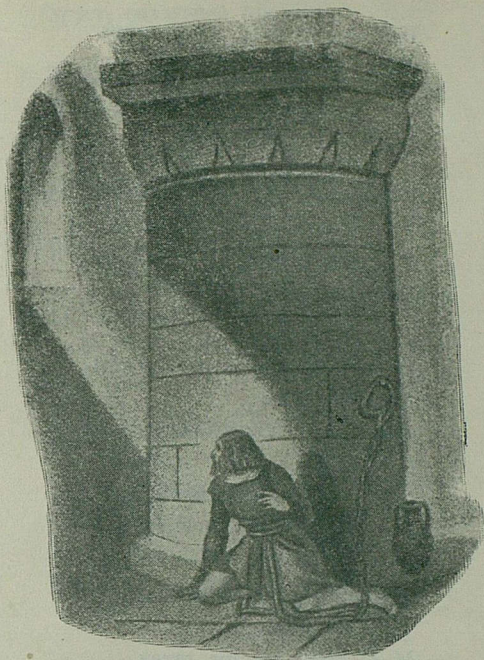
Порфирой закрыл в изумленье...

Всё смолкло, на кесаря очи подняв;

И всяк догадался, кто набожный граф,

И сердцем почтил провиденье.

УЗНИК

«За днями дни идут, идут...

Напрасно;

Они свободы не ведут

Прекрасной;

Об ней тоскую и молюсь,

Ее зову, не дозовусь.

Смотрю в высокое окно

Темницы:

Все небо светом зажжено

Денницы;

На свежих крыльях ветерка
Летают вольны облака

И так все блага заменить
Могилей;
И бросить свет, когда в нем жить
Так мило;
Ах! дайте в свете подышать;
Еще мне рано умирать.

Лишь миг весенним бытием
Жила я;
Лишь миг на празднике земном
Была я;
Душа готовилась любить...
И всё покинуть, всё забыть!»

Так голос заунывный пел
В темнице...
И сердцем юноша летел
К певиде.
Но он в неволе, как она;
Меж ними холодная стена.

И тщетно с ней он разлучен
Стеною:
Невидимую знает он
Душою;
И мысль об ней и день и ночь
От сердца не отходит прочь.

Всё видит он: во тьме она
Тюрёмной

Сидит, раздумью предана,
Взор томной;
Младенчески прекрасен вид;
И слезы падают с ланит

И ночью, забывая сон,
В мечтанье,
Ее подслушивает он
Дыханье;
И на устах его горит
Огонь ее молодых ланит.

Таясь, страдания одне
Делить с ней,
В одной темничной глубине
Молить с ней
Согласной думой и тоской
От неба участи одной —

Вот жизнь его: другой не ждет
Он доли;
Он, равнодушный, не зовет
И воли:
С ней розно в свете жизни нет;
Прекрасен только ею свет.

«Не ты ль — он мнит — давно была
Любима?
И не тебя ль душа звала,
Томима
Желанья смутного тоской,
Волненьем жизни молодой?»

Тебя в пророчественном сне
Видал я;
Тобою в пламенной весне
Дышал я;
Ты мне цвела в живых цветах;
Твой образ веял в облаках.

Когда же сердце ясный взор
Твой встретит?
Когда, разрушив сей затвор,
Осветит
Свобода жизнь вдвоем для нас?
Лети, лети, желанный час».

Напрасно; час не прилетел
Желанный;
Другой создателем удел
Избранный
Достался узнице молодой —
Небесно-тайный, не земной.

Раз слышит он: затворов гром,
Рыданье,
Звук цепи, голоса... потом
Молчанье...
И ужас грудь его томит —
И тщетно ждет он... всё молчит.

Увы! удел его решен...
Угрюмый,
Навек грядущего лишен,
Все думы
За ней он в гроб переселил,
И молит Рок, чтоб поспешил.

Однажды — только занялась

Денница —

Его со стуком расперлась

Темница.

«О радость (мнит он) скоро к ней!»

И что ж?... Свобода у дверей.

Но хладно принял он привет

Свободы:

Прекрасного уж в мире нет;

Дни, годы

Напрасно будут проходить...

Погибшего не возвратить.

Ах! слово милое об ней

Кто скажет?

Кто след ее забытых дней

Укажет?

Кто знает, где она цвела?

Где тот, кого *своим* звала?

И нет ему в семье родной

Услады;

Задумчив, грустною немой

Он взгляды

Сердечные встречает их;

Он в людстве сумрачен и тих.

Настанет день — ни с места он;

Безгласный,

Душой в мечтанье погружен,

Взор страстный

Исполнен смутного огня,

Стоит он, голову склоня.

Но тихо в сумраке ночей
Он бродит,
И с неба темного очей
Не сводит:
Звезда знакомая там есть;
Она к нему приносит весть...

О милом весть и в мир иной
Призвание...
И делит с тайной он звездой
Страданье;
Ее краса оживлена:
Ему в ней светится она.

Он таял, гаснул и угас...
И мнилось,
Что вдруг пред ним в последний час
Явилось
Всё то, чего душа ждала,
И жизнь в улыбке отошла.

ИВАНОВ ВЕЧЕР

До рассвета поднявшись, коня оседлал
Знаменитый Смальгольмский барон;
И без отдыха гнал, меж утесов и скал
Он коня, торопясь в Бротерстон.

Не с могучим Боклю совокунно спешил
На военное дело барон;
Не в кровавом бою переведаться мнил
За Шотландию с Англией он;

Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплён двадцати фунтовой.

Через три дни домой возвратился барон,
Отуманен и бледен лицом;
Через силу и конь, опенен, запылен.
Под тяжелым стулал седоком

Анкрамморския битвы барон не видал,
Где потоками кровь их лилась,
Где на Эверса грозно Боклю напирал,
Где за родину бился Дуглас;

Но железный шлем был посечен на нем,
Был изрублен и панцырь и щит,
Был недавнею кровью топор за седлом,
Но не английской кровью покрыт.

Соскочив у часовни с коня за стеной,
Притаясь в кустах, он стоял;
И три раза он свистнул — и паж молодой
На условленный свист прибежал.

— Подойди, мой малютка, мой паж молодой,
И присядь на колена мои;
Ты младенец, но ты откровенен душой,
И слова непритворны твои.

Я в отлучке был три дни, мой паж молодой;
Мне теперь ты всю правду скажи:
Что заметил? Что было с твоей госпожой?
И кто был у твоей госпожи? —

«Госпожа по ночам к отдаленным скалам,
Где маяк, приходила тайком
(Ведь огни по горам зажжены, чтоб врагам
Не прокрасться во мраке ночном).

И на первую ночь непогода была,
И без умолку филин кричал;
И она в непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скал.

Тихомолком подкрался я к ней в темноте;
И сидела одна — я узрел;
Не стоял часовой на пустой высоте;
Одиноко маяк пламенел.

ВАЛТЕР СКОТТ

На другую же ночь — я за ней по следам
На вершину опять побежал —
О творец, у огня одинокого там
Мне неведомый рыцарь стоял.

Подпершись мечом, он стоял пред огнем
И беседовал долго он с ней;
Но под шумным дождем, но при ветре ночном
Я расслушать не мог их речей.

И последняя ночь безнеастиа была,
И порывистый ветер молчал;
И к майку она на свиданье пошла;
У майка уж рыцарь стоял.

И сказала (я слышал): «в полуночный час,
Перед светлым Ивановым днем,
Приходи ты; мой муж не опасен для нас;
Он теперь на свиданьи ином;

Он с могучим Боклю ополчился теперь;
Он в сраженьи забыл про меня —
И тайком отопру я для милого дверь
Накануне Иванова дня».

— Я не властен прийти, я не должен прийти,
Я не смею прийти (был ответ):
Пред Ивановым днем одиноким путем
Я пойду... мне товарища нет. —

«О сомнение прочь! безмятежная ночь
Пред великим Ивановым днем
И тиха, и темна, и свиданьям она
Благосклонна в молчанье своем.

Я собак привяжу, часовых уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И в приюте моем, пред Ивановым днем,
Безопасен ты будешь со мной»

— Пусть собака молчит, часовой не трубит,
И трава не слышна под ногой:
Но священник есть там; он не спит по ночам;
Он приход мой узнает ночной. —

«Он уйдет к той поре; в монастырь на горе
Панихиду он позван служить;
Кто-то был умерщвлён; по душе его он
Будет три дни поминки творить».

Он нахмуясь глядел, он, как мертвый, бледнел,
Он ужасен стоял при огне.
— Пусть о том, кто убит, он поминки творит:
То, быть может, поминки по мне.

Но полуночный час благосклонен для нас:
Я приду под защитой мглы. —
Он сказал... и она... я смотрю... уж одна
У майка пустынной скалы».

И Смальгольмский барон, поражен, раздражен,
И кипел и горел и сверкал.
— Но скажи, наконец, кто ночной сей пришлец?
Он, клянусь небесами, пропал! —

«Показалось мне, при блестящем огне
Был шелом с соколиным пером,
И палаш боевой на цепи золотой,
Три звезды на щите голубом».

— Нет, мой паж молодой, ты обманут мечтой;
Сей полуночный, мрачный пришлец
Был не властен придти: он убит на пути;
Он в могилу зарыт, он мертвец. —

«Нет! не чудилось мне; я стоял при огне,
И увидел, услышал я сам,
Как его обняла, как его назвала:
То был рыцарь Ричард Кольдингам».

И Смальгольмский барон, изумлен, поражен,
И хладел и бледнел и дрожал.
— Нет! в могиле покой; он лежит под землей,
Ты неправду мне, паж мой, сказал.

Где бежит и шумит меж утесами Твид,
Где подымается мрачный Эльдон,
Уж три ночи, как там твой Ричард Кольдингам
Цотаенным врагом умерщвлен.

Нет! сверканье огня ослепило твой взгляд;
Оглушен был ты бурей ночной;
Уж три ночи, три дня, как поминки творят
Чернеды за его упокой. —

Он идет в ворота, он уже на крыльце,
Он взошел по крутым ступеням
На площадку, и видит: с печалью в лице
Одиноко-унылая там

Молодая жена — и тиха и бледна,
И в мечтании грустном глядит
На поля, небеса, на Мертонски леса,
На прозрачно бегущую Твид.

— Я с тобою опять, молодая жена. —
«В добрый час, благородный барон.
Что расскажешь ты мне? Решена ли война?
Поразил ли Боклю, иль сражен?»

— Англичанин разбит; англичанин бежит
С Анкрамморских кровавых полей;
И Боклю наблюдать мне маяк мой велит
И беречься недобрых гостей. —

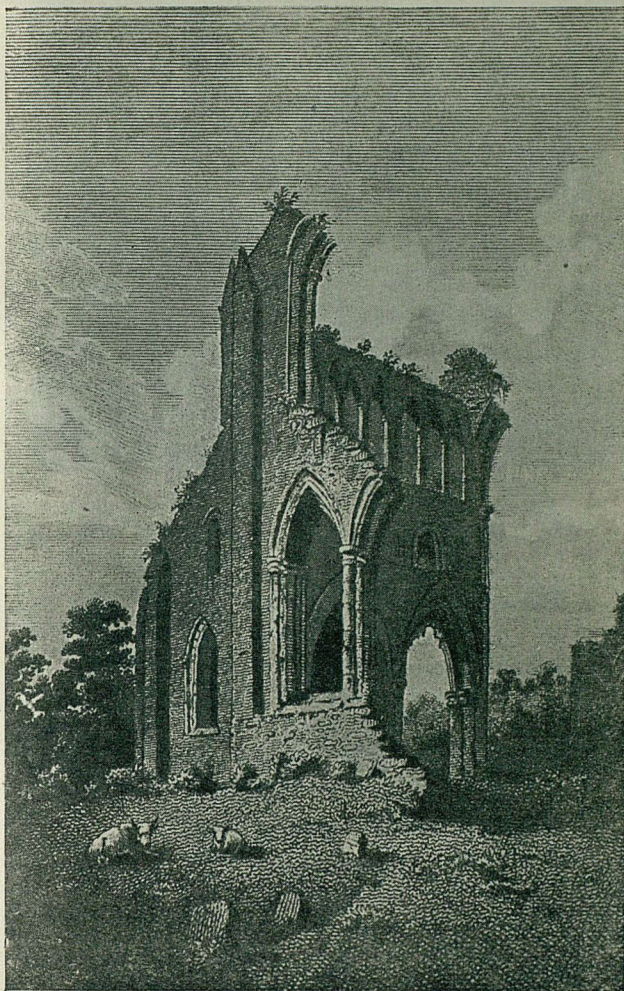
При ответе таком изменилась лицом
И ни слова... ни слова и он;
И пошла в свой покой с наклоненной главой,
И за нею суровый барон.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Он вздыхал, он с собой говорил:
«Не пробудится он; не подымется он;
Мертвецы не встают из могил».

Уж заря занялась: был таинственный час
Меж рассветом и утренней тьмой;
И глубоким он сном пред Ивановым днем
Вдруг заснул близ жены молодой.

Не спалось лишь ей, не смыкала очей...
И бродящим, открытым очам,
При лампадном огне, в шинাকে и броне
Вдруг явился Ричард Кольдингам.

— Воротись, удался, — она говорит.
«Я к свиданью тобой приглашен;
Мне известно, кто здесь, неожиданный, спит:
Не страшись, не услышит нас он.

Я во мраке ночном потаенным врагом
На дороге изменой убит;
Уж три ночи, три дня, как монахи меня
Поминают — и труп мой зарыт.

Он с тобой, он с тобой, сей убийца ночной!
И ужасный теперь ему сон!
И надолго во мгле на пустынной скале,
Где маяк, я бродить осужден;

Где видалися мы под защитою тьмы,
Там скитаюсь теперь мертвецом:
И сюда с высоты не сошел бы... но ты
Заклинала Ивановым днем».

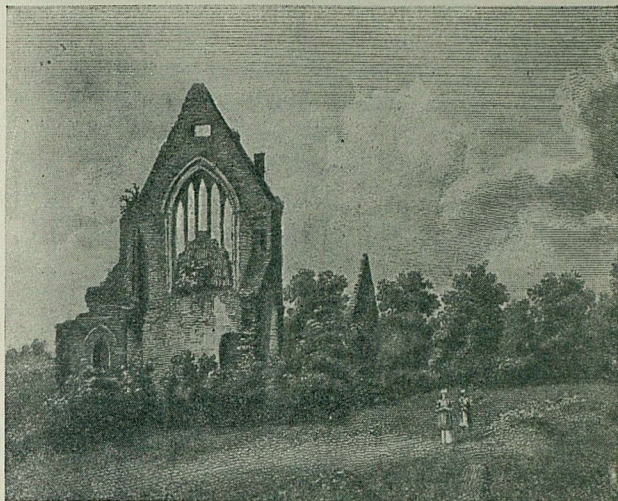
Содрогнулась она, и, смятенья полна,
Вопросила: «но что же с тобой?
Дай один мне ответ — ты спасен ли иль нет?..»
Он печально потряс головой.

«Выкупается кровью пролитая кровь —
То убийце скажи моему.
Беззаконную небо карает любовь —
Ты сама будь свидетель тому».

Он тяжелою шуйцей коснулся стола;
Ей десницею руку пожал —
И десница как острое пламя была,
И по членам огонь пробежал.

И печать роковая в столе возжжена:
Отразились пальцы на нем;
На руке ж — по таинственно руку она
Закрывала с тех пор полотном.

Есть монахиня в древних Драйбургских стенах:
И грустна и на свет не глядит;
Есть в Мельрозской обители мрачный монах:
И дичится людей и молчит.

Сей монах молчаливый и мрачный — кто он?
Та монахиня — кто же она?
То убийца, суровый Смальгольмский барон;
То его молодая жена.

ТОРЖЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Пал Приамов град священный;
Грудой пепла стал Пергам;
И, победой насыщѣнны,
К острогрудым кораблям
Собрались Элены — тризну
В честь минувшего свершить,
И в желанную отчизну,
К берегам Элады плыть.

Пойте, пойте гимн согласной:
Корабли обращены
От враждебной стороны
К нашей Греции прекрасной.

Брегом шла толпа густая
Илионских дев и жѣн:
Из отеческого края
Их ввели в далекий плен.
И с победной песнью дикой
Их сливался тихий стон
По тебе, святой, великой,
Невозвратный Илион.

Вы, родные холмы, нивы,
Нам вас боле не видать;

Будем в рабстве увядать...
О, сколь мертвые счастливы!

И с предведением во взгляде
Жертву сам Калхас заклал:
Грады зиждущей Палладе
И губящей (он воззвал),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валов,
И носящему Горгону
Богу смертных и богов!

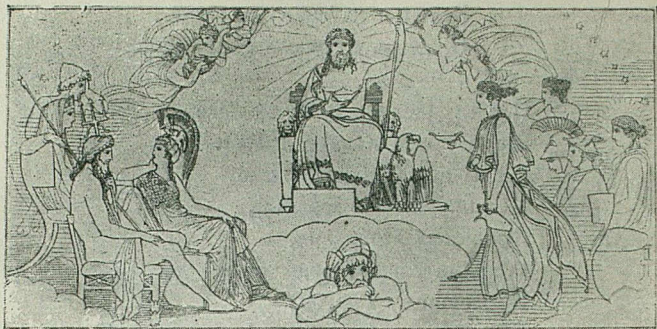
Суд окончен; спор решился;
Прекратилась борьба;
Все исполнила Судьба:
Град великий сокрушился

Царь народов, сын Атрея,
Обозрел полков число;
Вслед за ним на брег Сигея
Много, много их пришло...
И незапный мрак печали
Отуманил царский взгляд:
Благороднейшие пали...
Мало с ним пойдет назад.

Счастлив тот, кому сиянье
Бытия сохранено,
Тот, кому вкусить дано
С милой родиной свиданье!

И не всякий насладится
Миром, в свой пришедши дом:
Часто злобный ков таится

За домашним алтарем;
Часто Марсом пощаждённый
Погибает от друзей
(Рек, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).

Счастлив тот, чей дом украшен
Скромной верностью жены!
Жены алчут новизны:
Постоянный мир им страшен.

И стоящий близ Елены
Менелай тогда сказал:
Плод губительный измены —
Ею сам изменник пал;
И погиб виной Париды
Отягченный Илион...
Неизбежен суд Кронида,
Все блюдет с Олимпа он.

Злому злой конец бывает:
Гибнет жертвой Эвменид,

Кто безумно, как Парид,
Право гостя оскверняет.

Пусть веселый взор счастливых
(Оилеев сын сказал)
Зрит в богах богов правдивых;
Суд их часто слеп бывал:
Сколько бодрых жизнь поблѣкла!
Сколько низких рок щадит!..
Нет великого Патрокла;
Жив презрительный Терсит.

Смертный, царь Зевес Фортуне
Своенравной предал нас:
Уловляй же быстрый час,
Не тревожа сердца втуне.

Лучших бой похитил ярый!
Вечно памятен нам будь,
Ты, мой брат, ты, под удары
Подставлявший твердо грудь,
Ты, который нас, пожаром
Осажденных, защитил...
Но коварнейшему даром
Щит и меч Ахиллов был.

Мир тебе во тьме Эрева!
Жизнь твою не враг отнял:
Ты своею силой пал,
Жертва гибельного гнева

О Ахилл! о мой родитель!
(Возгласил Неоптолем)
Быстрый мира посетитель,

Жребий лучший взял ты в нём.
Жить в любви племен делами —
Благо первое земли;
Будем вечны именами
И сокрытые в пыли!

Слава дней твоих нетленна;
В песнях будет цвести она:
Жизнь живущих не верна,
Жизнь отживших неизменна!

Смерть велит умолкнуть злобе:
(Диомед провозгласил)
Слава Гектору во гробе!
Он краса Пергама был;
Он за край, где жили деды,
Веледушно пролил кровь;
Победившим — честь победы!
Охранявшему — любовь!

Кто, на суд явясь кровавый,
Славно пал за отчий дом:
Тот, почтенный и врагом,
Будет жить в преданьях славы.

Нестор, жизнью убежденный,
Нацедил вина фиал,
И Гекубе сокрушенной
Дружелюбно вышить дал.
Пей страданий утоление;
Добрый Вакхов дар вино:
И веселость и забвенье
Проливает в нас оно.

Пей, страдальца! печали
Услаждаются вином:
Боги жалостные в нем
Подкрепление сердцу дали.

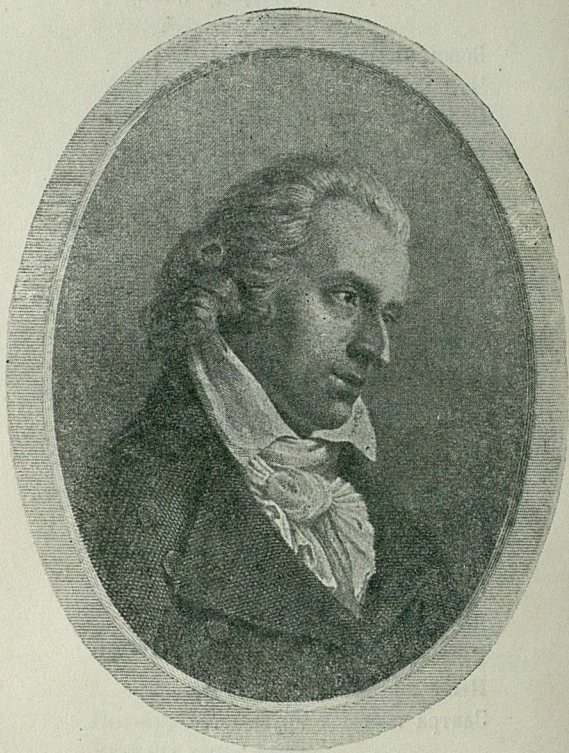
Вспомни мать Ниобею:
Что извела она!
Сколь ужасная над нею
Казнь была совершена!
Но и с нею, безотрадной,
Добрый Вакх недаром был:
Он струею виноградной
Вмиг тоску в ней усыпил.

Если грудь вином согрета,
И в устах вино кипит:
Скорби наши быстро мчит
Их смывающая Лета.

И вперила взор Кассандра,
Вняв шепнувшим ей богам,
На пустынный брег Скамандра,
На дымящийся Пергам.
Всё великое земное
Разлетается, как дым:
Ныне жребий выпал Трое,
Завтра выпадет другим...

Смертный, силе, нас гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящий в гробе мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущий.

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

КУБОК

«Кто, рыцарь ли знатный иль латник простой,

В ту бездну прыгнет с вышины?

Бросаю мой кубок туда золотой:

Кто сыщет во тьме глубины

Мой кубок и с ним возвратится безвредно,

Тому он и будет наградой победной».

Так дарь возгласил и с высокой скалы,

Висевшей над бездной морской,

В пучину бездонной, зияющей мглы

Он бросил свой кубок златой.

«Кто, смелый, на подвиг опасный решится?

Кто сыщет мой кубок и с ним возвратится?»

Но рыцарь и латник недвижно стоят;

Молчанье — на вызов ответ;

В молчаньи на грозное море глядят;

За кубком отважного нет.

И в третий раз дарь возгласил громогласно:

«Отыщется ль смелый на подвиг опасной?»

И все безответны... вдруг паж молодой

Смиренно и дерзко вперед;

Он снял епанчу, снял пояс он свой;

Их молча на землю кладет...

И дамы и рыцари мыслят, безгласны:
Ах! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?

И он подступает к наклону скалы,
И взор устремил в глубину...
Из чрева пучины бежали валы,
Шумя и гремя, в вышину;
И волны спирались, и пена кипела:
Как будто гроза, наступаая, ревела.

И воеет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом;
Пучина бунтует, пучина клокочет...
Не море ль из моря извергнуться хочет?

И вдруг, успокоясь, волнение легло;
И грозно из пены седой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощенного чрева;
И глубь застонала от грома и рёва.

И он, упредя разъяренный прилив,
Спасителя-бога призывал,
И дрогнули зрители, все возопив —
Уж юноша в бездне пропал.
И бездна таинственно зев свой закрыла:
Его не спасет никакая уж сила.

Над бездной утихло... в ней глухо шумит
И каждый, очей отвести
Не смея от бездны, печально твердит:

«Красавец отважный, прости!»
Всё тише и тише на дне ее воет...
И сердце у всех ожиданием ноет.

«Хоть брось ты туда свой венец золотой,
Сказав: *кто венец возвратит,*
Тот с ним и престол мой разделит со мной!
Меня твой престол не прельстит.
Того, что скрывает та бездна немая,
Ничья здесь душа не расскажет живая.

Не мало судов, закруженных волной,
Глотала ее глубина:
Все мелкой назад вылетали щепой
С ее неприступного дна...»
Но слышится снова в пучине глубокой
Как будто роптанье грозы недалекой.

И воет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом...
И брызнул поток с оглушительным рёвом,
Извергнутый бездны зияющим зевом.

Вдруг... что-то сквозь пену седой глубины
Мелькнуло живой белизной...
Мелькнула рука и плечо из волны...
И борется, спорит с волной...
И видят — весь берег потрясся от клича —
Он левою правит, а в правой добыча.

И долго дышал он, и тяжело дышал,
И божий приветствовал свет...

И каждый с весельем, «он жив!» повторял:

«Чудеснее подвига нет!

Из темного гроба, из пропасти влажной

Спас душу живую красавец отважной».

Он на берег вышел; он встречен толпой;

К царевым ногам он упал;

И кубок у ног положил золотой;

И дочери царь приказал:

Дать юноше кубок с струей винограда;

И в сладость была для него та награда.

«Да здравствует царь! Кто живет на земле,

Тот жизнью земной веселись!

Но страшно в подземной таинственной мгле...

И смертный пред богом смиришь:

И мыслью своей не желай дерзновенно

Знать тайны, им мудро от нас сокровленной.

Стрелою стремглав полетел я туда...

И вдруг мне навстречу поток;

Из трещины камня лилася вода;

И вихорь ужасный повлек

Меня в глубину с непонятною силой...

И страшно меня там кружило и било.

Но богу молитву тогда я принес,

И он мне спасителем был;

Торчащий из мглы я увидел утес

И крепко его обхватил;

Висел там и кубок на ветви коралла:

В бездонное влага его не умчала.

И смутно всё было внизу подо мной

В пурпуровом сумраке там;

Все спало для слуха в той бездне глухой;
Но виделось страшно очам,
Как двигались в ней безобразные груды,
Морской глубины несказанные чуды.

Я видел, как в черной пучине кипят,
В громадный свиваяся клуб:
И млат водяной, и уродливый скат,
И ужас морей однозуб;
И смертью грозил мне, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гиена морская.

И был я один с неизбежной судьбой,
От взора людей далеко;
Один меж чудовищ, с любящей душой,
Во чреве земли, глубоко
Под звуком живым человеческого слова,
Меж страшных жильцов подземелья немова.

И я содрогался... вдруг слышу: ползёт
Стоногое грозно из мглы,
И хочет схватить, и разинулся рот..
Я в ужасе прочь от скалы!...
То было спасеньем: я схвачен приливом
И выброшен вверх водомета порывом».

Чудесен рассказ показался царю:
«Мой кубок возьми золотой;
Но с ним я и перстень тебе подарю,
В котором алмаз дорогой,
Когда ты на подвиг отважишься снова
И тайны все дна перескажешь морскова».

То слыша, царица с волненьем в груди,
Краснея, царю говорит:

— Довольно, родитель, его пощади!

Подобное кто совершит?

И если уж должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младаго. —

Но царь, не внимая, свой кубок златой

В пучину швырнул с высоты:

«И будешь здесь рыцарь любимейший мой,

Когда с ним воротишься ты;

И дочь моя, ныне твоя предо мною

Заступница, будет твоею женою».

В нем жизнью небесной душа зажжена;

Отважность сверкнула в очах;

Он видит: краснеет, бледнеет она;

Он видит: в ней жалость и страх...

Тогда, неописанной радостью полный,

На жизнь и погибель он кинулся в волны...

Утихнула бездна... и снова шумит...

И пеною снова полна...

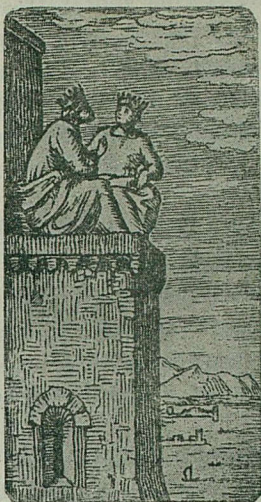
И с трепетом в бездну царица глядит...

И бьет за волною волна...

Приходит, уходит волна быстротечно...

А юноши нет и не будет уж вечно.

ПОЛИКРАТОВ ПЕРСТЕНЬ

На кровле он стоял высоко,
И на Самос богатый око
С весельем гордым преклонял:
«Сколь щедро взыскан я богами!
Сколь счастлив я между царями!»
Царю Египта он сказал.

— Тебе благоприятны боги;
Они к твоим врагам лишь строги
И всех их предали тебе;
Но жив один, опасный мститель;
Пока он дышит... победитель,
Не доверяй своей судьбе. —

Еще не кончил он ответа,
Как из союзного Милета
Явился присланный гонец:
«Победой ты украшен новой;
Да обовьет опять лавровой
Главу властителя венец;

Твой враг постигнут строгой местию;
Меня послал к вам с этой вестью
Наш полководец Полидор». —
Рука гонца сосуд держала:
В сосуде голова лежала;
Врага узнал в ней царский взор.

И гость воскликнул с содроганьем:
— Страшись! Судьба очарованьем
Тебя к гибели влечёт.
Неверные морские волны
Обломков корабельных полны:
Еще не в пристани твой флот. —

Еще слова его звучали...
А клики брег уж оглашали,
Народ на пристани кипел;
И в пристань, царь морей крылатый,
Дарами дальних стран богатый,
Флот торжествующий влетел.

И гость, увидя то, бледнеет.
— Тебе Фортуна благодет...
Но ты не верь, здесь хитрый ков,
Здесь тайная погибель скрыта:
Разбойники морские Крита
От здешних близко берегов. —

И только выронил он слово,
Гонец вбегает с вестью новой:
«Победа, царь! Судьбе хвала!
Мы торжествуем над врагами:
Флот критский истреблен богами;
Его их буря пожрала».

Испуган гость неожиданной вестью...
— Ты счастлив, но Судьбины лестью
Такое счастье мнится мне:
Здесь вечны блага не бывали,
И никогда нам без печали
Не доставались оне.

И мне всё в жизни улыбалось;
Неизменяемо, казалось,
Я силой вышней был храним;
Все блага прочил я для сына...
Его, его взяла Судьбина;
Я долг мой сыном заплатил.

Чтоб верной избежать напасти,
Моли невидимые власти
Подлить печали в твой фиал.
Судьба и в милостях мздоимец:
Какой, какой ее любимец
Свой век не бедственно кончал?

Когда ж в несчастьи Рок откажет,
Исполни то, что друг твой скажет:
Ты призови несчастье сам.
Твои сокровища несметны:
Из них скорей, как дар заветный,
Отдай любимое богам. —

Он гостю внемлет с содроганьем:
«Моим избранным достояньем
Доныне этот перстень был;
Но я готов властям незримым
Добром пожертвовать любимым...»
И перстень в море он пустил.

На утро, только луч денницы
Озолотил верхи столицы,
К царю является рыбарь:
«Я рыбу, пойманную мною,
Чудовище величиною,
Тебе принес в подарок, царь!»

Царь изъявил благоволение...
Вдруг царский повар в иступленье
С неожиданной вестию бежит:
«Найдён твой перстень драгоценный,
Огромной рыбой поглощённый,
Он в ней ножом моим открыт».

Тут гость, как пораженный громом,
Сказал: «беда над этим домом!
Нельзя мне другом быть твоим;
На смерть ты обречен Судьбою:
Бегу, чтоб здесь не пасть с тобою...»
Сказал и разлучился с ним.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ

Снова гений жизни веет;
Возвратилася весна;
Холм на солнце зеленеет;
Лед разрушила волна;
Распустившийся дымится
Благовониями лес,
И безоблачен глядится
В воды зёркальны Зевес;
Всё цветет — лишь мой единый
Не взойдет прекрасный цвет:
Прозерпины, Прозерпины
На земле моей уж нет.

Я везде ее искала,
В дневном свете и в ночи;
Все за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ее под сводом неба
Не нашел всезрящий бог;
А подземной тьмы Эреба
Луч его пронзить не мог:
Те берега недостижимы,
И богам их страшен вид...
Там она! неумолимый
Ею властвует Аид.

Кто ж мое во мрак Плутона
Слово к ней перенесет?
Вечно ходит чёлн Харона,
Но лишь тени он берет.
Жизнь подземного страшится;
Недоступен ад и тих;
И с тех пор, как он стремится,
Стикс не видывал живых;
Тьма дорог туда низводит;
Ни одной оттуда нет;
И отшедший не приходит
Никогда опять на свет.

Сколь завидна мне, печальной,
Участь смертных матерей!
Легкий пламень погребальной
Возвращает им детей;
А для нас, богов нетленных,
Что усладю утрат?
Нас, безрадостно-блаженных,
Парки строгие щадят...
Парки, Парки, поспешите
С неба в ад меня послать;
Прав богини не щадите:
Вы обрадуете мать.

В тот предел — где, утешенью
И веселию чужда,
Дочь живет — свободной тенью
Полетела б я тогда;
Близ супруга, на престоле
Мне предстала бы она,
Грустной думою о воле
И о матери полна;

И ко мне бы взор склонился,
И меня узнал бы он,
И над нами б прослезился
Сам безжалостный Плутон.

Тщетный призрак! стон напрасный!
Всё одним путем небес
Ходит Гелиос прекрасный;
Всё навек решил Зевес;
Жизнью горнею доволен,
Ненавидя адску ночь,
Он и сам отдать неволен
Мне утраченную дочь.
Там ей быть, доколь Аида
Не осветит Аполлон,
Или радугой Ирида
Не сойдет на Ахерон!

Нет ли ж мне чего от милой,
В сладкопамятный завет:
Что осталось всё, как было,
Что для нас разлуки нет?
Нет ни тайных уз, чтоб ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвых с милыми живыми,
С светлым днем подземну ночь?...
Так, не все следы пропали!
К ней дойдет мой нежный клик:
Нам святые боги дали
Усладительный язык.

В те часы, как хлад Борей
Губит нежных чад весны,
Листья падают желтея,
И леса обнажены:

Из руки Вертумна щедрой
Семя жизни взять спешу,
И, его в земное недро
Бросив, Стиксу приношу;
Сердцу дочери вверяю
Тайный дар моей руки,
И, скорбя, в нем посылаю
Весть любви, залог тоски.

Но когда с небес слетает
Вслед за бурями весна:
В мертвом снова жизнь играет,
Солнце грест семена;
И умершие для взора,
Вняв они весны привет,
Из подземного затвора
Рвутся радостно на свет:
Лист выходит в область неба,
Корень ищет тьмы ночной;
Лист живет лучами Феба,
Корень Стиксовой струей.

Ими таинственно слита
Область тьмы с страной дня,
И приходят от Коцита
С ними вести для меня;
И ко мне в живом дыханье
Молодых цветов весны
Подымается призыванье,
Глас родной из глубины;
Он разлуку улаживает,
Он душе моей твердит:
Что любовь не умирает
И в отшедших за Коцит.

О! приветствую вас, чада
Расцветающих полей;
Вы тоски моей услада,
Образ дочери моей;
Вас налью благоуханьем,
Напою живой росой,
И с Аврориным сияньем
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенний мрак полей
И мою ведают радость,
И печаль души моей.

СУД БОЖИЙ НАД ЕПИСКОПОМ

Были и лето и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод; народ умирал.

Но у епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлеба;
Жито сберег прошлогоднее он:
Был осторожен епископ Гаттон.

Рвутся толпой и голодный и нищий
В двери епископа, требуя пищи;
Скуп и жесток был епископ Гаттон:
Общей бедою не тронулся он.

Слушать их вопли ему надоело;
Вот он решился на страшное дело:
Бедных из ближних и дальних сторон,
Слышно, скликает епископ Гаттон.

«Дожили мы до неожиданного чуда:
Вынул епископ добро из-под спуда;
Бедных к себе на пирушку зовет»,
Так говорил изумленный народ.

К сроку собралися званные гости,
Бледные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворен:
В нем угостит их епископ Гаттон.

Вот уж столпились под кровлей сарая
Все пришлепы из окружного края...
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай и с гостями сожжен.

Глядя епископ на пепел пожарный,
Думает: будут мне все благодарны;
Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей.

В замок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал...
Правда! но боле с тех пор он не спал.

Утром он входит в покой, где висели
Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.

Он обомлел; он от страха чуть дышит...
Вдруг он чудесную ведомость слышит:
«Наша окрúга мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».

Вот и другое в ушах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!
Крепкий твой зáмок, епископ Гаттон,
Мыши со всех осаждают сторон».

Ход был до Рейна от замка подземной;
В страхе епископ дорогою темной
К берегу выйти из замка спешит:
В реинской башне спасусь (говорит).

Башня из реинских вод подымалась;
Издали острым утесом казалась,
Грозно из пены торчащим, она;
Стены кругом ограждала волна.

В легкую лодку епископ садится;
К башне причалил, дверь запер, и мчится
Вверх по гранитным, крутым ступеням;
В страхе один затворился он там.

Стены из стали казались слиты,
Были решетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный свод,
Дверью железною запертый вход.

Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмурив глаза, он ложится...
Вдруг он испуган стенаньем глухим:
Вспыхнули ярко два глаза над ним.

Смотрит он... кошка сидит и мяучит;
Голос тот грешника давит и мучит:
Мечется кошка; невесело ей:
Чует она приближенье мышей.

Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в иступлении диком.
Воеет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли... ползут.

Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.

Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?

Зубы об камни они наострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон.

А Л О Н З О

Из далекой Палестины
Возвратясь, певец Алонзо
К замку Бальби приближался,
Полон песней вдохновенных:

Там красавица молодая,
Струны звонкие подслушав,
Обомлает, затрепещет
И с альтана взор наклонит.

Он приходит в замок Бальби,
И под окнами поет он
Всё, что сердце молодое
Втайне выдумать умело.

И цветы с высоких окон,
Видит он, к нему склонились;
Но дарицы сладких песен
Меж цветами он не видит.

И ему тогда прохожий
Прошептал с лицом печальным:
«Не тревожь покоя мертвых;
Спит во гробе Изолина».

И на то певец Алонзо
Не ответственал ни слова:
Но глаза его потухли,
И не бьется боле сердце.

Как незапным дуновеньем
Ветерок лампаду гасит,
Так угас в одно мгновенье
Молодой певец от слова.

Но в старинной дерквѣ зѣмка,
Где пылали ярко свечи,
Где во гробѣ Изолина,
Под душистыми цвѣтами,

Блѣднѣликая лежала,
Всѣх проник незапный трепет:
Оживленная, из гроба
Изолина поднялася...

От бесчувствія могилы
Возвратяся незапно къ жизни,
В гробовой она одеждѣ,
Какъ въ уборѣ брачномъ, встала;

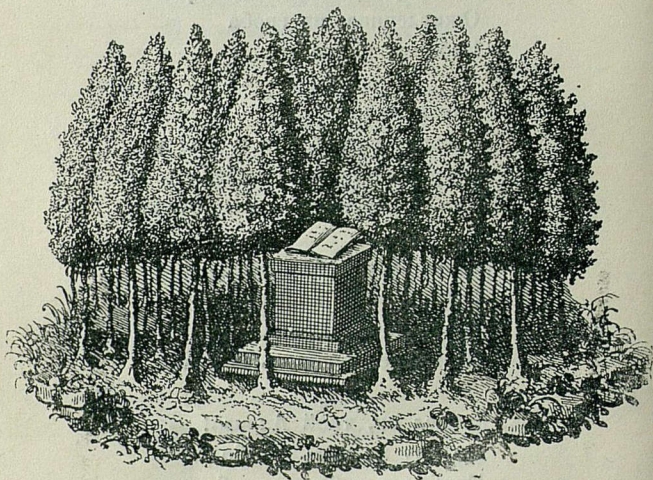
И, не зная, что съ ней было,
Какъ объятая виденьемъ,
Изумленная спросила:
Не пропелъ ли здѣсь Алонзо?...

Такъ, пропелъ онъ, твой Алонзо!
Но ему не пѣть ужъ боле:
Пробудивъ тебя отъ гроба,
Самъ заснулъ онъ, и навѣки.

Там, в стране преображенных,
Ищет он свою земную,
До него с земли на небо
Улетевшую подругу...

Небеса кругом сияют,
Безмятежны и прекрасны...
И, надеждой обольщённый,
Их блаженства пролетая,

Кричит там он: Изолина!
И спокойно раздается:
Изолина! Изолина!
Там в блаженствах безответных.

Л Е Н О Р А

Леноре снился страшный сон,
Проснулась в испуге.
«Где милый? Что с ним? Жив ли он?
И верен ли подруге?»
Пошел в чужую он страну
За Фридериком на войну;
Никто об нем не слышит;
А сам он к ней не пишет.

С императрицею король
За что-то раздружились,
И кровь лилась, лилась... доколь
Они не помирились.
И оба войска, кончив бой,
С музыкой, песнями, пальбой,
С торжественностью ратной
Пустились в путь обратной.

Идут! идут! за строем строй;
Пылят, гремят, сверкают;
Родные, ближние толпой
Встречать их выбегают;
Там обнял друга нежный друг,
Там сын отца, жену супруг;
Всем радость... а Леноре
Отчаянное горе.

Она обходит ратный строй
И друга вызывает;
Но вести нет ей никакой:
Никто об нем не знает.
Когда же мимо рать прошла —
Она свет божий прокляла,
И громко зарыдала,
И на землю упала.

К Леноре мать бежит с тоской:
«Что так тебя волнует?
Что сделалось, дитя, с тобой?»
И дочь свою целует.
— О друг мой, друг мой, всё прошло!
Мне жизнь не жизнь, а скорбь и зло;
Сам бог врагом Леноре...
О горе мне! о горе! —

«Прости ее, небесный царь!
Родная, помолися;
Он благ, его руки мы тварь:
Пред ним душой смирися».
— О друг мой, друг мой, всё как сон...
Немилостив со мною он;
Пред ним мой крик был тщетен...
Он глух и безответен. —

«Дитя, от жалоб удержишь;
Смири души тревогу;
Пречистых таин причастись,
Пожертвуй сердцем богу».
— О друг мой, что во мне кипит,
Того и бог не усмирит:
Ни тайнами, ни жертвой
Не оживится мёртвой. —

«Но что, когда он сам забыл
Любви святое слово,
И прежней клятве изменил,
И связан клятвой новой?
И ты, и ты об нем забудь;
Не рви тоской напрасной грудь;
Не стоит слез предатель;
Ему судья создатель».

— О друг мой, друг мой, всё прошло;
Пропавшее пропало;
Жизнь безотрадную на зло
Мне провиденье дало...
Угасни ты, противный свет!
Погибни жизнь, где друга нет!
Сам бог врагом Леноре...
О горе мне! о горе! —

«Небесный царь, да ей простит
Твое долготерпенье!
Она не знает, что творит:
Ее душа в забвенье.
Дитя, земную скорбь забудь:
Ведет ко благу божий путь;
Смиранным рай награда...
Страшись мучений ада».

— О друг мой, что небесный рай?
Что адское мученье?
С ним вместе — всё небесный рай;
С ним розно — всё мученье;
Угасни ты, противный свет!
Погибни, жизнь, где друга нет!
С ним розно, умерла я
И здесь и там для рая. —

Так дерзко, полная тоской,
    Душа в ней бунтовала...
Творца на суд она с собой
    Безумно вызывала,
Терзалась, волосы рвала
До той поры, как ночь пришла,
    И темный свод над нами
    Усыпался звездами.

И вот... как будто легкий скок
    Коня в тиши раздался:
Несется по полю ездок;
    Гремя, к крыльцу примчался;
Гремя, взбежал он на крыльцо;
И двери брякнуло кольцо...

В ней жилки задрожали...
Сквозь дверь ей прошептали:

«Скорей! сойди ко мне, мой свет!
Ты ждешь ли друга, спишь ли?
Меня забыла ты, иль нет?

Смеешься ли, грустишь ли?»
— Ах! милый... бог тебя принес!
А я... от горьких, горьких слез
И свет в очах затмился...
Ты как здесь очутился? —

«Седлаем в полночь мы коней...
Я еду издалека.
Не медли, друг; сойди скорей;
Путь долог, мало срока».
— На что спешить, мой милый, нам?
И ветер воет по кустам,
И тьма ночная в поле;
Побудь со мной на воле. —

«Что нужды нам до тьмы ночной!
В кустах пусть ветер воет.
Часы бегут; конь борзый мой
Копытом землю роет;
Нельзя нам ждать; сойди, дружок;
Нам долгий путь, нам малый срок;
Не в пору сон и нега:
Сто миль нам до ночлега».

— Но как же конь твой пролетит
Сто миль до утра, милой?
Ты слышишь, колокол гудит:
Одиннадцать пробило. —
«Но месяц встал, он светит нам...

Гладка дорога мертвецам;
Мы скачем, не боимся;
До света мы домчимся».

— Но где же, где твой уголок?
Где наш приют укромный? —
«Далеко он... пять, шесть досок...
Прохладный, тихий, темный».
— Есть место мне? — «Обоим нам.
Поедем! все готово там;
Ждут гости в нашей келье;
Пора на новоселье!»

Она подумала, сошла,
И на коня вспрыгнула,
И друга нежно обняла,
И вся к нему прильнула.
Помчались... конь бежит-летит,
Под ним земля шумит, дрожит,
С дороги вихри вьются,
От камней искры льются.

И мимо их холмы, кусты,
Поля, леса летели;
Под конским топотом мосты
Тряслися и гремели.
«Не страшно ль?» — Месяц светит нам! —
«Гладка дорога мертвецам!
Да что же так дрожишь ты?»
— Зачем о них твердишь ты? —

«Но кто там стонет? Что за звон?
Что вóрона взбудило?
По мертвом звон; надгробный стон;
Голосят над могилой».

И виден ход: идут, поют,
На дорогах тяжкий гроб везут,
И голос погребальной —
Как вой совы печальной

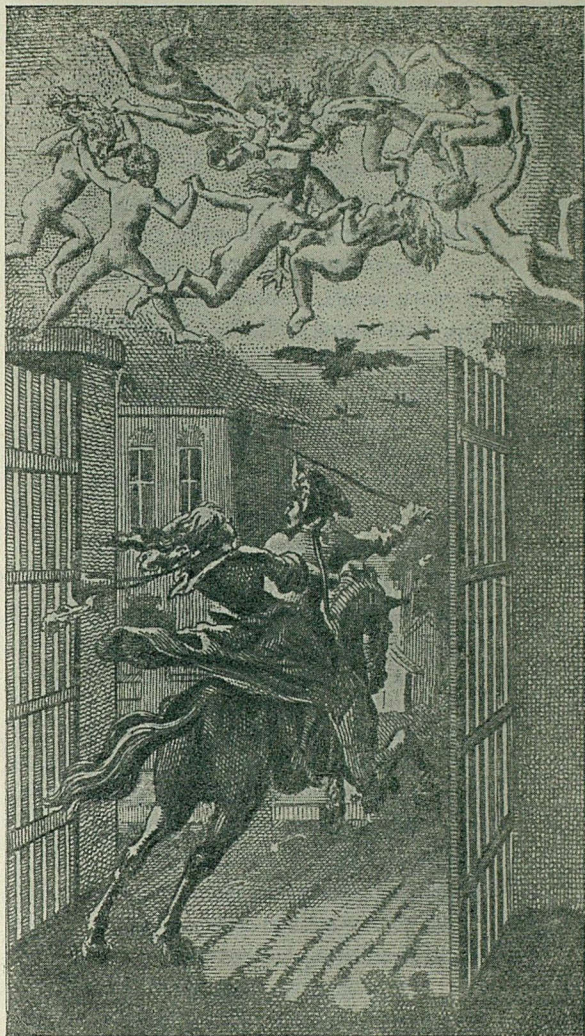
«Заройте гроб в полночный час:
Слезам теперь не место;
За мной! к себе на свадьбу вас
Зову с моей невестой.
За мной, певцы; за мной, пастор;
Пропой нам многолетье, хор;
Нам дай на обрученье,
Пастор, благословенье».

И звон утих... и гроб пропал...
Стопнулся хор проворно,
И по дороге побежал
За ними тенью чёрной.
И дале, дале!... копь летит,
Под ним земля шумит, дрожит,
С дороги вихри вьются,
От камней искры льются.

И сзади, спереди, с боков
Окрестность вся летела:
Поля, холмы, ряды кустов,
Заборы, дома, сѣла.
«Не страшно ль?» — Месяц светит нам. —
«Гладка дорога мертвецам!
Да что же так дрожишь ты?»
— О мертвых всё твердишь ты! —

Вот у дороги над столбом,
Где висельник чернеет,
Воздушных рой, свиясь кольцом,

Кружится, пляшет, веет.
«Ко мне! за мной, вы плясуны!
Вы все на пир приглашены!
Скачу, лечу жениться...
Ко мне! повеселиться!»

И летом, летом легкий рой
Пустился вслед за ними,
Шумя, как ветер полевой
Меж листьями сухими.
И дале, дале!... конь летит,
Под ним земля шумит, дрожит,
С дороги вихри выются,
От камней искры льются.

Вдали, вблизи, со всех сторон,
Всё мимо их бежало;
И всё, как тень, и всё, как сон,
Мгновенно пропадало.
«Не страшно ль?» — Месяц светит нам. —
«Гладка дорога мертвецам!
Да что же так дрожишь ты?»
— Зачем о них твердишь ты? —

«Мой конь, мой конь, песок бежит;
Я чую, ночь свежее;
Мой конь, мой конь, петух кричит;
Мой конь, несись быстрее...
Окончен путь; исполнен срок;
Наш близко, близко уголок;
В минуту мы у места...
Приехали, невеста!»

К воротам конь во весь опор
Примчавшись, стал и топнул;

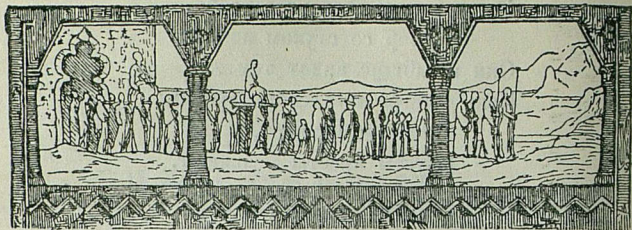
Ездок бичом стегнул затвор —
Затвор со стуком лопнул;
Они кладбище видят там...
Конь быстро мчится по гробам;
Лучи луны сияют,
Кругом кресты мелькают.

И что ж, Ленора, что потом?
О страх!... в одно мгновенье
Кусок одежды за куском
Слетел с него, как тленье;
И нет уж кожи на костях;
Безглазый череп на плечах;
Нет каски, нет колета...
Она в руках скелета.

Конь прынул... пламя из ноздрей
Волною побежало;
И вдруг... все пылью перед ней
Расшиблось и пропало.
И вой и стон на вышине;
И крик в подземной глубине;
Лежит Ленора в страхе
Полмертвая на прахе.

И в блеске месячных лучей,
Рука с рукой, летает,
Виясь над ней, толпа теней
И так ей припевает:
«Терпи, терпи, хоть ноет грудь;
Творцу в бедах покорна будь;
Твой труп сойди в могилу!
А душу бог помилуй!»

ПОКАЯНИЕ

Был папа готов литургию свершать,
Сияя в святом облаченьи,
С могуществом, данным ему, отпускать
Всем грешникам их прегрешеньи.

И папа обряд очищенья свершал;
Во прахе народ простирался;
И кто с покаянием прах лобызал,
От всех тот грехов очищался.

Органа торжественный гром восходил
Горé во святом фимиаме,
И страх соприсутствия божия был
Разлит благодатно во храме.

Святейшее слово он хочет сказать —
Устам не покорствуют звуки;
Сосуд живоносный он хочет поднять —
Дрожащие падают руки.

«Есть грешник великий во храме святом!
И бремя на нем святотатства!
Нет части ему в разрешеньи моём:
Он здесь не от нашего братства.

Нет слова, чтоб мир водворило оно
В душе, погубленной отныне;
И он обретет осуждение одно
В чистейшей небесной святыне.

Беги ж, осужденный; отвергнись от нас;
Не жди моего заклинанья;
Беги: да свершу невозбранно в сей час
Великий обряд покаянья».

С толпой на коленях стоял пилигрим,
В простую одет власяницу;
Впервые узрел он сияющий Рим,
Великую веры столицу.

Молчанье храня, он пришел из своей
Далекой отчизны, как нищий;
И целые сорок он дней и ночей
Почти не касался до пищи;

И в храме, в святой покаяния час,
Усердней никто не молился...
Но грянул над ним заклинательный глас —
Он бледен поднялся и скрылся.

Спешит запрещенный покинуть он Рим;
Преследуем словом ужасным,
К шотландским идет он горам голубым,
К озерам отчества ясным.

Когда ж возвратился в отечество он,
В старинную дедов обитель:
Вассалы к нему собрались на поклон,
И ждали, что скажет властитель.

Но прежний властитель, дотолѣ вождемъ
Ихъ бывший ко славе победной,
Ихъ принялъ с унылымъ, суровымъ лицомъ,
С потухшими взорами, бледной.

Сложилъ онъ с вассаловъ подданства обетъ,
И с ними безмолвно простился;
Покинулъ онъ замокъ, покинулъ онъ светъ,
И в келью отшельникомъ скрылся.

Себя онъ обрекъ на молчанье и трудъ;
Без сна проводилъ онъ все ночи;
Какъ бледный убійца, ведомый на судъ,
Бродилъ онъ, потупивши очи.

Не зналъ онъ покровъ ни в холодъ, ни в дождь;
В раздранной ходилъ власянице;
И в келье, бывалый властитель и вождь,
Гнезился, какъ мертвый въ гробнице.

В святой монастырь богородицы далъ
Онъ часть своего достоянья:
Чтобъ тамъ о *погибшихъ* соборъ совершалъ
Всѣдневно обрядъ поминанья.

Когда жъ поминанье соборъ совершалъ,
Моляся въ усердii тѣпломъ:
Онъ въ храмъ не входилъ; передъ дверью лежалъ
Онъ въ прахѣ, осыпанный пепломъ.

Окрестъ сторона та прекрасна была:
Река, наравне съ берегами,
По зелени яркой лазурно текла
И зелень поила струями;

Живые дороги вились по полям;
Меж нивами села блистали;
Пестрели стада; отвечая рогам,
Долины и холмы звучали;

Святой монастырь на пригорке стоял
За темною кленов оградой:
Меж ними — в то время, как вечер сиял, —
Багряной горел он громадой.

Но грешным очам неприметна краса
Веселой, окрестной природы;
Без блеска для мертвой души небеса,
Без голоса роши и воды.

Есть место — туда, как могильная тень,
Одною дорогой он ходит;
Там часто задумчив сидит он весь день,
Там часто и ночи проводит.

В лесном захоlustье, где сонный ворчит
Источник, влачась лениво,
На дикой поляне часовня стоит
В обломках, заглушенных крапивой;

И черны обломки: пожар там прошел;
Золою, стопившейся в камень,
И падшею кровлей задавленный пол,
Решетки, стерпевшие пламень,

И полосы дыма на голых стенах,
И древний алтарь без святыни,
Всё сердцу твердит, пробуждая в нем страх,
О тайне сей мрачной пустыни.

Ужасное дело свершилось там:

В часовне пустынного места,
В час ночи, обет принося небесам,
Стояли жених и невеста.

К красавице бурною страстью пылал
Округи могучий властитель;
Но правился боле ей скромный вассал,
Чем гордый его повелитель.

Соперника ревность была им страшна:
И в тайне их брак совершился.
Уж клятва любви небесам предана,
И пастырь над ними молился...

Вдруг топот и клики и пламя кругом!
Их тайна открыта; в кипенье
Обиды, любви, обезумлен вином,
Дерзнул он на страшное мщенье:

Захлопнуты двери; часовня горит;
Стенаньям смеется губитель;
Всё пышит, валится, трещит и гремит,
И в пепле святыни обитель. —

Был вечер прекрасен и тих и душист;
На горных вершинах сияло;
Свод неба глубокий был темен и чист;
Торжественно все утихало.

В обители иноков слышался звон:
Там было вечернее бденье;
И иноки пели хвалебный канон,
И было их сладостно пенье.

Попрежнему грустен, попережнему дик
    (Уж годы прошли в покаянье),
На место, где сердце он мучить привык,
    Он шел, погруженный в молчанье.

Но вечер невольно беседовал с ним
    Своей миротворной красою,
И тихой земли усыплением святым,
    И звездных небес тишиною.

И воздух его обнимал теплотой,
    И пил аромат он целебный,
И в слух долетал издалика порой
    Отшельников голос хвалебный.

И с чувством, давно позабытым, поднял
    На небо он взор свой угрюмой,
И долго смотрел и недвижим стоял,
    Окованный тайною думой...

Но вдруг содрогнулся — как будто о чем
    Ужасном он вспомнил — глубоко
Вздохнул, стал бледней и обычным путем
    Пошел, как мертвец, одиноко.

Главу опустил, безнадежно уныл,
    Отчаянно стиснувши руки,
Приходит туда он, куда приходил
    Уж годы вседневно для муки.

И видит... у входа часовни сидит
    Чернец в размышлении глубоком,
Он чуден лицом; на него он глядит
    Пронзающим внутренность оком.

И тихо сказал наконец он: Христос
Тебя сохрани и помилуй.
И грешнику душу привет сей потрёс,
Как луч воскресенья могилу.

— Ответствуй мне, кто ты? (чернец спросил)
Свою мне поведай судьбину;
По виду ты странник; быть может, ходил,
Свершая обет, в Палестину?

Или ко гробам чудотворцев святых
Свое приносил поклоненье?
С собою мощей не принес ли каких,
Дарующих грешным спасенье? —

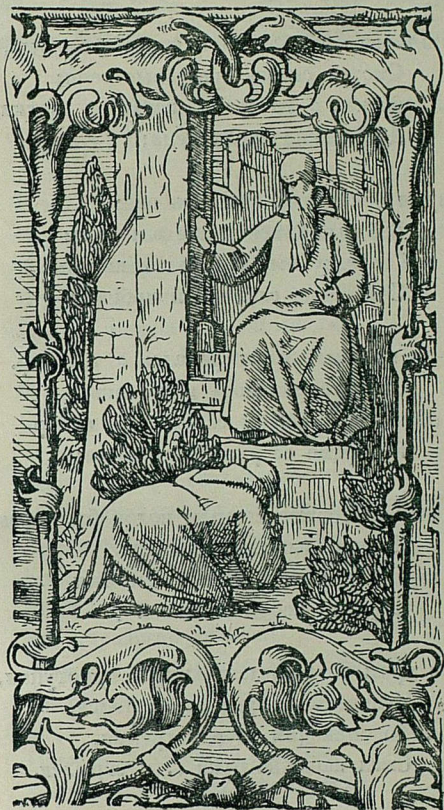
«Мощей не принес я; к гробам не ходил,
Спасающим нас благодатью;
Не зрел Палестины... по в Риме я был,
И предан навеки проклятью».

— Проклятия вечного нет для живых:
Есть верный за падших заступник.
Приди, исповедайся в тайных своих
Грехах предо мною, преступник. —

«Что сделать не властен святейший отец,
Владыка и божий наместник,
Тебе ли то сделать? И кто ты, чернец?
Кем послан ты, милости вестник?»

— Я здесь издалека: был в той стороне,
Где ведома участь земного;
Здесь память загладить позволено мне
Ужасного дела ночного. —

При слове сем грешник на землю упал...
Все члены его трепетали...
Он исповедь начал... но что он сказал,
Того на земле не узнали.

Лишь месяц их тайным свидетелем был,
Смотря сквозь древесные сени;
И, мнилось, в то время, когда он светил,
Две легкие веяли тени;

Двумя облачками казались оне;
Всё выше, всё выше взлетали;
И всё неразлучны; и вдруг в вышине
С лазурью слились и пропали.

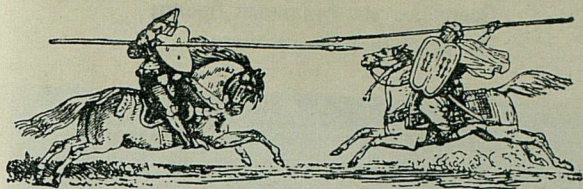
И он на земле не встречался с тех пор.
Одно сохранилось в преданье:
С обычным обрядом священный собор
Во храме свершал поминанье;

И пеньем торжественным полон был храм,
И тихо дымилась кадила,
И вместе с земными невидимо там
Служили небесные силы.

И в храм он вошел, к алтарю приступил,
Пречистых даров причастился,
На небо сияющий взор устремил,
Сжал набожно руки... и скрылся.

РОЛАНД ОРУЖЕНОСЕЦ

Раз Карл Великий пировал;
Чертог богато был украшен;
Кругом ходил златой бокал;
Огромный стол трещал от брашен;
Гремел певцов избранный хор;
Шумел веселый разговор;
И гости вдоволь пили, ели;
И лица их от вин горели.

Великий Карл сказал гостям:
«Свершить нам должно подвиг трудный.
Прилично ль веселиться нам,
Когда еще Артусов чудный
Не завоеван талисман?
Его укравший великан
Живет в Арденском лесе тёмном;
Он на щите его огромном».

Отважный Оливьер, Гварин,
Силач Гемон, Наим Баварский,
Агланский граф Милон, Мерлиц,
Такой услыша вызов царский,
Из-за стола тотчас встают,
Мечи тяжелые берут;

Сверкают их стальные брони;
Их боевые пляшут кони.

Тут сын Милонов молодой,
Роланд, сказал: «возьми, родитель,
Меня с собой; я буду твой
Оруженосец и служитель.
Ваш подвиг не по лётам мне;
Но ты позволь, чтоб на коне
Я вез, простым твоим слугою,
Конь и щит твой за тобою».

В Арденский лес одним путём
Шесть бодрых витязей пустились,
В средину въехали, потом
Друг с другом братски разлучились.
Младой Роланд с коньём, щитом
Смирненно едет за отцом;
Едва от радости он дышит;
Бодрит коня; конь ржет и пышит.

И рыщут по лесу они
Три целых дня, три целых ночи;
Устали сами; их кони
Совсем уж выбились из мочи;
А великана всё им нет.
Вот на четвертый день, в обед,
Под дубом сенисто-широким
Милон забылся сном глубоким.

Роланд не спит. Вдруг видит он:
В лесной дали, сквозь сумрак сеней,
Блеснуло; и со всех сторон
Вскочило множество оленей,

ИОГАНН-ЛЮДВИГ УЛАНД

Живым испуганных лучом;
И там, как туча, со щитом,
Блпстающим от талисмана,
Валит громада великана.

Роланд глядит на пришлеца,
И мыслит: что же ты за диво?
Будить мне для тебя отца.
Не к месту было бы учтиво;
Здесь за него, пока он спит,
Его копье и добрый щит,
И острый меч и конь задорный,
И сын Роланд, слуга проворный.

И вот он на бедро свое
Повесил меч отцов тяжелый;
Взял длинное его копье,
И за плеча рукою смелой
Его закинул крепкий щит;
И вот он на коне сидит;
И потихоньку удалился —
Дабы отец не пробудился.

Его увидя, сморщил нос
С презреньем великан спесивый.
«Откуда ты, молокосос?
Не по тебе твой конь ретивый;
Смотри, тебя длинней твой меч;
Твой щит с твоих ребячьих плеч,
Тебя переломив, свалится;
Твое копье лишь мне годится».

— Дерзка твоя, как слышу, речь;
Посмотрим, таково ли дело?

Тяжел мой щит для детских плеч —
Зато за ним стою я смело;
Пусть неуч я — мой конь учен;
Пускай я слаб — мой меч силен;
Отведай нас; уж мы друг другу
Окажем в честь тебе услугу. —

Дубину великан взмахнул,
Чтоб вдребезги разбить нахала;
Но конь Роландов отпрыгнул;
Дубина мимо просвистала.
Роланд пустил в него копьем;
Оно осталось с острием,
Погнутым силой талисмана,
В щите пронзенном великана.

Роланд отцовский меч большой
Схватил обеими руками;
Спешит схватить противник свой;
Но крепко стиснут он ножнами;
Еще меча он не извлек,
Как руку левую отсек
Ему наш витязь; кровь струёю;
Прочь отлетел и щит с рукою.

Завыл от боли великан,
Кипучей кровию облитый:
Утратив чудный талисман,
Он вдруг остался без защиты;
Вслед за щитом он побежал;
Но по ногам вдогонку дал
Ему Роланд удар проворной:
Он покатился глыбой черной.

Роланд, подняв отцовский меч,
Одним ударом исполину
Отрушил голову от плеч.
Свистя, кровь хлынула в долину.
Щит великанов взяв потом,
Он тадисман, блиставший в нем
(Осьмое чудо красотою),
Искусной выломал рукою.

И в платье скрыл он взятый клад;
Потом струей ручья леснова
С лица и с рук, с коня и с лат
Смыл кровь и прах и, севши снова
На доброго коня, шажком
Отправился своим путём
В то место, где отец остался;
Отец еще не просыпался.

С ним рядом лег Роланд и в сон
Глубокий скоро погрузился,
И спал, покада сам Милон
Под сумерки не пробудился.
«Скорей, мой сын Роланд, вставай;
Подай мой шлем, мой меч подай;
Уж вечер; всюду мгла тумана;
Опять не встретим великана».

Вот ездит он в лесу густом
И великана ищет снова;
Роланд за ним с копьем, щитом —
Но о случившемся ни слова.
И вот они в долине той,
Где жаркий совершился бой;

Там виден был поток кровавый;
В крови валялся труп безглавый.

Роланд глядит; своим глазам
Не верит он: что за причина?
Одно лишь туловище там;
Но где же голова, дубина?
Где панцырь, меч, рука и щит?
Один ободранный лежит
Обрубок мертвеца нагого;
Следов не видно остального.

Труп осмотрев, Милон сказал:
«Что за уродливая груда!
Еще ни разу не видал
На свете я такого чуда:
Чей это труп?... Вопрос смешной!
Да это великан; другой
Успел дать хищнику управу;
Я проснал честь мою и славу».

Великий Карл глядел в окно
И думал: страшно мне по чести;
Где рыцари мои? Давно
Пора б от них иметь нам вести.
Но что?... Не герцог ли Гемон
Там едет? Так, и держит он
Свое копьё перед собою
С отрубленною головою.

Гемон, с нахмуренным лицом
Приближась, голову немую
Стряхнул с копья перед крыльцом,
И Карлу так сказал: «плохую

Добычу я завоевал;
Я этот клад в лесу достал,
Где трое суток я скитался:
Мне враг без головы попался».

Приехал за Гемоном вслед
Тюрпин, усталый, бледный, тощий.
«Со мною талисмана нет:
Но вот вам дорогие мош».
Добычу снял Тюрпин с седла:
То великанова была
Рука, обвитая тряпичей,
С его огромной рукавицей.

Сердит и сумрачен, Наим
Приехал по следам Тюрпина,
И великанова за ним
Висела на седле дубина.
«Кому достался талисман,
Не знаю я; но великан
Меня оставил в час кончины
Наследником своей дубины».

Шел рыцарь Оливьер пешком,
Задумчивый и утомленный:
Конь, великановым мечом
И папдырем обремененный,
Едва копыта подымал.
«Все это с мертвеца я снял;
Мне от победы мало чести;
О талисмане ж нет и вести».

Вдали является Гварин
С щитом огромным великана,

И все кричат: «вот паладин,
Завоеватель талисмана!
Гварин, подъехав, говорит:
«В лесу нашел я этот щит;
Но обманулся я в надежде:
Был талисман украден прежде».

Вот наконец и граф Милон.
Печален, во вражде с собою,
К дворцу тихонько едет он
С потупленною головою.
Роланд смиренно за отцом
С его копьем, с его щитом,
И светятся, как звезды ночи,
Под шлемом удалые очи.

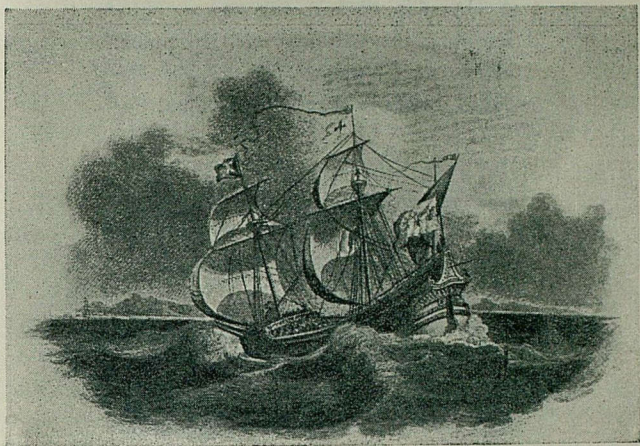
И вот они уж у крыльца,
На коем Карл и паладины
Их ждут; тогда на щит отца
Роланд, сорвав с его середины
Златую бляху, утвердил
Свой талисман и щит открыл...
И луч блеснул с него чудесный,
Как с черной тучи день небесный

И грянуло со всех сторон
Шумящее рукоплесканье;
И Карл сказал: «ты, граф Милон,
Исполнил наше упованье:
Ты возвратил нам талисман;
Тобой наказан великан;
За славный подвиг в награждение,
Прими от нас благоволение».

Милон, слова услыша те,
Глаза на сына обращает...
И что же? Перед ним в щите,
Как солнце, талисман сияет.
«Где это взял ты, молодец?»
Роланд в ответ: «прости, отец;
Тебя будить я побоялся,
И с великаном сам подрался».

ПЛАВАНИЕ КАРЛА ВЕЛИКОГО

Раз Карл Великий морем плыл,
И с ним двенадцать перов плыло,
Их путь в Святую Землю был;
Но море злилося и выло.

Тогда Роланд сказал друзьям:
«Деруся я на суше смело;
Но в злую бурю по волнам
Хлестать мечом плохое дело».

Датчанин Гольгер молвил: «рад
Я веселить друзей струнами;
Но будет ли какой в них лад
Между ревущими волнами?»

А Оливьер сказал, сплеча
Взглянув на бурных волн сугробы:
«Мне жалко нового меча:
Здесь утонуть ему без пробы».

Нахмурясь Ганелон шепнул:
«Какая адская тревога!
Но только б я не утонул!..
Они ж?.. туда им и дорога!»

«Мы все плывем к святым местам! —
Сказал, крестясь, Тюрпин-святитель: —
Явись и в пристань по волнам
Нас, грешных, проведи, спаситель!»

«Вы, бесы! — граф Рихард вскричал: —
Мою вы ведаете службу;
Я много в ад к вам душ послал —
Явите вы теперь мне дружбу».

«Уж я ли, — вымолвил Наим, —
Не говорил: нажить нам горе?
Но слово умное глухим
Есть капля масла в бурном море».

«Беда! — сказал Риоль седой, —
Но если море не уймется,
То мне на старости в сырой
Постеле нынче спать придется».

А граф Гюп вдруг начал петь,
Не тратя жалоб бесполезно:
«Когда б отсюда полететь
Я птичкой мог к своей любезной!»

«Друзья, сказать ли вам? ей, ей! —
Промолвил граф Гварип, вздыхая: —
Мне сладкое вино вкусней,
Чем горькая вода морская».

Ламберт прибавил: «что за честь
С морскими чудами сражаться?
Гораздо лучше рыбу есть,
Чем рыбе на обед достаться».

«Что бог велит, тому и быть! —
Сказал Годефруа: — с друзьями
Я рад добро и зло делить;
Его святая власть над нами».

А Карл молчал: он у руля
Сидел и правил. Вдруг явилась
Святая вдалеке Земля,
Блеснуло солнце, буря скрылась.

РЫЦАРЬ РОЛЛОН

Был удалец и отважный наездник Роллон:
С шайкой своей по дорогам разбойничал он.
Раз, запоздав, он в лесу на усталом коне
Ехал, и видит, — часовня стоит в стороне.

Лес был дремучий, и был уж полуночный час;
Было темнó, так темнó, что хоть выколи глаз.
Только в часовне лампада горела одна,
Бледно сквозь узкие окна светила она.

«Рано еще на добычу, — подумал Роллон, —
Здесь отдохну»; — и в часовню пустынную он
Входит; в часовне, он видит, гробница стоит;
Трепетно, тускло над нею лампада горит.

Сел он на камень, вздремнул с полчасика и потом
Снова поехал лесным одиноким путем.
Вдруг своему щитоносцу сказал он: «скорей
Съезди в часовню; перчатку оставил я в ней».

Посланный, бледен, как мертвый, назад прискакал.
«Этой перчаткой другой завладел, — он сказал: —
Кто-то нездешний в часовне на камне сидит;
Руку он всунул в перчатку и страшно глядит;

Треплет и гладит перчатку другой он рукой;
Чуть я со страха не умер от встречи такой». —
«Трус!» на него запальчиво Роллон закричал,
Шпорами стиснул коня и назад поскакал.

Смело на страшного гостя ударил Роллон:
Отнял перчатку свою у нечистого он.
«Если не хочешь одной мне совсем уступить,
Обе ссуди мне перчатки, хоть год поносить»,

Молвил нечистый; а рыцарь сказал ему: «на!
Рад испытать я, заплатит ли долг сатана;
Вот тебе обе перчатки; отдай через год». —
«Слышу; прости до свиданья», отвечивал тот.

Выехал в поле Роллон; вдруг далекий петух
Крикнул, и топот коней поражает им слух.
Робость Роллона взяла; он глядит в темноту:
Что-то ночную наполнило вдруг пустоту;

Что-то в ней движется; ближе и ближе; и вот
Черные рыцари едут попарно; ведет
Сзади слуга в поводах вороного коня;
Черной попоной покрыт он; глаза из огня.

С дрожью невольной спросил у слуги паладин:
«Кто вороного коня твоего господин?» —
«Верный слуга моего господина, Роллон.
Ныне лишь парой перчаток расцелся с ним он;

Скоро отдаст он иной и последний отчет;
Сам он поедет на этом коне через год». —
Так отвечав, за другими последовал он.
«Горе мне! — в страхе сказал щитонсцу Роллон. —

Слушай, тебе я коня моего отдаю;
С ним и всю сбрую возьми боевую мою:
Ими отныне, мой верный товарищ, владей;
Только молись о душе осужденной моей».

В ближний пришед монастырь, он приору сказал:
«Страшный я грешник, но бог мне покаяться дал.
Ангельский чин я еще не достоин посить;
Служкой простым я желаю в обители быть».

«Вижу, ты в шпорах, — конечно, бывал ездоком;
Будь же у нас на коношне, ходи за конём».
Служит Роллон на коношне, а время идет;
Вот наконец совершился ровнехонько год.

Вот наступил уж и вечер последнего дня;
Вдруг привели в монастырь молодого коня:
Статен, красив, но еще не объезжен был он.
Взять дикаря за узду подступает Роллон.

Взвизгнул, вскочил на дыбы разъярившийся конь;
Грива горой, из поздрей как из печи огонь;
В сердце Роллона ударил копытами он;
Умер, и разу вздохнуть не успевши, Роллон.

Вырвавшись, конь убежал, и его не нашли.
К ночи, как должно, Роллона отцы погребли.
В полночь к могиле ужасный ездок прискакал;
Черного, злого коня за узду он держал;

Пара перчаток висела на черном седле.
Жалобно охнув, Роллон повернулся в земле;
Вышел из гроба, со вздохом перчатки надел,
Сел на коня, и, как вихорь, с ним конь улетел.

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ

Он был веспой своей
В земле обетованной,
И много славных дней
Провел в тревоге бранной.

Там ветку от святой
Оливы оторвал он;
На плем железный свой
Ту ветку навязал он.

С неверным он врагом,
Нося ту ветку, бился,
И с нею в отчий дом
Прославлен возвратился.

Ту ветку посадил
Сам в землю он родную

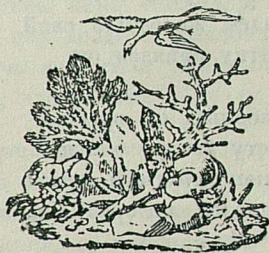
И часто приносил
Ей воду ключевую.

Он стал старик седой,
И сила мышц пропала;
Из ветки молодой
Олива дровом стала.

Под нею часто он
Сидит, уединенный,
В невыразимый сон
Душою погруженный.

Над ним как друг стоит,
Обняв его седины,
И ветвями шумит
Олива Палестины;

И, внемля ей во сне,
Вздыхает он глубоко
О славной старине
И о земле далекой.

УЛЛИН И ЕГО ДОЧЬ

Был сильный вихорь, сильный дождь;
Кипя, ярилася пучина;
Ко берегу Рино горный вождь
Примчался с дочерью Уллина.

— Рыбак, прими нас в твой челнок;
Рыбак, спаси нас от погони;
Уллин с дружиной педалёк;
Нам слышны крики; мчатся кони. —

«Ты видишь ли, как зла вода?
Ты слышишь ли, как волны громки?
Пускаться плыть теперь беда:
Мой челн не крепок, весла ломки».

— Рыбак, рыбак, подай свой чёлн;
Спаси нас: сколь ни зла пучина,
Пощада может быть от волн —
Ее не будет от Уллина! —

Гроза сильней, пучина злей,
И ближе, ближе шум погони!
Им слышен тяжкий храп коней,
Им слышен стук мечей о брони.

«Садитесь в добрый час; плывем».
И Рипо сел, с ним дева села;
Рыбак отчалил; челноком
Седая бездна овладела.

И смерть отвсюду им: открыт
Пред ними зев пучины жадный;
За ними с берега грозит
Уллив, как буря, беспощадный.

Уллив ко берегу прискакал;
Он видит: дочь уносят волны;
И гнев в груди отца пропал,
И он воскликнул, страха полный:

«Мое дитя, пазад, пазад!
Прощенье! Возвратись, Мальвина!»
Но волны лишь ответ шумят
На зов отчаянный Уллина.

Ревет гроза, черна, как ночь;
Летает челн между волнами;
Сквозь пену их он видит дочь
С простертыми к нему руками.

«О, возвратися, возвратись!»
Но грозно раздалась пучина,
И волны, челн пожрав, слились
При крике жалобном Уллина.

ТОМАС КЭМПБЕЛЛ

ЭЛЕВЗИНСКИЙ ПРАЗДНИК

Свивайте венцы из колосьев золотых;
Цианы лазурные в них заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврах луговых,
И пеньем благую Цереру встречайте.
Церера сдружила враждебных людей;
Жестокие права смягчила;
И в дом постоянный меж нив и полей
Шатер подвижной обратила.

Робок, наг и дик скрывался
Троглодит в пещерах скал;
По полям номад скитался
И поля опустошал;
Зверолов с копьем, стреламц,
Грозен, бегал по лесам...

Горе брошенным волнами
К неприютным их брегам!

С Олимпийския вершины
Сходит мать Церера вслед
Похищенной Прозерпины:
Дик лежит пред нею свет.
Ни угла, ни угощенья
Нет нигде богине там;
И нигде богопочтенья
Не свидетельствует храм.

Плод полей и грозды сладки
Не блистают на пирах;
Лишь дымятся тел остатки
На кровавых алтарях;
И куда печальным оком
Там Церера ни глядит:
В унижении глубоком
Человека всюду зрит.

«Ты ль, Зевесовой рукою
Сотворенный человек?
Для того ль тебя краскою
Олимпийскою облек
Бог богов и во владенье
Мир земной тебе отдал,
Чтоб ты в нем, как в заточенье
Узник брошенный, страдал?

Иль ни в ком между богами
Сожаленья к людям нет,
И могучими руками
Ни один из бездны бед

Их не вырвет? Знать, к блаженным
Скорбь земная не дошла?
Знать, одна я огорчённым
Сердцем горе поняла?

Чтоб из низости душою
Мог подняться человек,
С древней матерью землею
Он вступил в союз навек;
Что закон времен спокойной;
Знай течение лун и лет;
Знай, как движется под стройной
Их гармонию свет».

И мгновенно расступилась
Тьма, лежавшая на ней,
И небесная явилась
Божеством пред дикарей:
Кончив бой, они, как тигры,
Из черепьев вражьих пьют,
И ее на зверски игры
И на страшный пир зовут.

Но богиня, с содроганьем
Отвратясь, рекла: богам
Кровь противна; с сим даяньем
Вы, как звери, чужды нам;
Чистым чистое угодно;
Дар, достойнейший небес:
Нивы колос первородной,
Сок оливы, плод древес.

Тут богиня исторгает
Тяжкий дротик у стрелка;

Острем его пронзает
Грудь земли ее рука;
И берет она живое
Из венца главы зерно,
И в произненное земное
Лопю брошено оно.

И выводит малыя
Главы тучная земля;
И повсюду, как златые
Волны, зыблются поля.
Их она благословляет,
И, колосья в сноп сложив,
На смиренный возлагает
Камень жертву первых нив.

И гласит: «прими даянье,
Царь Зевес, и с высоты
Нам подай знаменованье,
Что доволен жертвой ты.
Вечный бог, спиши завесу
С них, не знающих тебя:
Да поклонятся Зевесу,
Сердцем правду возлюбя».

Чистой жертвы не отринул
На Олимпе царь Зевес;
Он во знаменье кипул
Гром излучистый с небес:
Вмиг алтарь воспламенился;
К небу жертвы дым взлетел,
И над ней горé явился
Зевсов пламенный орёл.

И чудо проникло в сердца дикарей;
Упали во прах перед дивной Церерой;

Исторгнулись слезы из грубых очей,
И сладкой сердца растворилися верой.
Оружие кинув, теснятся толпой

И ей воздают поклоненье;
И с видом смиренным, покорной душой
Приемлют ее поученье.

С высоты небес нисходит
Олимпийцев светлый сонм;
И Фемида их предводит,
И своим она жезлом
Ставит грани юных, жатвой
Озлатившихся полей,
И скрепляет первой клятвой
Узы первые людей.

И приходит благ податель,
Друг пиров, веселый Ком;
Бог, ремесл изобретатель,
Он людей дружит с огнем;
Учит их владеть клещами;
Движет мехом, млатом бьет,
И искусными руками
Первый плуг им создает.

И вослед ему Паллада
Копьеносная идет,
И богов к стропню града
Крепкостенного зовет:
Чтоб приютно-безопасный
Кров толпам бродящим дать
И в один союз согласный
Мир рассеянный собрать.

И богиня утверждает
Града нового чертёж;

Ей покорный, означает
Термин камнями рубеж;
Цепью смеряна равнина;
Холм глубоким рвом обвит;
И могучая плотина
Гранью бурных вод стоит.

Мчатся нимфы, ореады
(За Дианой по лесам,
Через потоки, водопады,
По долинам, по холмам
С звонким скачущие луком);
Блещет в их руках топор,
И обрушился со стуком
Побежденный ими бор.

И, Палладою призванный,
Из зеленых вод встает
Бог, осокою венчанный,
И тяжелый строит плот;
И сияя низлетают
Оры легкие с небес,
И в колонну округляют
Суковатый ствол древес.

И во грудь горы вонзает
Свой трезубец Посидон;
Слой гранитный отторгает
От ребра земного он;
И в руке своей громаду
Как песчинку он песет;
И огромную ограду
Во мгновение создает.

И вливает в струны пенье
Светлоглавый Аполлон:

Пробуждает вдохновенье
Их согласно-мерный звон;
И веселые Камены
Сладким хором с ним поют,
И красивых зданий стены
Под напев их встают.

И творит рука Цибеллы
Створы врат городских:
Держат петли их дебелы,
Утвержден замок на них;
И чудесное творенье
Довершает, в честь богам,
Совокупное строенье
Всех богов, великий храм.

И Юнона, с оком ясным
Низлетев от высоты,
Сводит с юношей прекрасным
В храме деву красоты;
И Киприда обвивает
Их гирляндой цветов,
И с небес благословляет
Первый брак отец богов.

И с торжественной игрою
Сладких лир, поющих в лад,
Вводят боги за собою
Новых граждан в новый град;
В храме Зевсовом царица
Мать Церера там стоит,
Жжет курения, как жрица,
И пришельцам говорит:

«В лесе ищет зверь свободы,
Правит всем свободно бог,

Их закон — закон природы.
Человек, приняв в залог
Зоркий ум, — звено меж ними —
Для гражданства сотворен:
Здесь лишь правами одними
Может быть свободен он».

Свивайте венцы из колосьев златых;
Цианы лазурные в них заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврах луговых;
И с пеньем благоую Цереру встречайте:
Всю землю богинин приход изменил;
Признавши ее руководство,
В союз человек с человеком вступил,
И жизни постиг благородство.

КОММЕНТАРИЙ

В. А. ЖУКОВСКИЙ

О БАЛЛАДАХ ЖУКОВСКОГО

1

Среди произведений Жуковского баллады занимают самое важное место. Не случайно Жуковский получил от своих литературных друзей кличку «балладник». Представления о нем тесно связаны с тем романтическим образом поэта, который встает из его баллад.

На портрете работы художника Кипренского, помещенном в начале книги, Жуковский изображен на фоне того романтического пейзажа, который сам Жуковский не раз описывал в своих балладах: видны какие-то башни и бойницы замка, ров, холмы, уходящие вниз, в туманные лощины. Жуковский задумчиво устремил глаза ввысь, волосы его треплет и развеивает ветер.

В своей сатирической поэме «Дом сумасшедших» литератор Воейков изобразил Жуковского уже прямым героем его собственных баллад. Он писал о Жуковском в этой поэме:

Вот Жуковский: в саван длинный
Скутан, лапочки крестом,
Ноги вытянувши чинно,
Чорта дразнит языком.
Видеть ведьм воображает:
То глазком им подмигнет,
То кадит, и отпевает,
И трезвонит, и ревет.

Что же это за своеобразный мир, который мы находим в балладах Жуковского?

Привидения, мертвецы, оживающие в гробах, мертвый жених, приезжающий в полночь на коне за невестой, сатана, при-

ходящий получить душу грешника, злодей-преступник, продавший дьяволу своего первого ребенка, кладбища и могилы, зловещая луна, ворон, карканьем пророчествующий несчастье, духи и скелеты, мчащиеся в призрачном ночном тумане, — вот содержание большей части баллад Жуковского.

В одной из статей Белинский писал:

«Баллада Жуковского «Людмила» доставляла нам какое-то сладостно-страшное удовольствие, и чем больше ужасала, с тем большею страстью читали ее».

И в самом деле. После торжественных и патетических произведений поэтов XVIII века, после од Ломоносова и Державина, после наивных и неуклюжих любовных песенок Сумарокова баллады Жуковского, нарушающие все общепринятые литературные вкусы, должны были поразить современников.

Современные Жуковскому критики в растерянности не знали, как им принять эти странные произведения, в которых мертвецы непрерывно появляются в обществе живых людей, что это за новый поэтический род, «не имеющий для себя ни правил ни границ для выдумки», и, наконец, откуда взялись «сии нестройные выродки».

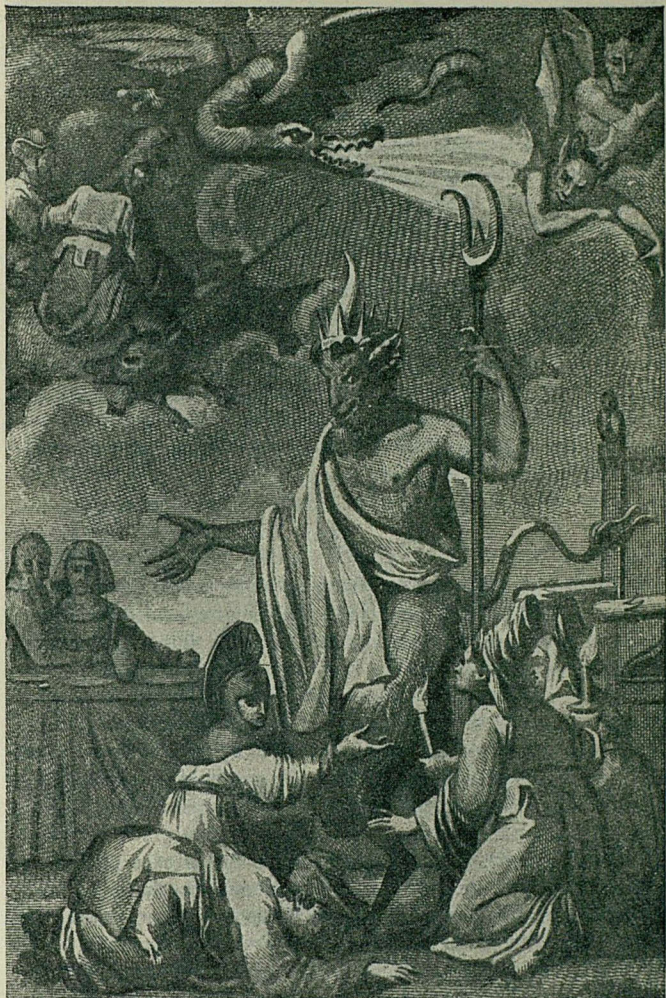
Что же такое баллада и каково значение баллад Жуковского для развития русской поэзии?

2

Во второй половине XVIII века под влиянием возникшего широкого интереса к народному творчеству стали собирать народные лирико-повествовательные песни с героическим или фантастическим содержанием. Балладами называли тогда те народные песни, в которых рассказ о каком-либо событии — фантастическом или историческом — был облечен в форму лирического стихотворения. «В балладе, — говорит Белинский, — самое важное заключено не в рассказе, а в отношении к нему рассказывающего». Этот лирический характер рассказа и отличает балладу от сказки или от стихотворной повести, в которых автор ставит своей задачей объективно изложить содержание.

Первые сборники английских и шотландских народных баллад имели успех во всем мире и побудили ученых и писателей разных стран обратиться к изучению и собиранию подобных произведений и у себя на родине.

Во второй половине XVIII века немецкий поэт Бюргер переработал одну из таких народных песен-баллад («Ленора»). Бюргер воспользовался народной песней о мертвом женихе, приезжающем за своей невестой в полночь.

В отличие от народной баллады «Ленора» Бюргера — баллада литературная, тесно связанная с характером немецкой литературы второй половины XVIII века.

«Ленора» Бюргера имела разительный успех. Ее переводили на многие языки, заучивали наизусть, многие поэты писали ей подражания.

Так возник в европейских литературах особый вид произведений, которые написаны в подражание народным балладам, черпают из них свое содержание, но представляют собой чисто литературное явление.

Самый жанр баллады, стихотворения, в котором народное или историческое содержание дает автору возможность выразить лирическое отношение к теме, сразу же сделался одним из самых излюбленных жанров зародившейся тогда романтической поэзии — поэзии, выражающей новое индивидуалистическое понимание жизни.

3

Говоря о себе, как «о родителе на Руси немецкого романтизма», Жуковский назвал себя «поэтическим дядькою чертей и ведьм немецких и английских». Этим он хотел подчеркнуть, что его романтизм выражен наиболее ярко в тех его балладах, содержание которых основано на немецких и английских народных фантастических легендах о чертях и ведьмах.

Можно сразу же заметить, что эти «страшные» баллады характерны для начального периода его творчества, когда он еще только выступал впервые в русской поэзии, прокладывая дорогу для русского романтизма.

Впоследствии, в зрелые годы, он обратился к работе над самыми разными видами баллад, — не только над балладами фантастическими, но и любовными, но и средневеково-рыцарскими, но и балладами, написанными на античные сюжеты.

Все написанные им баллады представляют собой либо перевод, либо переработку произведений европейских поэтов-романтиков или европейских поэтов, своим творчеством непосредственно подготовивших европейское романтическое движение.

Он переводил и Гёте, и Шиллера, и Шписса, и Уланда, и Саути, и Вальтер Скотта, и Кэмпбела и др.

Между тем, в европейских литературах романтизм не был явлением однородным. В разных странах он имел разное значение и разные признаки. У одних народов он приобретал характер мечтательной, грустной поэзии, исполненной стремления покинуть этот мир и переселиться в мир идеальный, где нет ни горя, ни страданий, ни смерти, ни рождений, ни утрат, ни бедствий. В других странах романтизм приобретал черты боевого движения, борющегося за идеальную жизнь здесь, на земле, борющегося с социальным и политическим угнетением.

Жуковский по своим политическим взглядам был тесно связан с монархически настроенными кругами дворян-помещиков, враждебно относившихся к революционному движению в Европе. Поэтому и в английском и в немецком романтизме революционные течения были ему чужды. Он был близок к мечтательной романтической поэзии, для которой были характерны: обращение к народной фантастике, идеализация рыцарского средневековья и стремление вырваться из окружающей действительности в некий идеальный мир. Таковы были прежде всего немецкие поэты-романтики.

От реакционной действительности немецкого феодализма конца XVIII и начала XIX века они уходили в мир идеальных устремлений, в анализ собственных душевных переживаний.

Жуковский выступил как поэт тоже в реакционную эпоху. Также как и у немецких романтиков, его внимание сосредоточено на мире душевных переживаний и душевных движений. Современные ему критики говорили, что он первый в русской поэзии открыл человеческую душу, создал язык психологической лирики, сделал переживания человека предметом для изображения в искусстве.

В этом смысле особенно показательна работа Жуковского над балладами, написанными на античные сюжеты. Даже богов и древнегреческих героев Жуковский наделил сложными и тонкими психологическими чувствами, превратив богиню земледелия Цереру в трогательно тоскующую мать, оплакивающую свое единственное дитя, а греческих военачальников, отплывающих на родину после разрушения Трои, — в лирических философов, размышляющих о непрочности земного счастья.

Основной темой лирики Жуковского была тема несчастной, неудавшейся любви. Эта тема была подсказана ему личной его судьбой, его безнадежной любовью к М. А. Протасовой.

Свои переживания, связанные с утратой любимой девушки, которой мать не позволила выйти за него замуж, свои меланхолические сетования на жизнь он и сделал темой своей лирики.

Вот почему в его поэзии такое большое значение имеет тема несчастной любви, вот почему он выбирает для перевода обычно только те произведения, в том числе и баллады, которые отвечают его собственному душевному состоянию.

Оттенки различных чувств влюбленной души: от молитвенного поклонения любимой и до самого мрачного отчаяния — весь этот язык чувств и настроений был внесен в русскую поэзию Жуковским.

Для изображения сложного мира переживаний человеческой души у Жуковского не было в России образца. В силу исторической отсталости крепостной России личность в ней не получила еще такого развития, как в буржуазной Европе. И для того, чтобы создать в русской поэзии язык психологических переживаний, Жуковский перенес в русскую литературу мысли и переживания, которые он нашел готовыми в современной ему европейской поэзии.

Вот почему, занимая руководящее место в русской поэзии начала XIX века и расчищая дорогу для богатого и разнообразного содержания поэзии Пушкинской эпохи, решая большую и важную задачу развития русской поэзии, — Жуковский работал как поэт-переводчик. Вот почему вся его лирика, в том числе и баллады, это — переводы.

Выступая в России первым представителем европейского романтизма, Жуковский не только знакомил русских читателей с лучшими образцами европейской романтической литературы, но и создавал своими переводами язык новой русской поэзии.

Все переводы Жуковского объединены общим содержанием и общей литературной задачей, все они выражают его личное мироотношение, и поэтому они являются самостоятельными поэтическими произведениями, которые воссоздают образ поэта, своеобразного, значительного и индивидуального. Так из чужого Жуковский сумел создать свое.

Сам он очень хорошо определил эту особенность своего поэтического дарования:

«Я часто замечал, — пишет он, — что у меня наиболее светлых мыслей тогда, когда их надобно импровизировать в выражение или в дополнение чужих мыслей. Мой ум как огниво, которым надобно ударить об камень, чтоб из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти все или чужое, или по поводу чужого — и все одно-ко мое».

ЛЮДМИЛА

Написано 14 апреля 1808 года.

«Людмила» — подражание балладе «Леноре» (Ленора) немецкого поэта Готфрида-Августа Бюргера (1747—1794), одного из предшественников немецкого романтизма. Бюргер воспользовался для своей баллады немецкой народной песней о том, как мертвец приезжает за своей невестой. Бюргер сильно изменил сюжет этой песни, придав своему рассказу нравоучительный характер: ропот против провидения и воли божьей приводит душу к гибели. В народной песне христианского поучения нет. Это — фантастическая сказка, полная всяких страхов и ужасов.

«Ужасное» в балладе Бюргера и заинтересовало Жуковского. В том же 1808 году, когда Жуковский работал над «Людмилой», он писал о Бюргере: «Бюргер в роде баллад единственный, ибо он имеет истинно приличный тон избранному им роду стихотворений — ту простоту рассказа, которую должен иметь повествователь. Его характер: счастливое употребление выражений простонародных и в описаниях, и в выражениях чувства, краткость и живость, приличие и разнообразие метров. В особенности изображает он очень счастливо ужасное, то ужасное, которое принадлежит к ужасу, производимому в нас предметами мрачными, призраками мрачного воображения. Картины свои заимствует он от таинственной природы того света, который не есть идеальный свет, созданный фантазией древних поэтов, но мрачное владычество суеверия».

Сохранилось предание, будто Жуковский «писал эту балладу по ночам для большего настроения себя к этим ужасам».

«Людмила» Жуковского сильно отличается от своего немецкого образца. Жуковский переделал балладу в духе своих литера-

турных взглядов, придав ей черты господствовавшего тогда в русской поэзии сентиментального стиля. Как справедливо отмечал Грибоедов, автор по временам сбивается на тон сентиментального пастушка (например, в таких стихах, как «Чую ранний ветерок» и др.).

Сильно отразилось на этой балладе и увлечение Жуковского модными тогда поэмами Оссиана.

Оссиан — легендарный слепой бард, живший, по преданию, в горной Шотландии в III веке.

В 1760 году английский поэт Джеймс Макферсон издал книгу поэм Оссиана. Книга имела успех во всем мире. Но через некоторое время выяснилось, что эти поэмы — не подлинны, что они сочинены самим Макферсоном; он издал свои подражания народным шотландским легендам, приписав их Оссиану.

В поэмах Оссиана воспеваются герои древней Шотландии, северная, суровая природа, таинственные лунные ночи, призрачные туманы, старые замки, обросшие мхом, поля сражений, над которыми реют тени героев и их возлюбленных.

В балладе Жуковского тоже есть и «хороводы теней», и призрачный свет луны, и полуночные видения; все это так напоминало оссиановские поэмы, что Пушкин в одной статье назвал Людмилу — «шотландкою Людмилой».

Перерабатывая «Ленору» Бюргера, Жуковский стремился создать русскую народную балладу. Поэтому он переименовал героиню, сделав самую героиню русской девушкой, и перенес место действия в Московское царство в эпоху так называемой Ливонской войны. С 1558 по 1582 года московский царь Иван Грозный вел войну с орденом ливонских рыцарей, владевшим Литвой и Латвией. Во время этой войны большие битвы происходили близ Нарвы (старое название Нарвы — Нарова, Нарева).

Современники Жуковского с восторгом приветствовали его попытку создать *русскую* балладу.

Баллада была напечатана в эпоху ожесточенных войн с наполеоновской Францией. По словам друга Жуковского, «появление «Людмилы» было ко времени. Невесты вместе с нею грешили тайным ропотом за женихов своих, увлеченных войнами нового бурного века, изменившего надеждам мирным. Не одна русская дева оплакала мертвеца в своем сунуе».

К стиху «Конь мой, конь, бежит песок» Жуковский сделал примечание: «В песочных часах».

Перси — грудь.
Чада — дети.
Денница — утренняя заря.

КАССАНДРА

Написано в 1809 году.

«Кассандра» — перевод баллады Шиллера «Kassandra».

Содержание «Кассандры» Шиллер заимствовал из «Илиады» Гомера. Кассандра — дочь даря Приама, прекраснейшая из его дочерей. В нее влюбился бог света Феб-Аполлон и одарил ее умением пророчески предвидеть будущее. Но Кассандра отвергла любовь Аполлона. Тогда, в отместку, Аполлон прибавил к своему прежнему дару и то, что пророчествам ее никто не будет верить.

Имя Кассандры сделалось нарицательным: так называют человека, на мрачные предсказания которого окружающие не обращают внимания.

Для своей баллады Шиллер воспользовался тем эпизодом из поэмы Гомера, в котором рассказывается о том, что греки и троянцы, утомленные долгой войной, заключили перемирие. Мир должен был быть скреплен женитьбой величайшего греческого героя Ахиллеса на дочери троянского даря Приама — Поликсене.

Шиллер начинает балладу описанием торжества, устроенного троянцами в ознаменование наступившего мира и предстоящей свадьбы. Но Кассандра, сестра Поликсены, предвидит, что этот брак не состоится. Свет брачных факелов (Гимен — у древних греков — бог брака) кажется ей светом факелов погребальных, она слышит

... бога приближенье,
Предлетящего бедам,

то есть приближенье Феба-Аполлона. (У древних греков Аполлон был не только богом света, но и богом, насылающим смерть и гибель.) Она видит «скрытый блеск кинжала и горящий взор убийцы».

Кассандра знает, что скоро Троя погибнет, сожженная и уничтоженная врагами, а сама она, Кассандра, найдет смерть на чужбине.

Греческие мифы рассказывают, что все предчувствия Кассандры сбылись: во время брачной церемонии брат Кассандры Парис, спрятавшись за колонной, предательски убил Ахилла из лука. (Об этом говорится уже в последних стихах баллады: «Пал великий Ахиллес».) Убийство Ахилла снова вызвало войну. Троя была взята греками, и Кассандра попала в плен к дарю Агамемнону. Агамемнон увез ее к себе на родину, в город Микены. Там жена Агамемнона Клитемнестра, вместе со своим любовником Эгистом, предательски убила Агамемнона. Вместе с ним была убита и Кассандра.

Свой перевод баллады Шиллера Жуковский сопроводил таким примечанием: «Читателям известно, что Ахиллес, сын Фетиды и Пелея (почему и называется он здесь Пелидом), в ту самую минуту, когда он стоял перед брачным алтарем с Поликсеною, дочерью троянского дара Приама, убит Парисом, которого стрелою управлял Аполлон. Кассандра, сестра Поликлены, будучи жрицей Аполлона, имела несчастный дар предвидеть будущее».

Основная мысль баллады выражена в стихах, которые приносит Кассандра:

Лишь незнание — жизнь прямая,
Знание — смерть прямая нам.

Мысль эту Шиллер почерпнул из трагедии древнегреческого драматурга Эсхила «Скованный Прометей». Эсхил говорит, что «величайшим благом для смертных служат обманчивые надежды, которые препятствуют им предвидеть свою участь». Эту мысль о том, что чем глубже знание и понимание жизни и умение видеть будущее, тем трагичнее судьба человека, подчеркивает в своем примечании и Жуковский, говоря: «Кассандра имела *несчастный* дар предвидеть будущее».

В стихах:

И моею любви открылся
Тот, кого мы ждем душой...

Кассандра говорит о своем женихе, даре Фригии Корэбе. Кассандра сама предсказала ему смерть. Корэб был убит на ее глазах, защищая ее от нападения.

С то г н ы — площади.

Пе р г а м — акрополь, крепость Трои.

Го р е́ — в вышине.

Си р ы й — одинокий, бесприютный.

С ку де л ь — глиняный сосуд; в переносном смысле все непрочное, тленное.

С т и г и й с к а я т е н ь. — Стикс в мифологии древних греков — река в подземном царстве мертвых; стигийская тень — тень мертведа, призрак.

З е ф и р ы — легкие ветры.

Фу р и и (Эвмениды или Эринии) — богини мщения и возмездия — чудовища, у которых на голове, переплетенные с волосами, росли змеи.

Ка ра ю щ и й г р о м а м и — Зевс-громовержец, верховный бог у древних греков.

СВЕТЛАНА

Написано в 1808—1812 годах.

«Светлана» — самостоятельная и свободная переделка на русский лад баллады Бюргера «Ленора» (см. комментарий к «Людмиле» и к «Леноре», стр. 286 и 320). Работая над «Светланой», Жуковский стремился создать произведение в русском народном стиле, так как попытка, сделанная в этом направлении в «Людмиле», казалась ему недостаточной. Поэтому он ввел в балладу русские народные гадания, народные суеверия.

Баллада начинается описанием крещенского вечера:

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали...

Крещение — христианский праздник 6 января. По народному суеверному обычаю, в этот вечер принято было гадать о своей судьбе. Лили воск и по очертаниям, которые получались, старались угадать будущее; бросали кольца в блюдо с водой и под песни вынимали их: чье кольцо попадалось на песню, — тому и предсказываемая песней судьба, и т. д.

Жуковский посвятил «Светлану» своей племяннице Александре Андреевне Протасовой (Саше, Светлане). Он подарил ей эту балладу к ее свадьбе. Протасова вышла замуж за А. Ф. Воейкова — известного тогда литератора.

За по на — покров, полотнище.

АДЕЛЬСТАН

Написано в 1813 году.

«Адельстан» — перевод баллады «Rudiger» (Рюдигер) английского поэта-романтика Роберта Саути (1774—1843).

В предисловии к своей балладе Саути говорит о старинном английском сочинении, из которого он заимствовал сюжет «Рюдигера». В этом произведении рассказывается, как однажды к берегу Рейна пристала лодка, прикрепленная цепью к лебедю. Из лодки вышел неизвестный рыцарь. Он поселился среди местных жителей, вскоре женился на прекрасной девушке и имел от нее детей. Через несколько лет к этому же берегу опять приплыл лебедь и увез рыцаря. С тех пор его никто не видал.

Истолковывая эту легенду, автор, у которого Саути прочел ее, писал, что приплывший на лебедь рыцарь — злой дух. Саути толковал легенду по-другому. В своей балладе он сделал рыцаря грешником, продавшим сатане душу своего первого ребенка.

Однако и Саути, и его предшественник неправильно поняли легенду. Рассказ, которым воспользовался Саути, — это известная средневековая немецкая легенда о светлом солнечном рыцаре Лоэнгрине, который появился у берегов Рейна в чудесной лодке, привязанной цепью к лебедю, и, скрыв свое имя, стал жить среди людей. Вскоре он женился, но и жене он не открыл своего имени и запретил спрашивать о нем. А когда она все же выпытала его тайну, он оставил ее навсегда.

Эта легенда впоследствии стала знаменита во всем мире благодаря вагнеровским операм.

Подтверждением того, что рассказ, разработанный Саути, является одной из легенд о Лоэнгрине, может служить указание на то, что рыцарь приплывает на лебедь по реке *Рейну*, то есть что легенда эта немецкого происхождения.

Таким образом, можно сказать, что «Рюдигер» Саути (и, следовательно, «Адельстан» Жуковского) — это обработка одного из вариантов легенды о Лоэнгрине.

П а л а д и н — благородный, непоколебимый, доблестный рыцарь.

Ж и л о — жилье.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ

Написано в 1813 году.

«Ивиковы журавли» — перевод баллады Шиллера «Die Kraniche des Ibykus».

Ивик, древнегреческий странствующий певец, жил в VI веке до нашей эры. Родился Ивик в Региуме, в древней Италии. Он много путешествовал по южной Италии и Сицилии и, наконец, отправившись на остров Самос, поселился там при дворе Поликрата Самосского (о Поликрате см. комментарий к «Поликратову перстню», стр. 316).

По преданию, Ивик изобрел так называемую «самбуку», трехструнную дитру, имеющую форму треугольника. Ивик написал семь книг стихов. Однако ни одна из этих книг не сохранилась. До нашего времени дошли только те его немногие стихи, которые цитировали в своих сочинениях другие древние писатели.

По преданию, Ивик был убит недалеко от древнегреческого города-республики Коринфа, куда он шел, чтобы принять участие в общегреческом празднике-состязании. Раз в два года на Коринфском перешейке — Истме — близ самого города устраивался, в честь бога морей Посейдона, общегреческий праздник-состязание («Истмийские игры»).

Сохранилась легенда, будто преступление помогли раскрыть журавли. Схваченный разбойниками в пустыне, Ивик воскликнул, что журавли, летящие над ним, отомстят за него. Предание рассказывает, что так и случилось. Среди народных толп, стекшихся на празднество, были и убийцы. Вместе со всеми зрителями они смотрели трагедию Эсхилла «Эвмениды». Услышав над собой шум крыльев, убийцы подняли головы и увидели пролетающих над театром журавлей. «Смотри, — сказал один из них, — вот Ивиковы мстители!» Так как Ивик давно исчез и его нигде не могли найти, эти слова возбудили подозрение у сидевших рядом зрителей, и они донесли властям. Убийцы были уличены и казнены.

Легенда об Ивиковых журавлях возникла спустя 400 лет после смерти Ивика. Многие исследователи высказывают предположение, что легенда эта — обработка бродячего сказочного сюжета, встречающегося у разных народов.

Шиллер узнал об этой легенде от Гёте, который предложил ему дружеское соревнование: каждому из них написать балладу

на этот сюжет. Однако Гёте своего намерения не осуществил, и балладу написал один Шиллер.

Античная легенда о смерти Ивика была основана на древнегреческих представлениях о божественном законе возмездия: всякое преступление неизбежно влечет за собою кару. По верованиям древних греков, для того, чтобы тень убитого обрела успокоение, убийца должен умереть. Богини возмездия Эриннии (Эвмениды, или, иначе, Фурии) преследуют убийцу до тех пор, пока преступление не будет наказано. Жуковский так пишет об этих божествах-мстителях в примечаниях к «Ивиковым журавлям»: «Сии богини... открывали тайные преступления, преследовали виновных и мстили им на земле и в аде».

Шиллер по-новому осмыслил легенду об Ивике. Идею возмездия он отодвинул на второй план. Главная задача Шиллера — показать очистительную силу трагедии (катарсис) и воздействие искусства на человеческую душу. Поэтому центральным местом баллады Шиллер сделал выступление хора в трагедии, представленной на празднестве (речь идет о трагедии Эсхила «Эвмениды» и о хоре Эринний из этой трагедии). Вот что писал о своем замысле Шиллер в письме к Гёте: «Катастрофа должна быть вызвана простой, естественной случайностью. Эта случайность проносит над театром стаю журавлей; убийца среди зрителей; трагедия не потрясла его, но она напомнила ему о его деянии и обо всем, что при этом было; его мысли затронуты этим; появление журавлей в это самое мгновение должно поразить его; это — грубое животное, над которым впечатление всесильно. При таких обстоятельствах его громкое восклицание совершенно естественно. Впечатлению, вызванному его возгласом, я посвятил еще одну строфу, но я намеренно не остановился на подробностях раскрытия преступления, ибо, как только найден путь к обличению убийцы (а для этого довольно возгласа и следующего за ним ужаса), баллада окончена; остальное ничто для поэта».

Г е л а — Эллада — Греция.

А к р о к о р и н ф — акрополь, крепость Коринфа.

П р и т а н — глава Коринфской республики (у Жуковского ошибка: притан был в Коринфе только один).

П о с и д о н о в л е с — лес, посвященный богу Посейдону.

С о с н о в ы й в е н е ц — венец из сосновых веток, возлагаемый на голову победителя на состязаниях.

Гелиос — бог солнца, солнце.

Капище — языческий храм.

Персти чада — т. е. дети праха, смертные (персть — прах, чада — дети).

Кодит — река в подземном царстве мертвых.

Клеврет — приспешник, приверженец в каком-нибудь дурном деле.

БАЛЛАДА, В КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ, КАК ОДНА СТАРУШКА ЕХАЛА ВДВОЕМ И КТО СИДЕЛ ВПЕРЕДИ (другое название баллады — „СТАРУШКА“)

Написано 14, 15, 17 и 19 октября 1814 года.

«Баллада, в которой...» — перевод баллады Саути «A Ballad shewing how an old woman rode double and who rode before she» (Баллада, показывающая, как одна старушка ехала вдвоем и кто сидел перед нею).

Переведа балладу, Жуковский писал одному из своих друзей: «А прогроз, вчера родилась у меня еще баллада-приемыш, т. е. перевод с английского. Уж то-то черти, то-то гробы! Но это последняя в этом роде. Не думай, чтобы я на одних только чертях хотел ехать в потомство. Нет! Я знаю, что они собьют на дороге, а, признаюсь, хочу, чтобы они меня конвоировали».

Вскоре после написания баллады Жуковский представил ее в цензуру сперва в Москве, затем в Петербурге. Но ее запретили и там и здесь. Через несколько лет он снова попробовал ее напечатать, переменив заглавие и назвав ее на этот раз «Ведьма». Но цензор зачеркнул балладу красными чернилами и написал внизу: «Баллада «Старушка», ныне явившаяся «Ведьмой», подлежит вся запрещению, как пьеса, в которой дьявол торжествует над церковью, над богом».

Хотя Жуковскому не удалось напечатать балладу, но в списках она быстро распространилась. Кроме того, Жуковский сам много раз читал ее в салонах своих друзей. Так, например, в стихотворном письме к баронессе Черкасовой он в *post scriptum*'е писал ей о таком предстоящем чтении:

Во вторник ввечеру
Я буду, если не умру
Иль не поссорюсь с Аполлоном,

Читать вам погребальным тоном,
Как ведьму чорт унес,
И напугаю вас до слез.

Через некоторое время Жуковский читал балладу при дворе в присутствии членов царского семейства. По рассказам современников, чтение произвело такое сильное впечатление, что две слушательницы-фрейлины упали от страха в обморок.

На это происшествие, видимо, и намекает герой одной написанной в то время комедии:

«... Один из моих знакомых, — говорит он, — недавно читал при дамах свое сочинение: лишь только он начал, то у всех, кто мог его понимать, волосы стали дыбом; в половине чтения сделалось многим дурно, и под конец одна дама упала в обморок и лежит теперь при смерти в горячке. Вот истинно пиитические стихи!»

Содержание для своей баллады Саути заимствовал из средневековых легенд о так называемой Берклейской ведьме. В основе этих легенд лежат исторические события, связанные с именем Франкского короля Карла Мартелла.

Карл Мартелл (688—741) не был любим католическим духовенством. Он часто жертвовал интересами церкви ради государственных интересов, отбирал церковные владения и земли и награждал ими своих вассалов, нарушал церковные привилегии, когда этого требовали государственные задачи.

Когда Карл Мартелл умер, тело его было погребено в монастыре Сен-Дени (в Париже). Вскоре после того римский папа Григорий Святой в своем сочинении «Диалоги» рассказал в назидание верующим, что за свои преступления против церкви Карл Мартелл понес страшное наказание: злые духи ночью украли его тело из монастыря.

Так возникла легенда о грешнике, тело которого было украдено чертями. Легенда эта получила широкое распространение. Впоследствии ее перестали связывать с именем Карла Мартелла и начали рассказывать как легенду о ведьме, которая захотела спастись и приказала похоронить себя в храме. Эту легенду о ведьме, о том, как «волшебницу демоны извлекаюша из церкви, в ней же погребена бысть», в средневековых хрониках рассказывают так:

«В Англии, в селении Берклея (или Беклея) жила волшебница. Она узнала от сороки о своей скорой кончине. Вол-

шебница велела положить себя в окованный железом гроб и поставить в церковь. Но в то время, как над ней пели священники, демоны ворвались в церковь, подхватили гроб, разбили его, извлекли волшебницу из церкви, и демон усекал с ней на адском коне».

Впоследствии Гоголь, работая над «Вием», воспользовался сходными украинскими легендами о ведьме. Но отдельные места в его повести, несомненно, написаны под влиянием баллады Жуковского.

Только в 1831 году Жуковскому удалось напечатать балладу. Правда, ему пришлось сильно переделать ее. В угоду цензуре в новом варианте Жуковский ослабил могущество сатаны: сатана уже не может войти в храм.

Мы печатаем балладу в первой, запрещенной цензурой, редакции.

Чернец — монах.

Ловитва — лов (от глагола ловить).

ВАРВИК

Написано 24—26 октября 1814 года.

«Варвик» — перевод баллады Саути «Lord William» (Лорд Вильям). В собрании своих стихотворений Саути в предисловии к балладе предупреждал читателей, что «история, рассказанная в этой балладе, деликом вымышлена».

АЛИНА И АЛЬСИМ

Написано 27—30 октября 1814 года.

«Алина и Альсим» — перевод романа французского придворного поэта Ф.-О. Пароди де-Монкрифа (1687—1770) «Les constantes amours D'Alix et D'Alexis» (Постоянная любовь Алисы и Алексиса). Романс Монкрифа представляет собой стилизацию наивной старинной французской поэзии.

Тема этого стихотворения — не разрешенная родителями любовь юноши и девушки — была очень близка самому Жуковскому. Жуковский был влюблен в свою племянницу Марию Андреевну Протасову и хотел на ней жениться. Однако ее мать, сводная сестра Жуковского Екатерина Афанасьевна Протасова, катего-

рически отказалась дать согласие на этот брак, ибо православная церковь запрещает браки между столь близкими родственниками. Жуковский покорился решению сестры, но с этого времени в его стихах все чаще чувствуется грусть об утраченном личном счастье. И для переводов он выбирает те баллады, в которых говорится о разлуке любящих сердец, о неизменной любви и т. д.

Досканд — деревянный ящик.

Агнец — ягненок.

ЭЛЬВИНА И ЭДВИН

Написано 28—30 октября 1814 года.

«Эльвина и Эдвин» — перевод баллады «Edwin and Emma» (Эдвин и Эмма) английского поэта, драматурга, крупного общественного деятеля Англии Давида Маллета (1706—1765), автора знаменитой национальной песни англичан «Правь, Британия!»

Жуковский вложил в перевод английской баллады собственное душевное настроение, связанное с его неудачным сватовством (см. комментарий к «Алине и Альсиму», стр. 296). По словам друга Жуковского, «в балладе Эльвина и Эдвин читаешь как будто содержание разговоров Жуковского с Екатериной Афанасьевной:

С холодностью смотрел старик суровый
На их любовь, на счастье двух сердец.

«Расстаньтесь!» роковое слово

Сказал он наконец.

АХИЛЛ

Написано 1—3 ноября 1814 года.

Содержание баллады заимствовано из поэмы Гомера «Илиада». В «Илиаде» рассказывается, что друг Ахилла, греческий военачальник Патрокл, сын Менетия, был убит в единоборстве троянским героем Гектором, сыном троянского царя Приама.

Узнав о смерти друга, разъяренный Ахилл выехал навстречу Гектору, убил его и, привязав тело Гектора к своей колеснице, волочил труп по земле на глазах обьятых ужасом троянцев.

Ночью Приам приехал в греческий лагерь умолять Ахилла вернуть семье тело Гектора для погребения, ибо, по верованиям древних греков, душа умершего не найдет себе успокоения до тех пор, пока тело его не будет погребено.

Увидев Приама, Ахилл берет лиру и начинает петь. Он поет о своей надвигающейся гибели. Он знает, что, убив Гектора, он ускорил свою смерть — «путь к Тенару проложил» (Тенар — древнее название мыса Матапана в Лаконии, в Спарте. Древние греки верили, что находившаяся у подножия этого мыса пещера служила входом в Аид. Аид — преисподняя, царство мертвых).

Жуковский в своем примечании к балладе пишет: «Ахиллу дано было на выбор или жить долго без славы, или умереть в молодости со славою — он избрал последнее и полетел к стенам Илиона. Он знал, что конец его последует за смертью Гектора, — и умертвил Гектора, мстя за Патрокла. Сия мысль о близкой смерти следовала за ним повсюду — и в шумный бой, и в уединенный шатер; везде он помнил об ней; наконец, он слышал и пророческий голос коней своих, возвестивших ему погибель».

Вот что рассказывают легенды о смерти Ахилла:

Мать Ахилла, морская богиня Фетида, для того, чтобы сделать своего сына неуязвимым, окунула его, когда он был младенцем, в воды подземной реки Стикс. От этого тело Ахилла стало непроницаемо для вражеского оружия. Но, окуная сына в Стикс, Фетида держала его за ногу, и пятка Ахилла осталась единственным незащищенным местом (отсюда выражение «Ахиллесова пятка», означающее уязвимое место). Легенда рассказывает, что Ахилл погиб, пораженный стрелой (см. комментарий к «Кассандре», стр. 289).

Все содержание «Ахилла» восходит к «Илиаде» Гомера. В своей балладе Жуковский стремился подчеркнуть проходящую через «Илиаду» идею судьбы (Мойры), преддрешающей весь жизненный путь человека.

Но если содержание и замысел «Ахилла» восходят к «Илиаде», то самый характер разработки этого замысла подсказан Жуковскому Шиллером.

Сопоставление «Ахилла» с «Кассандрой» показывает, что обе баллады построены на одном принципе. Так же как и «Кассандра», баллада «Ахилл» написана от лица самого героя, предчувствующего собственную гибель.

И да — гора близ Трои (другое название Трои — Илион).
Гекуба — жена троянского царя Приама, мать Гектора.
Андромаха — жена Гектора.
Багряница — царская пурпуровая мантия.
Парки — в мифологии древних греков три старые женщины, которые прядут нить жизни — предназначенную богами судьбу людей.

Пелид — т. е. сын Пелея, Ахилл.
«**Брата бой меня лишил**» — Ахилл называет братом своего друга Патрокла.

Сперхий — река в Фессалии, на родине Ахилла.
Стикс — река в царстве мертвых.
Харон — в мифологии древних греков — лодочник, перевозящий души умерших через реку Стикс в Аид, царство мертвых.

Неоптолем — сын Ахилла. «В то время,—пишет Жуковский в своем примечании к балладе, — когда Ахилл ратовал под стенами Илиона, Неоптолем находился в Скиросе, у деда своего, царя Ликомеда».

Атрид — т. е. сын Атрея — Агамемнон, царь Микен, предводитель греческого войска во время осады Трои.

Десница — правая рука.
Ксант и Симоис — реки, протекающие в долине около Трои.

«**Двух невидимых полет**» — т. е. полет теней Ахилла и Патрокла. По верованиям древних греков, после смерти человека душа его принимает образ его тени.

ЭОЛОВА АРФА

Написано 9 и 13 ноября 1814 года.

«Эолова арфа» — оригинальная баллада самого Жуковского. Современная Жуковскому критика указывала, что «все краски и цвета для этой баллады заимствованы из поэм Оссиана» (об Оссиане см. комментарий к «Людмиле», стр. 287).

Эолова арфа — музыкальный инструмент, состоящий из деревянного ящика, в котором натянуты струны. От движения воздуха струны издают гармонические нежные звуки. Арфа эта называлась Эоловой по имени греческого бога ветров Эола.

Елени — олени.

МЩЕНИЕ

Написано в 1816 году.

«Мщение» — перевод баллады «Die Rache» (Мечь) немецкого поэта-романтика Иоганна-Людвига Уланда (1787—1862).

ГАРАЛЬД

Написано в 1816 году.

«Гаральд» — перевод баллады Уланда «Herald».

Для своей баллады Уланд воспользовался одной из многочисленных скандинавских легенд о короле Дании и Швеции Гаральде Гильдетанде, царствовавшем в конце VII и начале VIII века. Легенды рассказывают, что Гаральд был в дружбе с самим верховным богом Одином, который обучил его военному искусству, что жил Гаральд 150 лет, что из них 50 лет он царствовал.

Гаральд — такой же любимый герой народных сказаний в Дании и Швеции, как Карл Великий во Франции или Фридрих Барбаросса в Германии. О Фридрихе Барбароссе немецкие народные сказания рассказывают, что он не умер, а заснул, скрытый в высокой горе. Подобно этому сказанию о Барбароссе, в северных сагах было создано сказание о том, что Гаральд не умер, а уснул, чудесно замороженный.

ТРИ ПЕСНИ

Написано в 1816 году.

«Три песни» — перевод стихотворения Уланда «Die drei Lieder».

Переводя балладу, Жуковский изменил весь ее колорит: место действия он перенес на север, немецкие имена заменил скандинавскими.

Скальд — так в древности называли народных поэтов в Исландии и Скандинавии.

ДВЕНАДЦАТЬ СПЯЩИХ ДЕВ

Первая баллада «Громобой» и посвящение А. А. Протасовой (см. комментарий к «Светлане», стр. 290) написаны в 1810 году.

Вторая — «Вадим» — с 1814 по 1817 год. В 1817 году Жуковский, окончив «Вадима», написал посвящение своему другу Д. Н. Блудову, которое он предпослал «Вадиму», и общее посвящение к «Двенадцати спящим девам»: «Опять ты здесь, мой благодатный гений» (эти стихи — перевод посвящения, которым Гёте начинает «Фауста»: «Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten»). Таким образом, вся баллада писалась около 8 лет.

Баллады «Громобой» и «Вадим» представляют собой переработку романа немецкого писателя Х. Г. Шписса (1755—1799): «Die zwölf schlafenden Jungfrauen, eine Geistergeschichte» (Двенадцать спящих дев. Рассказ с духами).

Но Жуковский очень далеко отошел от своего оригинала. Он не сохранил ни грубых приключений, характерных для рыцарского романа, ни грубых любовных похождений. Стремясь придать своему произведению русский колорит, Жуковский перенес действие романа в Россию (на берега Днепра) и дал своим героям условные древнерусские имена Громобоя и Вадима, имена, связанные с легендами о «героических временах» исторического прошлого русского народа.

Современники сразу же отметили, что Жуковский обогатил рассказ Шписса.

Один из критиков писал: «Тут вся прелесть в описании невинных чувств любви».

Впоследствии Пушкин в «Руслане и Людмиле» пародировал не только, как он говорил, «прелестные элегии «Двенадцати спящих дев», но и самый сюжет баллады.

В четвертой песне Пушкин рассказывает о том, как витязь увидел на стене замка одинокую деву:

Наш витязь мимо черных скал
Тихонько проезжал и взором
Ночлега меж дерев искал.
Он на долину выезжает,
И видит: замок на скалах
Зубчаты стены возвышает;
Чернеют башни на угах;
И дева по стене высокой,
Как в море лебедь одинокой,
Идет, зарей освещена;
И девы песнь едва слышна
Долины в тишине глубокой.

Здесь, в этих стихах, конечно, пародии еще нет. Пушкин серьезно разрабатывает ту же тему, что и Жуковский. Но дальше в стихах Пушкина видна явная пародия.

У Жуковского дева смиренно бродит по стене, тихо вздыхая, опустив глаза: с верой и упованием на провидение ожидает она своего избавителя. А у Пушкина дева поет призывную песню о шумных пирах, о неге и красавицах.

Пушкин вносит в эту песню мысли и настроения, противоположные религиозному и нравственному настроению баллады Жуковского. Вот что поет дева у Пушкина:

Ложится в поле мрак ночной;
От волн поднялся ветер холодный.
Уж поздно, путник молодой!
Укройся в терем наш отрадный.

Здесь ночью нега и покой,
А днем и шум и пированье.
Приди на дружное призвание,
Приди, о путник молодой!

У нас найдешь красавиц рой;
Их нежны речи и лобзанье.
Приди на тайное призванье,
Приди, о путник молодой!

Но еще отчетливее пародирование баллады Жуковского звучит в тех стихах, где Пушкин рассказывает о появлении Ратмира в замке:

Она манит, она поет:
И юный хан уж под стеною;
Его встречают у ворот
Девиды красные толпою;
При шуме ласковых речей
Он окружен; с него не сводят
Они пленительных очей;
Две девиды коня уводят;
В чертоги входит хан молодой,
За ним отшельник милый рой;
Одна снимает шлем крылатый,
Другая кованые латы,

Та меч берет, та пыльный щит;
 Одежда неги заменит
 Железные доспехи брани.
 Но прежде юношу ведут
 К великолепной русской бане.
 Уж волны дымные текут
 В ее серебряные чаны,
 И брызжут хладные фонтаны;
 Разостлан роскошью ковер;
 На нем усталый хан ложится;
 Прозрачный пар над ним клубится;
 Потупя неги полный взор,
 Прелестные, полунагие,
 В заботе нежной и немой,
 Вкруг хана девы молодые
 Теснятся резвою толпой.

Сам Пушкин впоследствии писал об этих стихах: «Непростительно было, особенно в мои лета, пародировать, в угождение черни, девственное поэтическое создание».

А с м о д е й — сатана.
 Г о р н я я б л а г о д а т ь — небесная благодать.
 К л и р — дерковнослужители одной дерквы (священник, дьякон, причетники, певчие).
 В о н м и — внемли.
 С о н м — сход, сборище.
 В л ю д с т в е — на людях.
 С и р — одинок, бесприютен.
 С н е д ь — пища.
 Г е е н н а — ад, преисподняя.
 В е р и г и — железные цепи, которые верующие надевали для самоистязания.
 С е р а ф и м — шестикрылый ангел.
 З р а к — глаз.
 Ч р е с л а — бедра.
 Г о р н е й — вышней.
 Т м и т с я — затемняется.
 Д е с н а, д е с н и ц а — правая рука.
 П е р у н о г н е к р ы л а т ы й. — Перун — бог грома; перун огнекрылатый — молния.

Петел — петух.
Вран — ворон.
Куща — шалаш, палатка.
Рамена — плечи.
Брашно — яство, еда.
Потешные огни — фейерверк.
Кормило — руль.
Кормщик — рулевой, водитель.
Талар — верхняя одежда католического священника.
Ветрило — парус.
Возглашается горè — возглашается в вышину, к небу.

РЫБАК

Написано в январе 1818 года.

«Рыбак» — перевод баллады Гёте «Der Fischer».

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГ

Написано в январе 1818 года.

«Рыцарь Тогенбург» — перевод баллады Шиллера «Ritter Togenburg».

В этой балладе Шиллер изображает постоянную, идеальную любовь. Образ рыцаря, всю жизнь тоскующего и вздыхающего по недоступной ему девушке, — стал символом романтической, идеальной влюбленности.

Впоследствии образ Тогенбурга — вечного влюбленного — был высмеян в знаменитой балладе Козьмы Пруткова. Вот эта баллада:

БАЛЛАДА

(С немецкого)

Барон фон-Гринвальюс,
Известный в Германьи,
В забралах и в латах,
На камне, пред замком, —
Пред замком Амальи,
Сидит, принахмурясь, —
Сидит и молчит.

Отвергла Амаля
Баронову руку.
Барон фон-Гринвальюс
От замковых окон
Очей не отводит
И с места не сходит, —
Не пьет и не ест.

Года за годами;
Бароны воюют,
Бароны пируют...
Барон фон-Гринвальюс,
Сей доблестный рыцарь,
Все в той же позиции
На камне сидит.

И помчался в Палестину
Крест на раменах —

В средние века в Европе не раз собирались целые полчища рыцарей, монахов, простолюдинов, отправлявшихся воевать в Палестину. По верованиям христиан, в Иерусалиме, в одном из храмов стоит гроб господень. Рыцари украшали свои латы крестами и шли в Палестину, чтобы освободить гроб господень из рук неверных. И хотя настоящей причиной этих войн было стремление европейцев захватить торговые пути на Восток и присвоить себе богатства восточных народов, войны эти считались священными, и кресты, которыми были украшены рыцарские рамена (плечи), были знаком того, что воюют они во имя распространения веры Христовой.

Таким рыцарем-крестоносцем и был рыцарь Тогенбург.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Написано в марте — апреле 1818 года.

«Лесной царь» — перевод баллады Гёте «Erlkönig». Сюжет для своей баллады Гёте заимствовал из народных песен, собранных немецким ученым, поэтом и философом Иоганном-Готфридом Гердером (1744—1803). «Erlkönig» Гердера является, в свою очередь, пересказом датской народной баллады, заглавие которой Гердер прочел неправильно: баллада называется не «Erl-

könig» (эрл, или ярл, — по-датски граф), а «Elfkönig» (т. е. король эльфов). Лесной царь потому и рассказывает ребенку о воздушном хороводе своих дочерей-эльфов, что сам он — король эльфов.

ГРАФ ГАПСБУРГСКИЙ

Написано в апреле — мае 1818 года.

«Граф Габсбургский» — перевод баллады Шиллера «Der Graf von Habsburg».

Героем своей баллады Шиллер избрал графа Рудольфа Габсбургского (1218—1291) — родоначальника королевской династии Габсбургов, царствовавшей в Австрии вплоть до XX века.

Рудольф был одним из первых объединителей Германии, прекратившим феодальные смуты.

Он был избран «императором Священной Римской империи германской нации» 24 октября 1275 года. Избрание это происходило в городе Ахене, где Рудольф и короновался.

Семь избирателей — это семь курфюрстов, владетельных князей, участвовавших в избрании Рудольфа; из них в балладе упомянуты пфальцграф рейнский — имперский стольник, который нес во время шествия державу, а во время пира подавал кушанья, и король Богемии и Чехии Оттокар — «богемец», как его называет Шиллер — имперский виночерпий, подававший вино.

Но Шиллер отступил от исторической истины: Оттокар на самом деле не участвовал в торжествах, так как он был против избрания Рудольфа. Впоследствии Оттокар вел войны с Рудольфом и погиб в одном из сражений.

Семь курфюрстов сравниваются с семью звездами потому, что в то время считали, что планет, вращающихся вокруг солнца, — всего семь.

К образу Рудольфа Габсбурга, «объединителя Германии», Шиллер обратился не случайно. Во времена Шиллера, в конце XVIII века и начале XIX, Германия была раздроблена. Немецкие патриоты и националисты очень отчетливо ощущали слабость Германии, проистекавшую от ее раздробленности на ряд мелких государств. Эта раздробленность феодальной Германии делала ее беспомощной в борьбе с французской революционной армией, с армией Наполеона. Именно поэтому немецкие националисты

склонны были идеализировать образ Рудольфа, усмирившего в XIII веке феодальные смуты и объединившего всю страну. Эти настроения и отразил Шиллер в своей балладе об императоре Рудольфе.

Жуковскому националистические настроения Шиллера были совершенно чужды. В балладе Шиллера его внимание привлекла не идеализация Габсбургов, но самая тема об идеальном правителе. Образ «кроткого владыки», «смиренно» творящего добрые дела, — вот что он прежде всего увидел в этой балладе. Это сказалось и в переводе. Главное, что подчеркивает Жуковский в своем переводе, — это кротость Рудольфа, его смирение и набожность. Так, у Шиллера говорится о том, что Рудольф передал священнику поводья своего коня, у Жуковского он подает «ноге его стремя». У Шиллера сказано, что Рудольф снимает перед ним шляпу, у Жуковского — преклоняет пред ним колена.

В своем переводе Жуковский подчеркнул и развил те стороны рассказа, которые соответствовали его собственным идеальным представлениям о верховном правителе.

Талар — верхняя одежда католического священника.

Гельвеция — Швейцария.

«Шесть знаменитых корон» — шесть дочерей Рудольфа были выданы замуж за соседних владетельных герцогов и королей.

УЗНИК

Написано 30 ноября 1819 года.

Баллада «Узник» может быть названа одним из первых русских произведений об узниках и пленниках. В 20—30 годах XIX века эти произведения буквально наводнили русскую литературу («Кавказский пленник», «На волю птичку выпускаю», «Сижу за решеткой в темнице сырой», «Шильонский узник» и др.). Этот образ узника, томящегося по свободе, переключался в русскую литературу из произведений европейских писателей-романтиков.

Основой для «Узника» Жуковского послужила элегия французского поэта Андре Шенье (1762—1794) «La jeune captive» (Молодая пленница).

В это же время Жуковский читал Байрона, увлекался его «Шильонским узником». Он переделал элегию Шенье в духе

байронических произведений, усилив мрачное и пессимистическое отношение героя к жизни.

Когда «Узник» стал известен другу Жуковского, критику и поэту П. А. Вяземскому, тот очень отрицательно оценил поддельность байронических настроений этой баллады. Он писал одному из своих друзей: «Затворник» («Узник») Жуковского прелестен, но как его чорт не дернул заговорить с невидимой соседкой. Они влюбились бы друг в друга, и я уморил бы обоих в страданиях Танталовых. Таким образом, кусок был бы жирнее.

Кто след ее забытых дней
Укажет?
Кто знает, где она цвела?

«Уголовная палата, тюремщики, летописи тюремные. Я не шучу: меня это своею неистиною поразило».

ИВАНОВ ВЕЧЕР

Написано 6 июне 1822 года.

«Иванов вечер» — перевод баллады Вальтер Скотта «The eve of St. John» (Канун святого Джона).

Ивановой ночью в народе называли ночь под Ивана Купалу — с 23 на 24 июня. По древнему обычаю в ночь с 23 на 24 июня происходило народное празднество. Обычай этот шел еще от времен язычества и был связан с высшей точкой летнего солнцестояния. Христианская церковь первоначально боролась с этим праздником, а потом придала ему другой смысл, приурочив к 23 июня празднование рождения своего святого Иоанна Крестителя. Но, приняв празднество, церковь продолжала борьбу с его языческими обрядами: прыганьем через костры, гаданиями, сбором чудотворных трав, зацветающих будто бы в ночь на Купалу, и т. д.

Закончив балладу «Иванов вечер», Жуковский отдал ее литератору Воейкову для напечатания в его газете. Через несколько дней Жуковский получил от Воейкова письмо, в котором тот сообщал, что баллада запрещена цензурой.

«Баллада твоя торжественно признана безбожною и безнравственною, распространяющей вредные предрассудки, — писал Воейков. — Цензура не иначе позволит ее напечатать, как

тогда, когда ты переменишь обряды греческой религии на обряды шотландской!!!? Например стиха [т. е., «например, в стихе». Ц. В.]:

И она, помолясь и крестом оградясь.

Мертвецу до стола дотрагиваться ни шуйцею, ни десною Красовский [цензор. Ц. В.] не позволяет, тем менее выжигать на нем клеймо.

«Первое: потому что мебель портится, второе: потому что казна одна вправе накладывать на товары свои клейма. Он прямо объявил мне: что как в этой балладе нет ничего приятного, полезного и нравственного, то не велика потеря для читателей. Из слов Бирюкова [другого цензора. Ц. В.] показалось мне, что он при вчерашнем докладе (в среду) говорил уже о ядовитости твоей баллады князю Голицыну [министру просвещения и духовных дел. Ц. В.] и что князь согласился с мнением Ценз. Комитета. Впрочем, это одна догадка: дай бог, чтоб я ошибся!»

Возмущенный самоуправством цензуры, Жуковский написал письмо к князю Голицыну. «Я не в состоянии даже вообразить, — писал он, — на чем г. г. цензоры основывают свое мнение; но слышал, что их между прочим в следующем стихе:

И ужасное знаменье в стол возжжено!

пугает слово *знаменье*, должно ли замечать, что слово *знаменье* и *знак* одно и то же, и что ни в том ни в другом нет ничего предосудительного? Если же цензоры думают, что слово *знаменье* исключительно принадлежит предметам священным и не должно выражать ничего обыкновенного, то они ошибаются, и надобно отказаться от знания русского языка, чтобы в этом случае с ними согласиться. Еще сказывают о требовании, чтобы я обряды греческой церкви, будто описанные в балладе Вальтер Скотта, заменил *обрядами шотландскими*. Такое требование для меня совсем непонятно. Во-первых, описаны и английским поэтом и мною не греческие священные обряды, а римско-католические, ибо во время, к которому относится происшествие, рассказанное в балладе, римское вероисповедание было общее в западной Европе: тогда не было реформатских и того менее особых шотландских обрядов. Во-вторых, если бы даже в сем сочинении были описаны обряды греческого богослужения, то и в этом можно ли находить что-либо противное

правственности? .. Наконец, главный порок сей баллады, по мнению г. г. цензоров, есть заключение. Убийца от ревности и неверная жена скрываются друг от друга и от света в уединении монастырском; один *дичится людей и молчит*; другая не смеет *взглянуть на свет и грустна*: явное действие раскаяния, в тайне терзающего их души. Вот и все! И в этом господа цензоры видят оскорбление монашеского сана. Итак, мы в угодность им должны думать, что раскаяние не есть возвращение к добродетели, что оно, изливаясь в слезах пред алтарем в сих святых обителях, где все вещает о смерти и вечности, следственно о покаянии, не может своею таинственною силой примирить преступника с небом, такое мнение противоречит не одному человеческому разуму, а учению бога спасителя! Как же утверждать, что писатель, представляющий злодея, заключившего себя в стенах монастырских для покаяния, проповедует противное вере, что он оскорбляет святыню! В переводе моем нет точного слова *раскаяние* единственно потому, что его нет в оригинале, что я не хотел сделать из стихов прозу и что самое слово здесь ни мало не нужно для полной ясности. Г. г. цензоры видят ли в моей балладе то, чего в ней нет, или произвольно предполагают в ней дурное — не знаю!»

Возникла длинная цензурная переписка. Дело приобрело скандальный характер и стало известно за границей.

Балладу попытался напечатать в своем альманахе «Полярная Звезда» Рылеев, но ему это не удалось.

В конце концов через два года Жуковский все-таки напечатал свою балладу, переименовав ее заглавие. Она была напечатана под названием «Замок Смальгольм» в одном журнале и под названием «Дунканов вечер» — в другом.

Впоследствии Пушкин, перечисляя примеры бессмысленных и тупых притеснений, чинимых царскою цензурою литературе, привел в числе наиболее показательных фактов и историю запрещения баллады Жуковского. Он писал: «В славной балладе Жуковского назначается свидание накануне Иванова дня; цензор нашел, что в такой великий праздник грешить неприлично, и никоим образом не хотел пропустить баллады В. Скотта».

В балладе Вальтер Скотта рассказываются события, относящиеся к эпохе феодальных войн между Англией и Шотландией. В 1545 году английский лорд Эверс и баронет Бриан Латон

вторглись в Шотландию, сожгли около 200 замков, домов, церквей, убили и увели в плен сотни людей.

Вальтер Скотт сделал к своей балладе подробное примечание, в котором он рассказывает, кто такой Дуглас, Эверс, Боклю. что за битвы были на Анкрамморских полях и т. д. Вот это примечание:

«Английский король Генрих VIII обещал отдать «сим хищникам» [т. е. лорду Эверсу и Бриану Латону. Ц. В.] разоренный ими край в феодальное поместье. Услышав о том, Арчибальд Дуглас граф Ангусский [один из шотландских феодалов. Ц. В.] поклялся, что он напишет жалованную грамоту на них самих острым пером и кровавыми чернилами. «Узнают, — прибавил он, — каково ругаться над гробами моих предков», ибо лорд Эверс и Бриан Латон истребили могильные камни Дугласова рода в аббатстве Мельрозском. В 1545 году они опять вступили в Шотландию; с ними было 3000 наемных иностранных воинов, 1500 англичан из ближних графств и 700 присягнувших Англии шотландцев. Сей второй набег еще более первого ознаменован делами бесчеловечия: лорд Эверс, взяв Брумгауз, сжег не только замок, но, как утверждает Леслей, и владетельницу оного, престарелую почтенную женщину со всем ее семейством. Дошедши до Мельрозского аббатства и снова разграбив оное, англичане отступили к Джедборгу; в сем месте их догнал граф Ангусский с тысячею человек конницы; к нему вскоре присоединился и славный Норман Леслей; он начальствовал войсками графства Файвского: лорд Эверс, вероятно, опасаясь переправляться через речку Тевинот в виду шотландцев, остановился среди полей, принадлежащих деревне Анкрам-Мур: полководцы шотландские со своей стороны не знали, идти ли им вперед. Пока они рассуждали о том, прискакал с небольшим числом своих отборных ратных людей (retainers) баронет Вальтер Скотт-Боклю: ему, как опытнейшему воину того времени, историки Буханан и Питтскотти приписывают успех последовавшего за сим сражения. По его совету граф Ангусский отступил с занятой им горы и, расположив свои войска у подошвы оной, на равнине, называемой Паниерг или Паниел-Гейг, отправил часть легкой конницы еще далее назад. Увидев ее на одном из крайних к горизонту холмов, англичане сие сочли знаком общего бегства шотландцев и устремились за ними в погоню; но едва достигли оставленной Дугласом высоты, как им представилась главная сила шотландских копейщиков (spearmen), готовая к бою. Тогда шотландцы двинулись вперед и с яростью ударили на английские войска, уста-

лые, изумленные и сверх того ослепляемые лучами заходящего солнца и облаками пыли, которые навевал на них сильный встречный ветер. Говорят, что в минуту нападения цапля, испуганная шумом, поднялась из ближайшего болота: «жаль, сказал граф Ангусский, что здесь нет моего сокола; у нас бы разом было две потехи». Как скоро смешались ряды англичан, то невольные присяжные их шотландцы, ждавшие лишь сего случая, сорвали с себя красные английские кресты, присоединившись к единомышленникам, и, убивая бегущих неприятелей, восклицали: помни Брумгауза! В сей битве погибли лорд Эверс, баронет Бриан Латон, сын его, множество других знатных людей и 800 рядовых воинов; 1000 человек взяты в плен...

«Генрих VIII, узнав о смерти Эверса, грозился отомстить графу Ангусскому. Дуглас отвечал с чувством достойным своего рода: «неужли мой шурин (граф Ангусский был женат на одной из сестер Генриха, Маргарите, вдове шотландского короля Якова IV) сердится за то, что я, как добрый шотландец, отплатил Ральфу Эверсу за разорение отеческой земли и отеческих гробов: кажется, предки мои того стоили; они были лучше нас и короля Генриха; а он за то хочет отнять у меня жизнь, пусть отведает: ему худо знакомы горы Кирнетельские; в них я продержусь против всей его английской армии».

Это примечание Жуковский напечатал вместе со своим переводом баллады Вальтер Скотта.

Кроме того Жуковский сделал к своей балладе следующие примечания, частью также заимствованные у Вальтер Скотта:

«Замок Смальгольм (Smaylho'm или Smallholm Tower), где полагается сцена происшествия, описанного в сей балладе, известен любителям шотландских древностей и живописных видов. Он стоит на возвышенном месте, неподалеку от северных пределов графства Роксбургского и в самой середине пустынных утесистых гор, называемых песчаными скалами (Sandiknow-crag). Доселе цело главное здание, огромная четверугольная башня: окружающий ее широкий двор был обнесен стеною, ныне упавшею, и сверх того защищаем почти отовсюду глубоким оврагом и болотом; приближение к оному возможно только с западной стороны и то по крутой, каменистой тропинке. Комнаты замка, как во всех пограничных шотландских крепостях, расположены по одной в каждом ярусе и соединяются узенькими лестницами, стены в девять футов толщины; кроме внутренних деревянных дверей, вход загражден извне железною рогаткою;

на кровле два бартизана, или платформа, кои могли служить и для обороны в случае осады, и для прогулки и обозрения окрестностей.

«Одна из ближайших к замку гор господствует над прочими; она называется: Watchfold (сторожевая), тут, в смутное время беспрестанной войны с Англией, зажигался маяк и стоял караул. У стены, вне двора, и теперь еще видим развалины часовни.

«Вальтер Скотт, автор сей баллады, в младенчестве своем жил в соседстве Смальгольм, иногда и в самом замке, который принадлежит одному из его родственников [в примечаниях у Вальтера Скотта его имя названо: Хью Скотт. Ц. В.], и по чувству благодарности захотел прославить его стихотворною сказкою: формы оной (между прочим частые рифмы на полустишия) заимствованы им из народных былевых песен южной Шотландии (Border-tale); содержание имеет сходство с одним старинным преданием, доньше сохранившимся у суеверных ирландцев».

«Торопясь в Бротерстон — Бротерстон, уединенная лощина в горах, за несколько миль от Смальгольма».

«Где подымается мрачный Эльдон — Эльдон высокий холм с тремя коническими вершинами, над самым городом Мельрозом, в который любопытные приезжают смотреть развалины великолепного монастыря. На Эльдоне, как повествуют, под деревом, давно уже истлевшим, произносил свои предсказания славный поэт и прорицатель XIII столетия, Тормас Лирмонт, владеец замка Эрсильдона, прозванный: the Rumer, то есть Рифмо или Стихотворец».

«Есть монахиня в древних Драйбургских стенах — Драйбургское аббатство (Dryburgh Abbey) расположено на берегу реки Твид. Вальтер Скотт здесь воспользовался рассказами сторожиков о монахине, которая в начале 70-х годов 18 века поселилась в развалинах Драйбургского замка, жила в полном одиночестве и выходила только ночью за пищей, которую ей оставляли добрые люди».

ТОРЖЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Написано в 1828 году.

«Торжество победителей» — перевод баллады Шиллера («Das Siegesfest»).

Баллада Шиллера построена как античная хоровая песнь с двумя перекликающимися голосами.

Шиллер писал о своей балладе: «Удивительно роковая пу-

чина для поэзии эти хоровые песни. Проза действительной жизни свингом тянет вдохновение к земле... я напал на роскошную жатву «Илиады» и унес из нее, что мог».

Действующими лицами своей баллады Шиллер избрал героев «Илиады» Гомера. Он показывает их в тот момент, когда война греков с Троей, о которой повествует «Илиада», закончена. Победители-греки собираются плыть домой, на родину.

Баллада изображает картину торжества греков и отчаяния и горя троянцев. Сквозь всю балладу отчетливо проходит мысль, характерная для мировоззрения античного человека:

Спящий в гробе, мирно спи.
Жизнью пользуйся, живущий.

Приамов град священный. — Приам — троянский царь, Приамов град — Троя (другое название Трои — Илион).

Пергам — акрополь, крепость Трои.

Эллены — эллины — греки.

Калхас — верховный жрец — прорицатель у греков.

Паллада - Афина. — Паллада — богиня мудрости, покровительница Афин. Она помогала грекам в их войне с троянцами.

Посидон — Посейдон — бог морей.

«Иносящему Горгону богу смертных и богов». — «Бог смертных и богов» — Зевс; Горгона — мифологическое чудовище со змеями вместо волос; один взгляд ее превращал человека в камень. Для того, чтобы показать грозную сокрушительную силу Зевса, его обычно изображали с головой Горгоны, висящей у него на груди.

Сын Атрея — Агамемнон, предводитель греков в Троянской войне.

Сигей — мыс на северо-востоке Малой Азии, недалеко от Трои.

Марс — бог войны.

Одиссей — царь Итаки. Он предсказал судьбу Агамемнона (см. комментарий к балладе «Кассандра», стр. 289).

Елена — жена спартанского царя Менелая.

Парид — Парис, сын троянского царя Приама. Приехав к Менелая, царю Спарты, он похитил его жену. Из-за этого началась Троянская война.

Кронид — сын Кроноса, отца богов, — в данном случае Зевс.

Олимп — гора, на которой жили боги.

Ойлеев сын — греческий герой Аякс (или Аянт), сын царя Локров Ойлея.

Патрокл — друг Ахилла, сподвижник его в битвах с троянцами.

Терсит — в «Илиаде» Гомера греческий воин, который призывал греков прекратить войну и вернуться домой. В Терсите Гомер враждебно изобразил представителя недовольного демоса (народа). «Презрительный Терсит» в данном случае значит «презренный». Во времена Жуковского окончание «ительный» обычно употреблялось вместо нынешнего «енный».

Фортуна — богиня судьбы, счастья.

«Ты мой брат...» и т. д. — второй Аякс (или Аянт), прозванный великим, сын Теламона. Когда после смерти Ахилла доспехи его были присуждены Одиссеею, Аякс в гневе и отчаянии бросился на меч. Эту строфу произносит не названный Жуковским брат Аякса Тевкр Теламонид.

Эреб — Эреб — царство мрака.

Неоптолем — сын Ахилла (см. о нем комментарий к балладе «Ахилл», стр. 299).

Диомед — царь Аргоса, храбрейший из греческих героев.

Гектор — вождь троянского войска, сын троянского царя Приама (см. о нем комментарий к балладе «Ахилл», стр. 297).

Нестор — царь Пилоса, самый старый и мудрый из греков.

Гекуба — жена Приама, мать Гектора, убитого в бою Ахиллом. У Приама и Гекубы было 500 детей.

Нибоя — дочь Тантала. У нее было 6 сыновей и 6 дочерей. Нибоя возгордилась своими детьми, и в наказание за это боги умертвили на ее глазах всех ее детей. Она же от горя превратилась в камень.

Лета — река забвенья.

Кассандра — см. комментарий к балладе «Кассандра», стр. 288.

Скамандр — река в долине Трои.

КУБОК

Окончено 10 марта 1831 года.

«Кубок» — перевод баллады Шиллера «Der Taucher» (Водолаз). Для своей баллады Шиллер воспользовался средневековой легендой о замечательном пловде Николае Пеше, или Николае Рыбе, «который подолгу оставался среди рыб». Легенда расска-

зывает, что некий король бросил свой кубок в страшный водоворот Харибду и предложил Николаю Рыбе достать этот кубок. Николай Рыба кинулся в Харибду, нашел кубок и, вернувшись на берег, рассказал о тех ужасах, которые он видел под водой. В награду король подарил ему кубок. Потом король спросил его: решится ли он броситься в пучину снова? Николай Рыба ответил: нет! Но король обещал ему богатую награду, — жадность преодолела страх, и Николай Рыба снова бросился в водоворот. Однако на этот раз он уже не вернулся обратно.

Шиллер рассказывал, что сам он никогда не видел водоворота и что он изобразил водоворот по своим впечатлениям от каскада воды, падающей с мельничного колеса. Однако Шиллер очень тщательно работал над тем, чтобы правдоподобие не было нарушено. Так, например, для того, чтобы картина подводной жизни вышла правдивой, он прочел несколько книг о водозлазах.

Изображая водоворот, Шиллер стремился также воссоздать картину и живописью звуков. Ту же задачу ставил себе в своем переводе и Жуковский (см. у Жуковского: «И воет, и свищет, и бьет, и шипит...»)

Шиллер очень облагородил легенду о Николае Рыбе. Отвагу молодого пажа он объясняет не жадностью, а любовью к царской дочери.

Латник — солдат, одетый в латы.

Епанча — старинный широкий и длинный плащ.

Млат водяной, скат, мокой — рыбы из семейства акул.

ПОЛИКРАТОВ ПЕРСТЕНЬ

Написано 15—17 марта 1831 года.

«Поликратов перстень» — перевод баллады Шиллера «Der Ring des Polykrates».

Основой для этой баллады Шиллеру послужили несколько глав из «Истории» знаменитого древнегреческого историка Геродота. В этих главах Геродот рассказывает о судьбе тирана острова Самоса (расположенного в Эгейском море), Поликрата Самосского. (Тиранами древние греки называли людей, силою захвативших власть.)

Поликрат жил в VI веке до нашей эры. Под его властью Самос возвысился и занял место крупной морской державы, торгового и культурного центра древней Греции.

При дворе Поликрата жили замечательные ученые и поэты, в том числе поэт Ивик из Региума (см. примечание к «Ивиковым журавлям», стр. 292).

Вот что рассказывает о Поликрате Геродот:

«Он заключил дружественный союз с египетским царем Амасидом, в знак чего послал ему подарки и от него получил таковые. После этого в короткое время могущество Поликрата увеличилось, и слава о нем разносилась по Ионии и по всей Элладе. Действительно, где бы он ни вел войну, везде за ним следовала удача. Он располагал сотней пятидесятивесельных кораблей и тысячей стрелков из лука. Он покорил множество островов и взял многие города на суше.

«Чрезвычайное счастье Поликрата было небезызвестно и Амасиду и сильно тревожило его. Так как счастье Поликрата все возрастало, то Амасид написал к нему письмо, которое и отослал на Самос: «Амасид так говорит Поликрату. Приятно слышать, что друг и союзник благоденствует; но твои необыкновенные удачи не радуют меня, потому что я знаю, как завистливо божество. И для себя и для тех, кто мне дорог, я желаю бы, чтобы удачи сменялись неудачами, и потому предпочел бы существование с переменным счастьем, нежели с постоянным. В самом деле я никогда не слышал, чтобы кто-либо, пользуясь во всем удачею, не кончил несчастливо и не был бы уничтожен окончательно. Поэтому послушай меня и прими против твоего счастья следующую меру: сообрази, что есть у тебя самого драгоценного, потерю чего ты был бы огорчен, возьми эту вещь и закинь так, чтобы никогда больше она не попадалась на глаза людям. Если и после этого удачи не будут у тебя перемежаться с неудачами, то и впредь исправляй свою судьбу предлагаемым мною способом».

«По прочтении письма Поликрат понял, что Амасид дает ему благой совет, и стал раздумывать, потеря какого драгоценного предмета огорчила бы его наиболее. Размышления привели к следующему: был у него перстень с печатью, смарагдовый, отделанный в золото, работы самиянина Феодора, сына Телекла. Решивши забросить перстень, Поликрат поступил так: снарядил пятидесятивесельный корабль, взошел на него сам и приказал отплыть в открытое море. Отшедши далеко от остро-

ва, он на глазах у всех спутников снял перстень и бросил в море, за сим поплыл обратно, вернулся домой и загрустил.

«На пятый или на шестой день после этого случилось следующее: рыбак поймал большую прекрасную рыбу и решил поднести ее в дар Поликрату. С рыбой в руках подошел он к дверям замка и объявил, что желает быть представленным самому Поликрату. Так и случилось; а вручая рыбу Поликрату, рыбак сказал: «Поймавши такую рыбу, дарь, я решил не нести ее на рынок, хотя и живу трудами рук своих; она показалась мне достойной тебя и твоей власти, и потому я подношу ее в дар тебе». Поликрату понравилось это приветствие, и он сказал: «Ты поступил очень хорошо, и тебе следует двойная благодарность: за речь и за подарок. Мы зовем тебя на обед».

«Рыбак считал это для себя большою честью и возвратился домой. Между тем слуги разрезали рыбу и в животе ее нашли перстень Поликрата. Увидевши перстень, они тотчас взяли его и с радостью понесли к Поликрату; вручая его, они рассказывали, как он был найден. Поликрату пришло на мысль, что это — дело божества; потом он написал в письме все, что сделал и что с ним было, и послал письмо к Амасиду.

«По прочтении письма от Поликрата, Амасид понял, что человек бессилен спасти другого от предстоящего ему несчастья, и что Поликрата ждет дурной конец, хотя он и пользуется постоянным счастьем: он находит даже то, что забрасывает. После этого Амасид через посла, отправленного на Самос, объявил, что он разрывает с ним дружбу; делал он это для того, чтобы самому не терзаться за друга, когда с Поликратом случится страшное несчастье».

В подтверждение верования, что за чрезмерным счастьем следует несчастье, Геродот рассказывает дальше историю гибели Поликрата.

Соседнее с Самосом государство — Персия (ныне Иран) — напуганное усилением могущества умного и опасного соседа, решило отделаться от Поликрата хитростью. Персидский сатрап, Оройт (сатрап — губернатор провинции в древнем Персидском царстве, пользовавшийся неограниченной властью) заманил к себе Поликрата под предлогом того, что хочет показать ему какие-то сокровища, и приказал распять его вниз головой.

В основу своей баллады Шиллер положил идею древних греков о Роке, который строго предопределяет каждому человеку долю его счастья и несчастья.

Однако Жуковскому было совершенно чуждо тесно связанное с этими верованиями представление древних греков о зависти богов. Оно противоречило христианским взглядам Жуковского. Поэтому все места шиллеровской баллады, в которых Шиллер говорит о зависти богов, он оставил не переведенными.

М и л е т — древнегреческое государство-город на побережье Малой Азии.

К р и т — остров в Средиземном море.

Ф и а л — у древних греков сосуд для питья.

М з д о и м е д — корыстолюбед.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ

Написано 17—19 марта 1831 года.

«Жалоба Цереры» — перевод баллады Шиллера «Klage der Ceres».

В «Жалобе Цереры» Шиллер стремился показать единство смерти и жизни, показать смерть, как начало новой жизни: брошенное в землю зерно умирает, но его гибель есть начало жизни растения. Для раскрытия этого замысла Шиллер воспользовался религиозными представлениями древних греков, связанными с поклонением богине плодородия и земледелия Церере. В своей балладе Шиллер разработал миф о том, как бог преисподней Аид похитил у богини плодородия и земледелия Цереры ее дочь Прозерпину и сделал ее властительницей в царстве мертвых.

Баллада Шиллера имеет и автобиографический смысл. В ней Шиллер аллегорически говорит о смерти своей любимой сестры Нанеты. Пересказывая миф о богине Церере, тоскующей о своей дочери, Шиллер внес в горе Цереры ноты своей личной грусти.

Жуковский, в свою очередь, этот субъективный характер баллады подчеркнул еще сильнее.

А п о л л о н о в ы л у ч и — лучи смерти; по верованиям древних греков, Аполлон был не только богом света, но и богом, насылающим смерть и гибель.

Э р е б — царство вечного мрака.

П л у т о н, или Аид, — бог преисподней.

Х а р о н, **С т и к с**, **П а р к и** — см. комментарий к балладе «Ахилл», стр. 299.

Гелиос — бог солнца, солнце.
Ирида — богиня радуги.
Ахерон — река в Аиде.
Борей — бог северного ветра, северный ветер.
Вертумн — древний итальянский бог плодородия.
Аврора — богиня зари.
Кодит — река в подземном царстве мертвых.

СУД БОЖИЙ НАД ЕПИСКОПОМ

«Суд божий над епископом» — перевод баллады Саути «God's Judgment on a Bishop».

Саути воспользовался для своей баллады средневековой легендой об архиепископе Гаттоне (Palto), жившем во времена императора Оттона Великого. В 914 году был страшный голод. Архиепископ Гаттон созвал к себе всех голодных и сжег в амбаре. «Этот бедный народ, — сказал Гаттон, — совершенно как мыши». Согласно легенде, в наказание он был съеден мышами в собственном замке, стоящем на острове посреди Рейна.

АЛОНЗО

Написано 28 марта 1831 года.

«Алонзо» — перевод баллады Уланда «Durand» (Дуранд).

Уланд воспользовался для своей баллады рассказом о знаменитом юристе Вильгельме Дурантисе (1237—1293).

Дурантис был влюблен в дочь владельца замка Бальби и сочинил в честь ее множество песен.

Когда она заболела и умерла, Дурантис от горя тоже умер.

Но легенда рассказывает, что Бальби снова ожила и, узнав о смерти Дурантиса, ушла в монастырь.

Уланд разработал этот рассказ в духе средневековой поэзии трубадуров, поэзии, в которой воспевалась рыцарская преданная любовь к прекрасной даме.

ЛЕНОРА

Написано с 29 марта по 1 апреля 1831 года.

«Ленора» — перевод баллады Бюргера «Lenore» (см. комментарий к «Людмиле» и «Светлане», стр. 286 и 290). На этот

раз Жуковский стремился возможно точнее перевести на русский язык Бюргеру балладу.

Баллада рассказывает о событиях, связанных с войнами прусского короля Фридриха II (1740—1786) с Австрией. Австрией в это время управляла императрица Мария-Терезия (1717—1780). В стихах:

С императрицею король
За что-то раздружились —

говорится именно об этой войне между королем Фридрихом и императрицей Марией-Терезией.

ПОКАЯНИЕ

Написано с 29 марта по 5 апреля 1831 года.

Перевод незаконченной баллады Вальтер Скотта «The gray Brother» (серый брат, монах), к которой Жуковский приделал конец. Об этой балладе Пушкин писал 11 июня 1831 года: «Жуковский также перевел неконченную балладу Вальтер-Скотта Пильгрим, и приделал свой конец: прелесть».

Л и т у р г и я — главное церковное богослужение.
Г о р е — ввысь, к небу.

РОЛАНД ОРУЖЕНОСЕЦ

Написано с 31 октября по 7 ноября 1832 года.

«Роланд оруженосец» — перевод баллады Уланда «Roland Schildträger».

Сюжет своей баллады Уланд заимствовал из старофранцузских сказаний о паладине короля Карла Великого Роланде, герое знаменитого произведения «Песнь о Роланде».

«Песнь о Роланде» многократно перерабатывалась разными поэтами и писателями. К рассказам о храбрости Роланда прибавлялись всё новые и новые. Один из таких рассказов о Роландовой храбрости и пересказал в своей балладе Уланд.

Следует особенно отметить тон Уландовой баллады — просто-душный, грубоватый, энергический и жизнерадостный. Жуковский в своем переводе старался этот тон баллады Уланда сохранить.

Б р а ш е н — мн. число от брашно — яство, еда.

ПЛАВАНИЕ КАРЛА ВЕЛИКОГО

Написано 4—5 ноября 1852 года.

«Плавание Карла Великого» — перевод баллады Уланда «König Karls Meerfahrt» (Морское путешествие короля Карла).

Карл Великий (742—814) — франкский король, впоследствии император основанной им «Священной Римской империи» — один из любимейших героев средневековых легенд. Эти легенды изображают его мудрым, великим и добрым правителем, окружившим себя сподвижниками-героями.

В одной из таких легенд рассказывается о плавании Карла со своими паладинами в «Святую Землю», т. е. в Палестину. Там, согласно христианскому учению, находился так называемый «гроб господень» — святыня христиан.

Баллада разделена на строфы, как дую строфу (кроме первой и последней) произносит один из паладинов Карла.

В каждой строфе поэт решает тонкую и трудную задачу — характеризовать героя его собственной речью в пределах одной строфы.

Так, граф Ганелон — предатель и злобный трус — выдает свой характер словами:

Но только б я не утонул,
Они ж... туда им и дорога.

В песнях о Роланде рассказывается, что Ганелон предал Карла, и, когда Карл вел войну с арабами, один из его отрядов, предводительствуемый Роландом, был окружен в Ронсевальском ущелье врагами-сарацинами (мусульманами) и истреблен.

Сам Карл в балладе изображен мудрым рулевым, который выводит судно из бури прямо к цели.

РЫЦАРЬ РОЛЛОН

Написано 5—6 декабря 1852 года.

«Рыцарь Роллон» — перевод баллады Уланда «Junker Rechberger» (Барчук Рехбергер).

Уланд воспользовался для баллады народными легендами о знаменитой семье немецких рыцарей-разбойников Рехбергеров, или Рехенбергеров. Баллада Уланда написана в стиле народной саги, она полна простонародными поговорами и заканчивается

ироническим правоучением, содержащим издевательство над самим героем-барчуком и над продажей души чорту.

Для Жуковского, который был проникнут религиозными настроениями, эта народная демократическая ирония, эта издевка и над продажей души чорту и над героем-барчуком была неприемлема. Поэтому он совершенно изменил весь тон Улановой баллады, уничтожив в ней самое существенное — народный иронический тон.

Приор — в монастырях Западной Европы звание настоятеля (главы) монастырской монашеской общины.

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ

Написано 8 декабря 1832 года

«Старый рыцарь» — свободный перевод стихотворения Уланда «Graf Ebergards Weissdorn» (Боярышник графа Эбергарда).

В своей балладе Уланд воспользовался старинным рассказом о графе Эбергарде I (1445—1496) — первом герцоге Вюртембергском, который в 1468 году отправился в «обетованную землю», в Палестину, чтобы освободить «гроб господень» из рук «неверных», т. е. мусульман. (Христиане называли неверными всех, не верующих во Христа.)

УЛЛИН И ЕГО ДОЧЬ

Написано 8—10 января 1833 года.

«Уллин и его дочь» — перевод баллады английского поэта Томаса Кэмпбела (1774—1844) «Lord Ullins Daughter» (Дочь лорда Уллина).

ЭЛЕВЗИНСКИЙ ПРАЗДНИК

Написано 9—17 января 1833 года.

«Элевзинский праздник» — перевод баллады Шиллера «Das Eleusische Fest». В своей балладе Шиллер хотел показать, что переход человечества от кочевого быта к земледелию был началом зарождения человеческой культуры. Поставив перед собой задачу воспеть зарождение гражданского сознания в человеке, Шиллер придал своему произведению форму песни в честь бо-

гини Цереры. Древние греки и римляне почитали в качестве богини земледелия и плодородия богиню земли Цереру (Деметру); по их верованиям, она научила людей возделывать злаки и тем самым положила начало оседлости. В честь этой богини, покровительницы всего живущего на земле, в древней Греции, в городе Элевзине, находящемся недалеко от Афин, происходили ежегодные празднества.

Ц и а н ы — растения.

Н о м а д — кочевник-зверолов.

Г о р é — в вышине, в небе.

Ф е м и д а — богиня закона и правосудия.

П а л л а д а — Афина-Паллада — богиня мудрости, покровительница города Афин.

О р е а д ы — нимфы гор.

Д и а н а (Артемида) — богиня луны и охоты.

К а м е н ы — богини искусств, музыки.

Ц и б е л а — или К и б е л а — богиня, «великая мать богов».

Ю н о н а — римская богиня, жена верховного бога Юпитера, богиня-покровительница семейного очага.

К и п р и д а (Афродита) — богиня красоты.

С т о г н ы — площади

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- К** балладе «Людмила». Рисунки Дианы Боклэр (из книги «Ленора» Бюргера, 1796 г.).
- К** балладе «Кассандра». Рисунки Флаксмана (из книги «Илиада» Гомера. Лондон, 1805 г.).
- К** балладе «Адельстан». Рисунок Оленина (из собрания сочинений Жуковского, 1818 г.).
- К** «Балладе о том, как одна старушка ехала вдвоем». На стр. 46 рисунок Зауервейдта (из собрания сочинений Жуковского, 1831 г.).
На стр. 53 рисунок Жуковского (из 5-го издания стихотворений Жуковского, вышедшего в Карлсруэ).
- К** балладе «Варвик». Рисунок из английского издания рыцарских баллад, 1841 г.).
- К** балладе «Алина и Альсим». Рисунок Жуковского (из альбома М. А. Протасовой, 1806 г.).
- К** балладе «Ахилл». На стр. 77 рисунок Жуковского (из 5-го издания собрания стихотворений Жуковского).
На стр. 79 и 81 рисунки Флаксмана (из книги «Илиада» Гомера. Лондон, 1805 г.).
- К** балладе «Эолова арфа». Рисунок Жуковского (собрание стихотворений, 5-е изд., Карлсруэ).
- К** балладе «Мщение». Рисунок Зауервейдта (из собрания сочинений Жуковского, 1831 г.).
- К** балладе «Двенадцать спящих дев». На стр. 101 помещен титульный лист первого издания баллады, 1817 г. Рисовал Чесский.
На стр. 107 рисунок Бессонова (из того же издания).
На стр. 134 рисунок Жуковского (собрание стихотворений, 5-е изд., Карлсруэ).
На стр. 161 рисунок Зеленцова (из «Сочинений» Жуковского, 1818 г.).
- К** балладе «Рыцарь Тогенбург». На стр. 168 рисунок Жуковского (из альбома А. А. Воейковой).
На стр. 171 рисунок Дорэ (из книги «Крестовые походы», Париж).
- К** балладе «Узник». Рисунок Уоррена (из собрания сочинений Байрона, 1833 г.).

- К балладе «Иванов вечер». На стр. 191 рисунок из «Невского альманаха» на 1828 г.
На стр. 195 и 197 рисунки из книги «Замки Шотландии», Лондон, 1806 г.
- К балладе «Торжество победителей». Рисунок Флаксмана (из книги «Илиада» Гомера. Лондон, 1805 г.).
- К балладе «Поликратов перстень». Рисунок Жуковского (из собрания стихотворений Жуковского, изд. 5-е, Карлсруэ).
- К балладе «Ленора». На стр. 231 рисунок Жуковского (из собрания стихотворений Жуковского, изд. 5-е, Карлсруэ).
На стр. 235 рисунок Ходоведского (из книги «Стихотворения Бюргера», 1789 г.).
- К балладе «Покаяние». Рисунки Жуковского (из собрания стихотворений Жуковского, изд. 5-е, Карлсруэ).
-
- В начале книги помещен портрет Жуковского, гравированный Вендрамини с портрета работы Кипренского.
На стр. 278 гравюра с портрета Жуковского, работы П. Соколова.
На стр. 20 — портрет А. А. Воейковой с оригинала неизвестного художника.
На стр. 54 — портрет Саути с оригинала неизвестного художника.
На стр. 62 — портрет М. А. Протасовой, в замужестве Мойер, исполненный Зенфом в Дерпте около 1818 г. (оригинал утрачен).
На стр. 174 — портрет Гёте с гравюры неизвестного художника.
На стр. 189 — портрет Вальтер Скотта, работы Вильки (из собрания сочинений Вальтер Скотта, 1867 г.).
На стр. 204 — портрет Шиллера с гравюры неизвестного художника.
На стр. 229 — портрет Бюргера с гравюры из книги «Стихотворения Бюргера», 1789 г.
На стр. 249 — портрет Уланда работы Ворфа (из книги «Дневники Уланда», 1810—1820 гг.).
На стр. 267 — портрет Кэмпбела работы Филлипса (из книги «Образцы английской поэзии». Лондон, 1841 г.).
На стр. 281 гравюра из книги «Адский словарь или анекдоты о демонах», Париж 1818 (книга из библиотеки Жуковского).
- Мелкие заставки и концовки взяты из различных изданий начала XIX в.
-

СОДЕРЖАНИЕ

✓ Людмила	3
✓ Кассандра	14
✓ Светлана	21
Адельстан	31
Ивиковы журавли	39
Баллада о том, как одна старушка ехала вдвоем	46
Варвик	55
Алина и Альсим	63
Эльвина и Эдвин	72
✓ Ахилл	77
✓ Эолова арфа	86
Мщение	97
Гаральд	98
✓ Три песни	100
✓ Двенадцать спящих дев	102
Громобой	104
Вадим	136
Рыбак	166
Рыцарь Тогенбург	168
Лесной царь	173
Граф Гансбургский	176
Узник	181
Иванов вечер	187
Торжество победителей	198
Кубок	205
Поликратов перстень	211
Жалоба Цереры	215
Суд божий над епископом	220
Алонзо	224

Ленора	227
Покаяние	238
Роланд оруженосец	247
Плавание Карла Великого	257
Рыцарь Ролмон	260
Старый рыцарь	263
Уллин и его дочь	265
Элевзинский праздник	268
Комментарий	277
Список иллюстраций	325

~~ИЗДАТЕЛЬСТВО
"Детская литература"
БИБЛИОТЕКА~~

~~600k~~